

Е.В.Пащенко

Очерки о монастырях и
храмах Архангельской
области
(17 - 20 века)

Архангельск
1999

Е. В. Пащенко

**Очерки о монастырях и
храмах Архангельской
области
(17 - 20 века)**

Архангельск
1999

УДК : 614. 2 (470. 11)

Открытки о монастырях и храмах Архангельской области. Е.В. Пашенко. - Архангельск: АГМА.-1998.-с.

Книга Е. В. Пашенко, является результатом многолетней поисковой работы автора. Она знакомит читателя с малоизвестными страницами истории Архангельской области. В ней рассказывается о некоторых известных монастырях и храмах, которые существовали в нашем крае в далеком прошлом и возрождаются в настоящее время. В ней также представлены биографии людей, служивших в этих храмах и материалы о малоизвестных северных святых, которыми во все времена был богат Север. Книга предназначена для студентов факультетов социальных работников, преподавателей истории, а также людей, интересующихся прошлым Архангельской области.

На обложке : Праведный Артемий Веркольский. С хромо.фотографии 1902 г.

Рецензент: Заведующий кафедрой социальной медицины, экономики и управления здравоохранения, профессор А.М. Вязьмин.

Печатается по разрешению редакционно - издательского совета АГМА

Рисунки: Е.В.Пашенко

Художник-оформитель, веретка: А.В.Пашенко

© Архангельская государственная медицинская академия

СОДЕРЖАНИЕ

О КНИГЕ Е.В. ПАЩЕНКО ОЧЕРКИ О МОНАСТЫРЯХ И ХРАМАХ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ 17-20 ВВ.	6
ВВЕДЕНИЕ	8
МОНАСТЫРИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ	9
СКВОЗЬ ТЬМУ ВЕКОВ (СВЯТО- ТРОИЦКИЙ АНТОНИЕВО- СКИЙСКИЙ МОНАСТЫРЬ)	10
СКАЗАНИЕ О СУРСКОЙ ОБИТЕЛИ. (ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И СУДЬБА СУРСКОГО МОНАСТЫРЯ)	16
Начало обители	16
История открытия Сурского монастыря по "стихотворной летописи" игумении Таисии	19
Отец Иоанн Кронштадтский	24
Сурские игумены	25
Сестры	29
Архангельское Сурское подворье День в Сурской обители	34
Монастырская школа	38
Разорение	40
«В память вечную»	43
Список монахинь Сурского монастыря	44
Список используемой литературы	47
ОЧЕРКИ О ХРАМАХ АРХАНГЕЛЬСКОЙ	49
КОГДА ОЖИВАЕТ ПАМЯТЬ (АРХАНГЕЛЬСКОЕ ПОДВОРЬЕ БОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ)	50
ПЛЫВУЩАЯ ЧЕРЕЗ ВЕКА (БОЛОМБАЛЬСКИЙ ХРАМ СВЯТИТЕЛЯ МАРТИНА)	56
ЗА ДВИНОЮ , НА КЕГ- ОСТРОВЕ (ХРАМЫ КЕГОСТРОВА)	62

РАССКАЗЫ О ИЗОБОТНЫХ ПОДВИЖНИКАХ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ 67

ЕВФИМИЙ ИЗ ГРАДА АРХАНГЕЛЬСКОГО 68

**ОТРОКОВИЦА ПАРАСКОВИЯ
(ПРАВЕДНАЯ ПАРАСКЕВА ПИРИНЬСКАЯ) 72**

ПОВЕСТЬ О МОНАХИНЕ ЕЛСВФЕРИИ 75

Детские годы 75

Выбор пути 77

Архангельские подвижники 30- 40 годов 83

Судьбы архангельских монахинь 91

Скорби и утраты 98

Характер матушки Елсвферии 102

Последний венец 109

О КНИГЕ Е.В. ПАЩЕНКО ОЧЕРКИ О МОНАСТЫРЯХ И ХРАМАХ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ 17-20 ВВ.

Книга Е.В. Пашенко адресована студентам факультета социальных работников, историкам, а также людям, интересующимся историей своей «малой родины» - родного края, и всем неравнодушным к духовному возрождению Севера. Она посвящена некоторым страницам истории Архангельской области, малоизвестным для современного читателя. В этом отношении книга чрезвычайно актуальна в наше время дефицита духовности в обществе.

В ней рассказывается о ряде исторически-культурных памятников, которыми являются сохранившиеся и не сохранившиеся до наших дней монастыри и храмы области. Особое внимание уделено истории открытого ровно столетие назад, в 1899 г. в пинежском селе Сура женского Иоанно-Богословского монастыря, рассказ о котором построен на основании документов областного архива. Впервые в очерке «Сказание о Сурской обители» читатель может познакомиться с различными сторонами жизни северного женского монастыря, его бытом, просветительской деятельностью, а также узнать о судьбах его обитательниц. В списке монахинь Сурского монастыря читатель может найти сведения о местах захоронения на архангельских кладбищах последних из его сестер.

«Очерки о храмах Архангельска» рассказывают о некоторых храмах города, история которых также малоизвестна широкому читателю - Соловецком подворье, Соломбальской церкви Святителя Мартина, а также о храмах Кегострова. В повествовании, наряду с документальными источниками используются сведения из описаний, сделанных дореволюционными авторами, а также неизвестные исследователям воспоминания прихожан храмов.

«Рассказы о подвижниках Архангельской земли» начинаются повествованием о северных святых, малоизвестных даже для северян - Евфимии Архангелогородской и Параскеве Пириминской. В основу их положены сведения из не переиздававшихся в советское время источников - книги архимандрита Никодима (Кононова) «Архангельский Патерик», а также «Архангельских епархиальных Ведомостей» и описания приходов и монастырей Архангельской епархии. Автор, систематизировав сведения из этих книг, рассказывает о судьбах северных подвижников далекого прошлого языком, понятным для современного читателя. Ценность очерков о малоизвестных северных святых и в том, что данные о них практически отсутствуют в «Архангельском Патерике» архимандрита Никодима, и для

студентов- историков или студентов факультета соц работников самостоятельный поиск сведений о них может быть затруднен. Впервые читатель может познакомиться с судьбой малоизвестного, в отличие от Архангела Михаила, покровителя нашего города Архангельска - Евфимия Архангелогородского.

Наряду с рассказом о святых прошлого, автор в «Повести о монахине Елевферии» рассказывает о церковных подвижниках Архангельска 20-30 годов нашего столетия. Сведения о них приводятся впервые и могут быть интересны для тех, кто интересуется историей Архангельска тех лет. В основу повествования положена судьба монахини Елевферии (Анастасии Невсеровой), ставшей послушницей в конце тридцатых годов. В небольших главках рассказывается о монахинях из разоренных монастырей- Холмогорского, Сурского, Шенкурского, похороненных на кладбищах нашего города. Помимо этого, автором впервые прослежены судьбы выдающихся священнослужителей того времени- епископа Никона Пурлевского, протоиерея Димитрия Федосихина, архимандрита Серафима Шинкарева, юродивого иеромонаха Игнатия.

О судьбах этих людей автор рассказывает впервые, используя собранные в течение нескольких лет воспоминания очевидцев, в том числе и самой монахини Елевферии.

Особенностью всех очерков является современный язык, благодаря чему архивные документы и воспоминания приобретают особую яркость. Попытка автора книги сделать факты и события прошлого близкими и актуальными для современного человека достигается не только живым изложением их, но и особым отношением к используемому материалу, к памяти о людях и событиях прошлого.

« Очерки о монастырях и храмах Архангельской области» представляют первую попытку популярного, интересного для читателей разных возрастов, рассказа о « святых и святынях» нашего края. Редакционно-издательским советом АГМА книга Е.В. Пашенко может быть рекомендована к изданию.

Заведующий кафедрой социальной медицины,
экономики и управления здравоохранения,
профессор

(А.М. Вязьмин)

9 марта 1999 года

ВВЕДЕНИЕ

В наше время, когда мы все чаще возвращаемся к истории и культуре своей страны, особую актуальность приобретает и обращение к истории своей "малой родины" - края, где каждый из нас родился и вырос. И у нашей Архангельской земли эти история и культура удивительно богаты. В том числе и история духовности на Севере. Дореволюционный писатель, архимандрит Никодим (Кононов, впоследствии Новомученик, Епископ Белгородский), автор книги о Святых Архангельской губернии - "Архангельского Патерика", утверждал, что "по числу местных святых мужей Архангельская епархия уступает только "Матери градов Русских" - Киеву и древнему "господину великому Новгороду". Архангельская земля была богата не только святыми, но и многочисленными обителями - Соловецкий, Сийский, Холмогорский Успенский, Шенкурский Свято-Троицкий, Николо-Корельский, Трифонов-Печенгский, Пертоминский, Кожезерский, Красногорский, Веркольский, Сурский, Михайлово-Архангельский монастыри привлекали на Север многочисленных паломников, для которых наш край был, "Северной Фиваидой", источником нравственной чистоты. Не говоря уже о многочисленных храмах, среди которых в Архангельске самым величественным и прекрасным был Свято-Троицкий кафедральный собор.

В годы Советской власти большинство из этих монастырей и храмов были закрыты и разрушены. Однако в настоящее время идет восстановление некоторых известных обителей - Соловецкого, Антониево-Сийского, Веркольского монастырей. В самом Архангельске снова стали действовать храм Соловецкого подворья, Троицкая церковь. Возможно, что в будущем это произойдет и с другими северными обителями и церквями. И уже стало доброй традицией праздновать 21 ноября именины города - день Архангела Михаила, который, наряду с преподобным Евфимием Архангелогородским, почитается, как покровитель Архангельска.

Для того, чтобы современный человек мог узнать, какие монастыри и храмы были в Архангельской губернии в минувшие времена, мы решили рассказать о некоторых из них, особенно о тех, история которых известна недостаточно хорошо. Как и об удивительных судьбах северян - подвижников, что были на нашей земле всегда - не только в далеком прошлом, но и в наши дни.

МОНАСТЫРИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

СКВОЗЬ ТЬМУ ВЕКОВ

(СВЯТО-ТРОИЦКИЙ АНТОНИЕВО-СИЙСКИЙ МОНАСТЫРЬ)

Суть на нашей Архангельской земле уголки, где время как бы замедляет свой ход, и рядом с современностью соседствует вековая древность. К числу подобных мест на Севере относится Свято-Троицкий Антониево-Сийский монастырь-обитель с почти пятивековой историей, одна из замечательнейших святынь нашего края. Основана она была в 16 веке. Но, прежде чем рассказать о ней, необходимо поведать о судьбе ее первоначальника, Преподобного Антония, Сийского Чудотворца. Он родился недалеко от Архангельска, в Кехте. Его родители, благочестивые крестьяне Никифор и Агафья, долго не имели детей, и их первенец Андрей (так звали св. Антония в миру) был «вымоленным у Бога чадом». В семилетнем возрасте Андрей выучился грамоте и иконописи, помогал родителям по хозяйству. В возрасте 25 лет, похоронив отца и мать, он ушел в Новгород, где служил у одного боярина. Хозяин так полюбил его, что выдал за него замуж свою дочь. Но спустя год та умерла, а вслед за ней и сам старый боярин. Возможно, эти потери дорогих Андрею людей окончательно обратили его мысли к Богу. В Каргопольском краю, на реке Кене, в пустыни преподобного Пахомия Андрей принял монашество, а впоследствии и священнический сан.

В Кенозерской обители сформировался характер Антония. По свидетельству жития, он усердно трудился на тяжелых монастырских работах (традиционно в церковной литературе их называют послушаниями)- валил деревья, корчевал пни, работал в огороде. Особенно же любил ухаживать за больными в монастырской богадельне, на деле исполняя Христову заповедь о любви к ближнему. Но его влекло к более суровому подвигу-пустынничеству.

С благословения своего наставника-Пахомия, Антоний с двумя иноками-Иоакимом и Александром, отправился в северные лесные дебри на поиски места, где можно было бы поселиться. Сперва они обосновались на реке Емце, однако были изгнаны оттуда местными крестьянами, которые заподозрили, что монахи хотят захватить их земли. Но эта людская несправедливость не смутила Антония-он верил, что Господь не оставит их и непременно поможет. И Бог воздал ему по его вере-встретившийся изгнанникам рыбак Самуил показал им чудесное место на берегу Михайловского озера, окруженное непроходимыми лесами. Именно там Божий Промысел судил возникнуть обители. Еще до прихода монахов местные жители видели там то чернцов, рубящих лес, то слышали колокольный звон и пение незримого хора. В этой-то «прекрасной пустыне» и поселился

Преподобный Антоний с семьей учениками. Первый деревянный храм, построенный ими, был посвящен Пресвятой Троице. Так более четырех столетий назад, в 1520 году, в правление великого князя Василия III, был основан Сийский монастырь.

Читая житие Антония Сийского, обращаешь внимание на его духовное родство с Сергием Радонежским, «игуменом земли Русской». Их объединяют и склонность к пустынночеству, и особое почитание Святой Троицы, и необычайное смирение, строгость к себе, милость к другим, стойкость в перенесении всевозможных лишений и искренняя вера в помощь Божию.

Недлгим было становление Сийской обители. Не раз братия, терпя недостаток в самом насущном, готова была разойтись, но, по молитвам Антония, Бог неожиданно посылал необходимое для монастыря, избавлял от нападения разбойников.

Главной святыней монастыря была икона Пресвятой Троицы, написанная, по преданию, самим Преподобным Антонием. От нее совершались многочисленные чудеса: прозревали слепые, изгонялись бесы. Однажды, по недосмотру, Троицкий деревянный храм сгорел, но находившаяся в нем икона была обретаена совершенно неповрежденной.

Антонию, первому игумену Сийскому, была суждена долгая и трудная жизнь. Он умер в глубокой старости, в царствование Ивана Грозного, 7 декабря (20 декабря по новому стилю) 1556 г. Из 79 лет своего земного жития почти 37 он провел в созданной им обители, периодически покидая ее для уединенного жительства. Об его подвижничестве можно говорить многое, но о том, каких духовных высот достиг Антоний, яснее скажут дошедшие до нас его поучения: «всякую скорбь терпи с благодарностью, ибо без скорби нельзя спастись. Без покаяния, чадо, никогда не пребывай. твори правду во всем, неправду же возненавидь... Божия милость без искушения никогда не бывает, но скорби же ожидаем радости. Необходимы же нам терпение и молитва, да привлечем милость Божию упорством нашим...»

Перед кончиной игумен Антоний поручил монастырь покровительству Господа, Пресвятой Богородицы и Преподобного Сергия Радонежского, которого особенно почитал, заповедав братии не оставлять дел милосердия, «нищих кормите и поите досыта и милостыню дайте, дабы не оскудело место сие.»

Расставшись телом с созданной им обителью, Преподобный Антоний и доселе духом пребывает в ней, посещая чад своих, помогая им своим молитвенным предстательством.

Первое житие Антония Сийского было написано спустя 21 год после его преставления по благословению игумена Гермогена иеромонахом (т.е. монахом, имевшим сан священника) Ионой. Другое житие принадлежало перу царевича Ивана - сына Ивана Грозного. А в 1579 г. состоялось причисление Преподобного Антония к лику Святых.

С самого основания Свято-Троицкий Сийский монастырь пользовался расположением русских царей и великих князей. Об этом свидетельствует древняя «Кормовая книга» – интереснейший памятник истории, где перечислены наиболее значительные вкладчики. Иван Грозный прислал синодик казенных бояр и 1000 рублей для их поминовения. Его сын Феодор пожертвовал 170 пудовый колокол, а также предоставил обители денежные льготы для возведения каменного Свято-Троицкого собора. Постройка московскими мастерами этого величественного пятиглавого храма длилась 18 лет – с 1588 по 1607 гг. Борис Годунов «прислал вкладом 200 рублей и крест, что снят у местной иконы у Троицы. Да его же дачи паникадило медное весом 9 пудов 200 фунтов, да ризы золотые, да покров на чудотворца кругом слова шиты золотом, да его же дачи 300 руб.». Делали приношения и родовитые бояре – Волконские, Милославские, Морозовы. Братия регулярно поминала «благодарителей и жертвователей», о чем свидетельствуют записи «Кормовой книги»: «Месяца марта в 19 день. Поминати царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России, в иноцех Ионы. Пети понахида собором в черных ризах болших, кутия пшеничная с ягодами, обедню служить собором. После обедни понахида малая, на братию корм шти с перцем, пироги гороховые с медом, квас сыченый. После стола поют понахиду малую. А дачи его образы, и книги, и ризы, и милостинные деньги, и вотчины, и жаловальные грамоты – а имянно всего не исписать». Так в Троицкой Сийской обители поминали царя Ивана Грозного.

В 1601 году в Сийском монастыре по приказу царя Бориса Годунова был насильственно пострижен боярин Феодор Никитич Романов, будущий Патриарх всея Руси, отец первого царя династии Романовых – Михаила. Игумен Иона, чем мог, облегчал положение опального боярина. Позже, став Великим Государем» и Патриархом, Филарет не забыл участливого игумена и также благодетельствовал Сийской обители. До нас дошло письмо святителя Филарета к Ионе о том, что он среди прочих подарков посылает ему и серебряную чарочку из своей кельи с пожеланием вкушать из нее во утешение. В Сийском монастыре долгие годы сохранялось деревянное кресло Филарета Романова. В начале XX столетия оно было перевезено в Архангельский краеведческий музей. Там оно находится и поныне – простое деревянное, потемневшее от времени кресло – память о скорбных годах, проведенных на Севере Патриархом Филаретом, иноком, по выражению Н. Карамзина, «невольным, но ревностным в делах благочестия».

Отношение царей династии Романовых к Сийскому монастырю – тема достаточно обширная и интересная. Помимо льгот и подарков, которые они делали этой обители, они сами не раз посещали места, хранившие память их пращура. Летом 1819 г. сюда приезжал царь Александр I, в июне 1856-император Александр Второй. Посещали Сию и великие князья Константин Николаевич (1844 г.), Алексей Александрович (1870), Владимир Александрович.

Встреча царственных гостей происходила по особому ритуалу. Царь, выйдя из кареты, шел пешком до Святых врат, где его встречал игумен с братией. Прикладывался к кресту и к иконе Преподобного, которую ему дарили. Игумен кропил его святой водой. Потом высокий гость шел в Свято-Троицкий храм, где поклонялся мощам Святого Антония и выслушивал молебны с многолетием. За угощением в игуменских покоях беседовал о жизни монастыря, после чего отправлялся в обратный путь.

О значении Сийского монастыря на Севере можно говорить много. Здесь он, наравне с Соловецким, занимал первенствующее положение. До учреждения в 1682 году Холмогорской архиепископии Сийский монастырь являлся органом церковного управления Двинским краем. Его игуменам принадлежало почетное, но весьма ответственное право объявлять о важных государственных событиях. В 1650 году, по поручению Новгородского митрополита Никона (будущего Патриарха всея Руси), сийский игумен Феодосий освидетельствовал мощи Преподобного Евфимия Архангелогородского, настоятеля Михайлово-Архангельского монастыря, обретенные в 1647 году, от которых совершались чудотворения, с 1652 года Сийская обитель управлялась архимандритами. В 1764 г. указом Екатерины Второй у монастыря была отобрана большая часть его богатых угодий, а сам он переведен в разряд второклассных. Но это не могло умалить величие и значение великой северной святыни.

Таким образом, вклад Антониево - Сийского монастыря в историю Русской Церкви, России - достаточно велик. К сожалению, мы не можем подробнее поведать о духовном наследии его насельников. Ведь внутренняя жизнь человека, в силу своей сокровенности, обычно не попадает в поле зрения описателей. Можно сказать одно - обитель свято хранила традиции своего основателя и примером игумена Антония поддерживалась подвижническая жизнь сийских монахов.

Что мог увидеть паломник начала двадцатого столетия, попав в Сийский монастырь? Ответим словами поэта - «красоту земли и неба». Высоко и величественно возносились к облакам купола белокаменных храмов - Свято-Троицкого, Сергиевского надвратного, Благовещенского. Еще один храм - в честь Святителей Московских - Петра, Алексия и Ионы, размещался под колокольней. В праздники далеко окрест разносился звон 20 колоколов, из которых самый большой весил 300 пудов. Монастырю принадлежали еще 2 церкви - Успенская кладбищенская и Крестовоздвиженская (на месте встречи Св. Антония с рыбаком Самуилом), 2 часовни. Наверное, поражали богомольцев своей благолепной красотой золоченые трехъярусные иконостасы монастырских каменных церквей, иконы - от старинных до образов «итальянского письма». Но главными сокровищами были мощи Преподобного Антония, почивавшие в красивой серебряной позолоченной раке, чудотворные иконы Троицы и Смоленской Божией Матери. Поклонившись мощам, рядом с гробницей паломник видел бережно хранимые посох Св. Антония и его ризы. Они были не златотканые, усыпанные самоцветами, а шитые из простой крашенины, но именно в эти скромные ризы облачались сийские игумены и

архимандриты в день памяти Преподобного Антония. И так продолжалось, пока эти драгоценные облачения не обветшали совсем. Рядом с ракой Преподобного Антония, у южной стены Свято-Троицкого собора, находилась и усыпальница сийских настоятелей, у которой служились панихиды. В монастыре имелись и богатая библиотека, где хранилось древнее Евангелие, принадлежавшее Преподобному Антонию, иконописная школа. Кроме того, было большое хозяйство - поля, скотный двор, водяная мельница, 2 благоустроенные гостиницы для паломников. Наверное, покидая Сию, богомольцы всю жизнь с умилением вспоминали о виденной ими величественной святыне.

Теперь и мы об этом можем только вспоминать. В 1921 году монастырь зарыли. В стенах его последовательно размещались коммуна, дом отдыха, дома для детей-инвалидов и престарелых, облисполкомовская и обкомовская дачи, пионерский лагерь. В 1992 г по ходатайству епископа Архангельского и Мурманского Пантелеимона, благословением Святейшего Патриарха Алексия, монастырь был возвращен Русской Православной Церкви. Тогда же его настоятелем был назначен иеромонах (ныне игумен) Трифон, служивший до этого на приходе в селе Ыб Коми края.

Что увидел он, впервые приехав туда? Разорение. Храмы полуразрушенные, без крестов и куполов, разобранные корпуса, практически в руинах колокольню. Не осталось и следа от часовен, Успенской и Крестовоздвиженской церквей, гостиниц, старых хозяйственных построек, которые заменили павильоны с аляповато намалеванной пионерской символикой... Вещественное было разорено. Но в осиротевших стенах сохранялся дух былой святыни, ее святого основателя. Может, в этом возрождении, через страдания, на пепелище - особый Промысел Божий? «Божия милость, братие, без искушения никогда не приходит, по скорби же ожидаем радости».

Вот уже семь лет идет восстановление Анонииево-Сийского монастыря. Воссоздание его внешнего облика, хозяйства, неразрывно сочетается с возрождением духовным. Каждый день в 5. 30 утра братия собирается на утреннюю молитву. Затем, после трапезы, расходится на послушания - на кухню, на скотный двор, на ремонтные работы. После обеда - снова послушания. В 21. 00 вечернее молитвенное правило. С лета 1994 г ежедневно читается акафист у мощей Преподобного Антония.

Сийский монастырь под руководством деятельного, неустоимого игумена Трифона становится и центром возрождения Православной духовности на Севере. В обители открыта большая библиотека, сформирован хор из монахов, послушников, трудников (вольнорабочих). С осени 1994 г по благословению Епископа Пантелеимона стараниями игумена Трифона в Архангельске открыто заочное отделение Свято-Тихоновского Богословского института, деканом которого в 1996 г. стал игумен Трифон. Он же явился и инициатором создания в 1994 г. Архангельской епархиальной библиотеки. Монастырь регулярно проводит семинары по Православной

педагогике, а его книжные лавки знакомят верующих архангелогородцев с новыми изданиями Православной литературы. Все это свидетельствует о том, что, как и во времена Преподобного Антония, Господь не оставляет места сего. Возрождается обитель, а вместе с ней - и Православие в нашем краю.

Своеобразным символом этого служит уцелевшее место погребения Преподобного Антония в Свято-Троицком соборе. Он пока еще пуст, стены испещрены надписями, зияющие просветы окон закрыты деревянными щитами. Но у гроба основателя обители уже зажжена лампада, приходят молиться люди. А это значит, что после десятилетий разорения и безверия все же наступают радость и возрождение, как после ночи приходит светлый и радостный день.

СКАЗАНИЕ О СУРСКОЙ ОБИТЕЛИ. (ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И СУДЬБА СУРСКОГО МОНАСТЫРЯ)

реди древнерусских преданий есть удивительная повесть о невидимом граде Китеже. Прекрасен и благолепен был этот город. Но в страшную годину татарского нашествия навсегда исчез он с лица земли, канув в бездонные воды Светлояр-озера. Лишь в чудных сказаниях старины живет и поныне ничем неистребимая память о нем.

Только где же найти нам память не о былинном Китеже- об утраченных нами совсем недавно святынях нашей северной земли? Ведь тех людей, кто хранит эту память, уже почти не осталось. Но там, где не отыскать очевидцев, уцелели документы. И наш рассказ об одном из монастырей Архангельской епархии- Сурском, основан на данных областного архива. Там и поныне хранятся Устав и летопись этой обители, послужные списки игумений и насельниц, а также трагические свидетельства разорения этого монастыря. Иногда эти документы привлекали внимание исследователей. Например, в 1960 году один из них делал выписки из Устава монастыря « для разоблачения учения Ивана Сергеева», о чем оставил свою запись в формуляре. Теперь это тоже своеобразный документ времен « воинствующего атеизма».

Для того, чтобы сделать историю Сурской обители достоянием не только узкого круга ученых, а и каждого православного человека, которому она небезразлична, мы и обратились к ней, надеясь составить не сухое исследование, а живое повествование об утраченной ныне безвозвратно святыне, о людях, населявших ее стены.

НАЧАЛО ОБИТЕЛИ

История появления в отдаленных пинежских краях Сурского монастыря неразрывно связана с именем Иоанна Кронштадтского. И рассказом о том, с какой целью задумал он основать у себя на родине, в селе Суре, самый северный женский монастырь, начинается сохранившаяся в Архангельском областном архиве «Летопись Сурского Иоанно- Богословского женского монастыря». Вот что рассказывается в ней об этом событии, происшедшем столетие тому назад: «достоцитимый и дорогой Батюшка, отец Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев, заботясь о религиозном состоянии своих сородичей Сурян, решил устроить в Суре обитель, которая своим ежедневным примером

благочестия побуждала бы их молитве и труду. Устраивая Сурскую обитель, отец Протоиерей по его собственным словам имел целью просвещение Сурского народа, а также и то, чтобы обитель была для местного населения училищем благочестия посредством доброго примера трудолюбия и молитвы».

О том, как было положено основание монастыря в Суре, мы знаем из стихотворной летописи, составленной игуменией Новгородского Леушинского монастыря Таисией, которая упоминает, что, помолясь «на поле близ родимого села», Св. Иоанн благословил место для его будущей постройки. В летописи монастырской указывается точная дата этого события- 14 июня 1899 г., а также приводятся заключительные слова молитвы, произнесенной тогда Иоанном Кронштадтским:» Господи, Ты еси Альфа и Омега, начаток и конец, Сам благослови предпринимаемое дело сие, благопоспеши сему и соверши до конца!» После этого началось строительство деревянных зданий церкви в честь Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, которое было завершено к лету 1900 года. Возведение монастыря проводилось на деньги, пожертвованные для этого Праведному Иоанну многочисленными благотворителями. Тогда же, в 1899 году, в Суре появились и первые послушницы будущей обители.

О них, о самых первых, стоит рассказать особо. Первым приходится всегда труднее всех, как тем, кто прокладывает путь другим. Поэтому остановимся на судьбах тех сестер, кто стоял у истоков Сурского монастыря, а тогда еще -женской общины, утверждение которой указом Императора , а также Святейшего Синода датируется 30 октября 1899 года.

Их было тогда около тридцати пяти. Две монахини -начальница мать Варвара и монахиня Ангелина, прошедшие иноческий искуc в Леушинском монастыре. Остальные- послушницы. Самым младшим- Марии Громовой и Агриппине Коляпиной было 13 лет. Самой старшей- Александре Степановской- 41 год. А в среднем возраст первых сурских послушниц составлял немногим старше двадцати лет. В основном они были крестьянского происхождения, по двое- из духовного и мещанского сословий, и лишь одна-единственная Евдокия Толбузина -из новгородских дворян. В основном первые насельницы Сурской общины были приезжими- семеро- из Новгородской губернии, пятеро -из Тверской. . И лишь одна- единственная, дочь псаломщика Аполлинария Видякина, происходила из Шенкурского уезда Архангельской губернии. Следует упомянуть еще одну интересную деталь -за исключением двоих, все первые насельницы Сурской общины были грамотными. Конечно, уровень образования их был неодинаков -от гимназии до монастырской школы, но это заставляет предполагать и их начитанность в духовной литературе. Двое послушниц- сестры Мария и Екатерина Громовы выучились грамоте при Доме Трудолюбия, устроенного в Кронштадте Праведным Иоанном.

Большая часть послушниц-22-перешли в Сурскую общину из Леушинской обители.

Подготовкой послушниц для Сурского монастыря руководил сам Иоанн Кронштадтский. И первые из них были приняты им самим и отданы под духовное руководство Леушинской игумении Таисии. В книге Н. И. Большакова об отце Иоанне Кронштадтском «Источник живой воды», впервые вышедшей в 1910 г. и переизданной в 1995 г., приводятся несколько писем Праведного Иоанна к м. Таисии с просьбами принять в Леушинский монастырь для подготовки в Сурскую общину ту или иную девушку. Имена некоторых из них удалось отыскать в послужных списках монахинь и послушниц. Это сестры Мария и Елизавета (или Екатерина) Громы, а также Наталья Ширьякова (правильнее - Шурьякова), впоследствии принявшая постриг с именем Иувеналии. В числе первых насельниц Сурского монастыря были и две крестьянские девушки - двадцатидвухлетняя Анна Станиславская, уроженка Вельского уезда Вологодской губернии, а также 33-летняя Анастасия Ефимова из Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии, о судьбах которых мы расскажем немного позже.

Поселившись на месте будущей обители, сестры помогали в строительных работах, занимались разработкой земельных участков под огороды. Навсегда остались в памяти первых насельниц Сурской общины воспоминания о тяжелых трудах, понесенных ими при возведении монастыря. «Мы пришли на голый песок, где не было никакого строения, каковы и пришлось нам начинать своим трудом, а именно: раскапывать канавы, вырывать пни, разрабатывали землю, носили сырой кирпич...», - так впоследствии писали они о трудном первом году своего житья на Сурской земле. «Постройка монастыря, - сообщает «Летопись», - подвигалась очень быстро, так что к лету 1900 г. был окончен уже постройкою деревянный корпус с келиями для сестер и в связи с ним деревянная однопрестольная церковь во имя Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова». Разумеется, в этом немалая заслуга принадлежала первым монахиням и послушницам Сурской общины. 20 июня 1900 года во время приезда отца Иоанна Кронштадтского на родину, состоялось торжественное освящение монастырского храма. Светлую атмосферу этого события как нельзя лучше передала в своих стихах непосредственная участница его - игумения Таисия. В ноябре того же года указом Архангельской Духовной Консисории (епархиального управления) вместо Сурской женской общины был учрежден Иоанно-Богословский монастырь. Никто не предполагал тогда, что ему суждено просуществовать лишь два десятилетия, что по недоброй воле «воинствующих атеистов» будут безжалостно исковерканы судьбы многих простых девушек и женщин, посвятивших себя служению Богу в его стенах... И с болью в душе перелистываешь толстую, в добротном картонном переплете тетрадь-«Летопись Сурского монастыря», где большинство страниц навсегда осталось пустыми...

Но двадцать лет - срок и краткий, и в то же время немалый, как для человека, так и для обители. История двадцатилетнего существования Сурского монастыря достаточно интересна и поучительна. Обратимся же к некоторым ее сторонам.

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ СУРСКОГО МОНАСТЫРЯ ПО “СТИХОТВОРНОЙ ЛЕТОПИСИ” ИГУМЕНИИ ТАИСИИ

Прежде всего следует упомянуть об интереснейшем документе, где об открытии Сурского монастыря рассказывается в стихотворной форме, от лица одного из непосредственных участников и очевидцев этого события- игумении Леушинского монастыря матери Таисии. Благодаря ее повествованию мы знаем о множестве деталей и подробностей происходившего в это время в Суре торжества, когда был освящен Иоанно-Богословский монастырь. В настоящее время стихи эти опубликованы в сборнике духовной поэзии “ Слово Жизни”, изданном в 1994 г. издательством “Родник”.

Игуменья Таисия была духовной дочерью и сподвижницей отца Иоанна Кронштадтского, и принимала деятельнейшее участие не только в построении Сурского монастыря, но и в подготовке насельниц для него, которые поступали под ее духовное руководство по благословению отца Иоанна. Также игуменья Таисия известна и как духовная писательница. Сейчас переизданы ее автобиографические “Записки” (получившие одобрительный отзыв Св. Иоанна Кронштадтского), а также “ Письма к новоначальной инокине”. Кроме того, ею был составлен акафист Архангелу Рафаилу. А один из биографов Иоанна Кронштадтского, Н.И. Большаков, упоминает о том, что на открытие Сурской обители она сочинила в честь ее основателя “ стихотворение- поэму, в которой она рисовала великую личность о. Иоанна”. И вот еще одно произведение матери Таисии- стихотворная летопись открытия Сурского монастыря.

Прежде чем мы к ней обратимся, скажем немного о том, чьими трудами был открыт монастырь в Суре- об Иоанне Кронштадтском. В это время он уже был известным не только в России, а и за ее пределами молитвенником и чудотворцем. Но отец Иоанн, чуждый суетной славе, всю жизнь оставался верен своей далекой родине- пинежскому селу Суре. Он не только каждое лето навещал ее, но и старался, чем мог, помочь землякам. Открыл в Суре лавку, где необходимые товары продавались по дешевой цене. А еще, что важнее- вместо обветшалой за двести лет церквушки на его средства были построены большая каменная церковь в честь Святого Николая Чудотворца и школа. Но Иоанн Кронштадтский решил открыть на родине также девичий монастырь с богадельней и приютом для сирот. Напомним, что в Архангельской епархии тогда имелось только два женских монастыря- в Холмогорах и Шенкурске. Поэтому построение обители в Суре было важным событием духовной жизни Православного Севера.

Свой рассказ о создании Сурского монастыря м. Таисия начинает с лета 1899 г., когда во время посещения родного села у отца Иоанна возникла мысль подарить землякам духовный ориентир- монастырь:

“ И великому здесь делу
Он начало положил:
В Сурских северных пределах
Монастырь создать решил.
Вышел вечером на поле
Близ родимого села -
“Такова, знать, Божья воля!” -
Молвил он и, осеня
Крестным знамением место,
Так молитву сотворил...”

Эти строки игуменни Таисии очень ярко говорят о таинственном основании Сурской обители летним вечером 1899 г. И история его началась именно тогда, с вечерней молитвы Иоанна Кронштадтского “на поле близ родимого села”.

В течение года на месте, осененном крестным знамением, было возведено деревянное здание обители с церковью на 600 человек, двадцатью кельями и хозяйственными постройками. В строительстве помогали местные жители, а также Новгородский Леушинский монастырь, в котором были написаны образа для иконостаса. Весной 1900 г. обитель была готова к открытию. Оставалось только совершить ее освящение. А сделать это должен был сам основатель монастыря, Иоанн Кронштадтский.

“ В канун Троицы, в субботу” 1900 г. игуменья Таисия с несколькими инокинями отправилась из Леушинского монастыря в Архангельск, чтобы, прибыв в Суру раньше о. Иоанна, приготовить все к встрече долгожданного гостя. В Архангельске их ожидал “ пароходик наш родной, “Николай Святитель” славный”, как любовно именует его м. Таисия, пришедший из Суры. Появление в Архангельске парохода из Суры в это время было настоящим чудом, потому что в начале лета река Пинега мелела, и судоходство по ней становилось невозможным. Но, как видно, и тут совершилась Божия воля о Сурском монастыре, и невозможное сделалось возможным. Перночевав на пароходе, монахини отправились к архангельскому епископу Иоанникию, “ чтоб принять

От него благословенье
Ехать в Суру всем сестрам
На всегдашнее вселенье
В новой общине, и там
Совершить ей обновленье”

Владыка Иоанникий принял сестер радушно. “Наши сурские певицы пели в кельях у него”, - вспоминала об этой встрече м. Таисия, добавляя при этом, что “не мог он надивиться, что поют так хорошо”.

“А начальницу особо
Он вниманием почтил.
О делах, о Суре много
И подробно говорил”

Благословляя будущих сурских насельниц, Владыка произнес пророческие слова о новом монастыре, которые сохранились для нас благодаря стихам Леушинской игумении:

“ Монастырь там славный будет.
Много пользы принесет
Благодать на нем пребудет
И обитель процветет”.

Совершив путешествие от Архангельска до Суры, м. Таисия занялась приготовлениями к встрече Батюшки Иоанна, в которых участвовали и местные жители, горячо любившие своего великого земляка. Они украсили дома флагами и устелили пристань кумачом. А деревенские девушки сплели “полевых цветов веночки”, которыми, как гирляндами, украсили пристань. И это скромное убранство из венков и флагов было бесхитрым проявлением любви сурских крестьян к батюшке Иоанну, приезда которого, по словам м. Таисии, ожидали “так, как ждут Христова дня”.

Спустя 2 недели после прибытия в Суру игумении Таисии, посланная навстречу батюшке Иоанну инокиня вернулась с вестью, что тот едет. И вот в понедельник 18 июня, в 5 часов утра (в своих стихах м. Таисия указала даже точное время прибытия парохода), из-за мыса показался долгожданный “Святитель Николай”, на палубе которого собравшиеся суряне и сестры обители увидели батюшку Иоанна. Его встречали радостным звоном колоколов и пением монашеского хора.

“ Песнью стройною и громкой-
Словно ангелы поют.
Отголоски песни звонкой
Волны синие несут”.

А отец Иоанн, отирая набежавшую на глаза слезу, благословлял народ, обращаясь к нему со словами приветия... Сойдя с парохода, он сразу же отправился в Никольский храм. После молебна в нем посетил могилу отца, псаломщика Илии Сергиева, а также домик, где родился и провел детские годы.

Замечательно, что жители Суры сохранили этот домик. Трогательное описание посещения Иоанном Кронштадтским своего “колыбельного уголка” также дошло до нас благодаря стихам игумении Таисии. Вот как она рассказывает об этой встрече:

“Домик древний, обветшалый,
Дом без крыши и крыльца.
Но прикрыт как бы футляром.
Чтоб не рухнул до конца...
Пред иконами в смиреньи
Он колена преклонил.
На скамью присев, он молвил:
“Здесь я мальчиком сидел”.
И, былое все припомнив,
Судьбы Божии воспел”.

В домике сохранялись немногие уцелевшие вещи семьи Сергиевых-иконы, а также каменный жернов в деревянном ящике. Одна из двух комнат была превращена в часовню.

О том, что переживал отец Иоанн, посещая свой старый домик, можно понять, прочитав в стихах матери Таисии о том, что для ночлега в Сурском монастыре он выбрал именно ту келью, что выходила на него окнами. Видимо, летняя белая ночь в Суре была для него не только ночью молитвы, но и воспоминаний Печальных и светлых.

Утром 19 июня Иоанн Кронштадтский отслужил Божественную Литургию в Никольском храме, а вечером- всенощную в новой церкви Сурского монастыря. На другое утро, 20 июня, произошло освящение монастырского храма в честь Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова и отслужена первая Литургия в нем. Служба была очень торжественной. Вместе с о. Иоанном в ней принимали участие 8 священников и 6 диаконов. После Литургии Иоанн Кронштадтский произнес в монастырском храме первую проповедь. В ней говорил он о милости Божией, благодаря которой теперь в Суре есть “святое место постоянных богоугодных подвигов, всякой христианской добродетели, которое может служить живым примером благочестия”. А еще- о том, какими должны быть те, кто решился уневеститься Христу, служить Ему в иноческом чине. Мы приводим несколько отрывков из этой проповеди, чтобы показать, насколько глубоко понимал отец Иоанн Кронштадтский смысл монашеской жизни:

“Первым вашим делом, сестры, должно быть богомыслие и молитва, вторым- всегдашнее воздержание в пище и питии, чистота помыслов и чувств, телесный труд и беспрекословное послушание, обучение себя кротости и смирению... Вы, обрученные Святейшему Жениху- Христу девы, должны принести Ему, как бы дорогое нетленное приданое- всегдашнее девство и чистоту душевную и телесную. Без чистоты душевной и телесной монахиня- не монахиня... Искушайте же грехи свои трудами духовными и телесными и достигайте спасения душ ваших со славою вечною. Будьте верны Господу и оправдайте делом свою верность”.

С трепетом в душе внимали его словам юные обительницы Сурского монастыря. Я не оговорила, назвав их, вслед за м. Таисией, "юными". Это действительно было так. Один из паломников в Сурский монастырь оставил о них следующие интересные воспоминания: "Много я видел мужских и женских монастырей на Руси, но такого еще нигде не видел. Не монастырь, а институт какой-то. Что ни монахиня, то семнадцати-восемнадцатилетний ребенок". Самой старшей из них, кроме настоятельницы, игумении Варвары, не было тридцати лет. После Литургии Св. Иоанн благословил каждую послушницу, одарил их иконами. Об этом также говорится в стихах м. Таисии:

~ Всех с любовью ласкает,
С каждой кротко говорит,
И, как мать, их утешает,
Образочками дарит"

Большинство инокинь приехали в Сур из Петербурга, Петергофа, Кронштадта, хотя были и северянки. Об их подвижнической жизни, пожалуй, лучше всех поведала в своем очерке "Пинега", вышедшем в начале 90-х годов в журнале "Литературная учеба", А. Ильинская: "не на легкую жизнь собрались сюда подвижницы. Ни садов, ни огородов, ни обработанных полей в Суре не было. Все сестры несли тяжелые послушания на монастырской лесопилльне и кирпичном заводе. Плач ветра, стон вьюги, но и созывающий к молитве колокольный благовест - вот судьба, которую с Батюшкиного благословения избрали себе юные Христовы невесты". Но, несмотря на все лишения, число насельниц (т.е. обительниц) Сурского монастыря год от года увеличивалось. В 1903 г. их было уже 120. Нам сейчас остается лишь поражаться беззаветной преданности этих девушек Богу, ради Которого они добровольно избрали скорбный и трудный жизненный путь. Позже, в годы гонений, их судьбы сложились трагически. По некоторым сведениям, в годы войны, последние оставшиеся в Суре монахини были арестованы и утоплены в проруби в районе Карпогор.

После освящения монастыря Иоанн Кронштадтский пробыл в Суре около суток. Игуменья Таисия в своих стихах сообщает, что он уехал из родного села в полночь. Снова стоял на пристани народ снова звонили колокола Никольской церкви и пел хор монахинь. Но с печалью провожали своего гостя и земляка суряне, и пение инокинь прерывалось рыданиями. А батюшка Иоанн, стоя на палубе парохода, глядел на родное село и безмолвно молился. О чем? Для нас это останется тайной. Но м. Таисия завершает свой рассказ об освящении Сурского монастыря обетованием, которое дал отец Иоанн монахиням, расставаясь с ними:

~ Никогда вас не оставлю,
Сестры добрые мои,
Все вам нужное доставлю
Во все жизни вашей дни.

И молитвенник усердный
За вас к Богу я всегда
Уповаю- Милосердый
Вас не презрит никогда”.

И эти слова были утешением для тех, кто июньской ночью 1900 г провозжал Иоанна Крошштадтского на сурской пристани.

На этом кончается рассказ игумении Таисии об открытии Сурской обители. Он сохранил для нас живое свидетельство о радости, которой было ознаменовано это событие. Теперь обратимся к судьбам людей, чьи имена сохранили для нас пожелтевшие страницы Сурского архива.

ОТЕЦ ИОАНН КРОШТАДТСКИЙ

Без рассказа об его вкладе в основание Сурского монастыря говорить об истории этой обители просто невозможно. Ведь именно он положил ей начало. Он перечислял средства на ее строительство. Он освятил здания обители. Он же пожертвовал на содержание при ней женской школы значительный (в 40 тыс. руб.) капитал. Но самое главное, конечно- вклад о. Иоанна в духовное становление Сурского монастыря. Мы уже упоминали о том, что он руководил подготовкой будущих насельниц этой обители. Известны его письма к матери Таисии, игумении Леушинского монастыря, в стенах которого проходили они послушнический искуc. Например: «Посылаю к тебе будущую монахиню для Суры, Матрону Дмитриевну Горбунову. Прими ее, как свою дочь.» «Благоволи принять эту девицу грамотную- Наталью для подготовки в Сурскую общину». В преддверии открытия общины девушки эти постигали азы иноческой жизни, проходя всевозможные послушания, обучались и грамоте, и рукодельям, и иконному письму, и пению -всему тому, что должно было пригодиться им для последующих монастырских трудов.

Многие из Сурских послушниц были духовными чадами Праведного Иоанна. И не поэтическим приукрашением, а реальностью надо считать слова из стихов игумении Таисии о том, что к девушкам этим он относился « как мать», заботясь и об их телесном здравии, и о здравии внутреннем, духовном. Известны случаи исцеления им больных монахинь. Например, приводимый Н. Большаковым в его книге « Источник живой воды», когда по его молитве выздоровела находившаяся при смерти старшая сестра Архангельского Сурского подворья. С другой стороны, вспомним строки из письма его к м. Таисии: «как живут у тебя мои крошштадтские: Евдокия, Екатерина, Елена? Нет ли в них какой шероховатости?»

Забота отца Иоанна о Сурском монастыре проявилась и в том, что он принимал деятельнейшее участие в разработке его Устава. При этом он обращал внимание не только а порядок совершения Богослужений, но прежде всего- на внутреннее состояние обители. В тетради « Устава» есть три его автографа, сделанные черными чернилами. Первый из них гласит: « все, здесь изложенное, должно быть безусловно исполняемо». Второй является его

ответом на очень болезненный для юной обители вопрос- кому должны подчиняться сестры. Дело в том, что некоторые послушницы полагали, что, раз принимал их в общину сам батюшка Иоанн, то слушаться распоряжений игумении они не обязаны. Чтобы вразумить их, отец Иоанн собственноручно начертил на полях «Устава» запись о том, что «сестры должны беспрекословно повиноваться игумении», прибавив при этом, что не подчиняющиеся настоятели должны быть изгоняемы из монастыря, по слову Апостола Павла «измите злого от вас самех» (1 Кор. 5. 13). Также внимательно изучены и одобрены о Иоанном были другие стороны духовной жизни сурских насельниц- например, совершение молитвенного правила, в котором значительное место уделялось чтению Иисусовой молитвы. Последнюю запись Праведного Иоанна Кронштадтского можно найти на последней странице Устава. Она гласит: «Протоиерей Кронштадтского собора Иоанн Сергиев, основатель общества. Июля 9-го 1899 г.»

Без преувеличения можно сказать, что Сурский монастырь был детищем батюшки Иоанна. И это знали и понимали его обитательницы, отвечавшие своему пастырю искренней любовью. Для них он был «досточтимым и дорогим Батюшкой», «Отцом Протоиереем», каждого приезда которого они ожидали «так, как ждут Христова дня». И «Летопись» сохранила даты его посещений Суры: 20 июня 1900, 10 июня 1901, 12 июня 1902... каждый год по 21-23 июня 1907 года включительно. Есть в «Летописи» и еще одна дата, относящаяся к разделу «Времена выдающихся бедствий» - 20 декабря 1908 г. скончался Дорогой Батюшка, Всемирный великий молитвенник и чудный пастырь о. Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев». В этих словах отразилась вся любовь сурских монахинь и послушниц к своему пастырю, вся глубина их скорби по нем. И, перечитывая эту запись, невозможно не сопереживать тем, кто оставил ее почти столетие назад на страницах монастырской летописи.

Но даже по кончине своей отец Иоанн не оставил своим молитвенным предстательством дорогого ему монастыря. Еще при жизни своей он произнес удивительное обетование, сохранившееся благодаря стихам м. Таисии, а также воспоминаниям Н. Большакова. Покидая только что открытую обитель, он обещал никогда не оставить ее, всегда молиться за ее насельниц. И безусловно, в этом обетовании - залог возможного возрождения Сурской обители в наши дни.

СУРСКИЕ ИГУМЕНИИ

За два десятилетия существования Сурского монастыря его возглавляло три настоятельницы. И судьбы каждой из них заслуживают того, чтобы память о них не канула в небытие.

Первой игуменией (1900-1902) была мать Варвара. Несмотря на свой еще относительно молодой возраст (к тому времени, когда она возглавила Сурский монастырь, ей было около 45 лет), она уже имела достаточный духовный опыт. Прежде всего потому, что происходила она из духовного звания, и с детских лет имела глубокую, твердую веру, в становлении которой было, безусловно, влияние ее родителей. В 1868 году четырнадцатилетняя Надежда Ивановская (таково было мирское имя матушки Варвары) стала послушницей Новгородского Десятинского (или Десятинова Богородицкого) монастыря, древней обители, основанной в 13 веке княгиней Феодосией, матерью Св. Александра Невского. Возможно, что выбор ее монашеского имени - Варвара - произошел не без связи с тем, что начало своей иноческой жизни она полагала в Десятинском монастыре. Ведь именно в этой обители с давних пор хранилась частица мощей Великомученицы Варвары. Первыми послушаниями ее в Десятинской обители были клиросное, а также всевозможные поручения при игумении. В конце 80-х годов послушница Надежда перешла в Леушинский монастырь, под духовное руководство матушки Таисии. Послушание ее по-прежнему было клиросное, в церкви Леушинского подворья в Санкт-Петербурге. В Леушинском монастыре, 13 августа 1895 года, и состоялся ее монашеский постриг.

О внутреннем облике матушки Варвары нам неизвестно практически ничего. В ее послужном списке отмечено только, что она была грамотна и отличалась «поведением весьма хорошим, усердием и способностью». Но согласимся - даже из этих скупых строк видно, что первая сурская игуменья была настоящей подвижницей, на всю жизнь оставшейся верной сделанному ею еще в детские годы выбору - служению Господу. Тем более, что пострига ей пришлось ждать двадцать семь лет. Известны слова одного древнего подвижника, который, на вопрос: «отчего ныне нет старцев?» дал необычайно глубокий по своей мудрости ответ: «оттого это, что не стало хороших послушников. Старцы бывают из послушников». И не свидетельствуют ли долгие годы послушнического искуса будущей первой сурской игумении об ее большом духовном опыте, полученном ею с детских лет, в течение почти четверти века?

5 мая 1900 г. по предписанию Новгородской духовной консистории монахиня Варвара была определена на должность начальницы в Сурскую общину. Летом 1900 г. она вместе с игуменией Таисией отправилась в Суру, перед отъездом туда побывав у Архангельского Владыки епископа Иоанникия, который, по свидетельству м. Таисии, «о делах, о Суре много и подробно говорил» с нею. В декабре того же года на Санкт-Петербургском Леушинском подворье состоялось ее посвящение в сан игумении.

Игуменья Варвара разделила с первыми сурскими сестрами все тяготы, пришедшие на их долю в только что открывшемся монастыре. И немалые самоотверженность и терпение потребовались ей тогда, чтобы воспитать из молоденьких и неопытных сестер настоящих подвижниц, безропотно несших тяжелые послушания, чтобы «в суровой, дикой местности, на сыпучем песке создать в короткий срок хорошее хозяйство». И, когда призжавшие в Суру

паломники удивлялись, как могла в столь суровом краю, как Пинежье, «где некогда, кроме десятка изб и полуразрушенной деревянной бедной церкви ничего не было», появиться и расти год от года женская обитель со столь юными насельницами, то во всем этом, безусловно, была заслуга первой Сурской игуменнии, матушки Варвары.

С 1902 года на смену ей пришла другая игуменния- мать Порфирия (в миру Екатерина Алексеевна Глинко). В книге В. Большакова об Иоанне Кронштадтском «Источник живой воды» помещена ее фотография. С нее глядит на нас высокая, величественного вида монахиня с игуменским посохом в руке. Такой и запомним мы матушку Порфирию. Как и мать Варвара, она имела обширнейший монашеский опыт. Семилетним ребенком стала уроженка Новой Ладogi Катя Глинко послушницей Староладожского Успенского монастыря, обители не менее древней, чем Десятинская, и известной, между прочим, тем, что в 18 веке в числе его насельниц была инокиня Елена (Лопухина)- бывшая царица Евдокия, нелюбимая жена Петра Первого.

Если насильно постриженной царице Евдокии Староладожский монастырь был постылым местом заточения, то пришедшей туда по доброй воле Кате Глинко он стал родным домом, а монахини заменили любящих мать и сестер. В обители девочку выучили читать и писать, петь со слуха и по нотам, посвятили во все тонкости монастырских рукоделий. Духовным ее руководством занималась сама игуменния, при которой юная послушница некоторое время была келейницей. Как и у матушки Варвары, так и у матушки Порфирии между поступлением в монастырь и постригом прошло длительное время- только через 38 лет послушница Екатерина получила новое имя- монахини Порфирии. В Сурском монастыре мать Порфирия появилась с 1902 года, будучи назначена туда на должность казначеи. В том же году стала она и настоятельницей Сурского монастыря, а с июля 1905 г. - его игуменней. При ней в монастыре производились большие строительные работы- большинство имевшихся в обители зданий, в том числе трехпостольный каменный Успенский храм с приделами в честь Великомученицы царицы Александры и Всех Святых, было возведено в годы ее настоятельства. Благодаря матушке Порфирии расширилась монастырская церковно-приходская школа (в декабре 1911 г. в награду за попечительство этой школы игуменния Порфирия получила серебряную медаль от Архангельского Епархиального Училищного Совета). И, наконец, при ней, 20 июня 1907 г. было освящено здание Архангельского Сурского подворья, на судьбе которого мы остановимся позднее. Хозяйственная деятельность игуменнии Порфирии была одобрена основателем монастыря- Иоанном Кронштадтским, который отзывался о ней так: "Молодец мать Порфирия, я ее за то люблю, что она все заготовляет и обо всем заботится".

Игуменния Порфирия управляла Сурским монастырем 15 лет, покинув его в переломном для России 1917 году, когда указом Святейшего Синода от 29 марта 1917 г. она была перемещена на должность настоятельницы Староладожского Успенского монастыря. 21 апреля 1917 г. матушка Порфирия

навсегда покинула Север. Но к радости о возвращении в любимую ею с детства Староладожскую обитель в сердце старицы- игумении не могла не примешиваться скорбь о том, что она расстается с Сурской землей, с монастырем, в устроение которого вложила она частицу своей, горевшей пламенной верой, души. И, кто знает, не пребыли ли с нею до конца ее земной жизни светлые воспоминания о хотя и не родной ей, но все равно с первого взгляда покоряющей душу, северной стороне?

Фотография 1 Монахиня Серафима (Ефимова) - старшая сестра Сурского подворья. С 1917 года игумения Сурского монастыря

непрестанному совершенствованию, как внешнему, так и внутреннему, духовному. В монастыре Анастасия Ефимова выучилась грамоте (ранее она была малограмотна), так что потом сама почти без ошибок делала пометки в послужных списках сестер. Этапы ее духовного роста нам неизвестны, но свидетельством того, что он, несомненно, был значительным, может служить то, что именно послушница Анастасия была назначена на ответственную должность заведующей Архангельским Сурским подворьем. На послушании этом она пробыла до 1917 г. В марте 1908 г. состоялся ее монашеский постриг, при котором она получила имя Серафимы.

24 июня 1917 г. в 5 часов вечера в храме Сурского подворья Епископ Архангельский и Холмогорский Нафанаил возвел в сан игумении последнюю из Сурских настоятельницам Серафиму (Фотография 1). Одна из уцелевших ее фотографий сохранилась благодаря недавно скончавшейся архангельской монахини Елевферии. На снимке том- средних лет инокиня с крестьянским типом лица с затаенной печалью во взгляде умных глаз. Игумения Серафима была одной из самых первых послушниц Сурского монастыря. Мы уже упоминали ее мирское имя - Анастасия Ефимова. Происходила она из крестьян Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии. И, как и другие первые сурские насельницы, поступила в монастырь по благословию Иоанна Кронштадтского. Правда, судя по данным ее послужного списка, до этого она не имела опыта монастырской жизни. В Суре послушница Анастасия проходила всевозможные послушания. Здесь окончательно сформировался ее характер, среди выдающихся сторон которого было стремление к

В годы послушничества матушки Серафимы с ней произошел удивительный случай, о котором упоминает в своей книге об Иоанне Кронштадтском Н. Большаков. Было это в середине июня 1903 года, во время одной из поездок о. Иоанна на Север. Тогда послушница Анастасия тяжело заболела. Никакими медицинскими средствами того времени помочь ей не удалось, «измученная, бессильная, с ввалившимися, потухшими глазами и желтым, как воск, лицом», она имела вид умирающей. В связи с ее смертельным недугом на смену ей уже приехала из Суры другая сестра. Но, к изумлению всех, после того как Батюшка Иоанн исповедал и причастил угасавшую Анастасию, к ней вернулись здоровье и силы, и на третьи сутки после исцеления она уже могла явиться в Свято-Троицкий собор, чтобы поблагодарить Господа за чудо, совершившееся по молитвам о. Иоанна. Безусловно, событие это запомнилось ей навсегда, «вразумляя и укрепляя» ее в последующие годы ее жизни.

Матушка Серафима управляла Сурским монастырем до 1920-1921 гг. О дальнейшей ее судьбе нам неизвестно. Но память о ней через всю жизнь сохранили последние сестры Сурской обители. Через них она дошла и до нас. И, взглядываясь в лицо «простой и мудрой» монахини со старинного фотоснимка, угадывая во взгляде ее то, чего нам так не хватает сейчас-глубокую, ничем несокрушимую веру, мужество в перенесении скорбей, мысленно обращаясь к ней с мольбой о молитвенном представительстве. Как и к ее предшественнице, достойной продолжательницей дел которых она была.

СЕСТРЫ

Теперь время рассказать об обитательницах Сурского монастыря.

Имена их сохранили для нас монастырские послужные списки разных лет. Первоначально, как мы уже говорили, было их около тридцати пяти. К 1903 г. - 137 (по данным В. Большакова- 120) , в 1904-148(среди которых было 2 монахини и 11 указных послушниц), в 1906- 152, в 1917- 196 (24 монахини, 172 послушницы(55 из них- указные). Ко времени закрытия (на 1921 год) Сурский монастырь насчитывал 19 монахинь и 116 послушниц.

В основном все они были крестьянского происхождения. Изредка -из мещанского сословия. Дворянок, купеческих дочерей- считанные единицы. И неудивительно- ведь Сурский монастырь, как по отдаленности своей, по суровости северного климата, так и по недавнему времени образования, мог стать родным лишь для тех, в ком желание служить здесь Богу было достаточно твердым, невзирая ни на какие лишения. Этим и объясняется то, что из 35 самых первых сестер через четыре года в монастыре осталось лишь двенадцать. В большинстве своем сурские послушницы были не коренными северянками, а приезжими из Санкт-Петербургской, Вологодской губерний. Хотя изредка среди девушек в монашеских подрясниках можно было встретить уроженку Кубани, Белоруссии, и даже дальней Бессарабии (Молдовы).

Возраст послушниц при приеме в Сурскую обитель не ограничивался. И рядом с 53-летней Анастасией Малыгиной (принявшей в 1914 г. постриг с именем Антонии) можно было встретить совсем юных сестер Конашовых-тринадцатилетнюю Дуняшу и 13-летнюю Матрешу, уроженок пинежской деревни Шардомень. Хотя в основном насельницы Сурского монастыря были молодыми, не старше тридцати лет. Это служило предметом удивления для посещавших его паломников. Один из них, Н. Большаков, так высказал свои впечатления о сурских сестрах: «много я видел мужских и женских монастырей на Руси, но такого еще никогда не видел. Не монастырь, а институт какой-то. Что ни монахиня, то семнадцати-восемнадцатилетний ребенок. Самой старшей из них, исключая, конечно, игуменьи, около тридцати лет. Каждая беззрелото несет свое послушание, как бы тяжело оно ни было». Но, несмотря на столь юный возраст, девушки эти были настоящими подвижницами, сознательно готовыми на всякое самоотвержение».

У каждой сестры в монастыре было свое дело, или, как оно обычно именуется - послушание. И в послужных списках сестер мы находим упоминание о всевозможных делах, которыми они занимались: стоярничали, пели на клиросе, ухаживали за скотом, шили и чинили обувь, пекли просфоры и хлеб, готовили квас, преподавали в женской монастырской школе, занимались стиркой, шили и вышивали, работали на кирпичном заводе, писали иконы, варили пищу для сестер, корчевали лес...

Трудом, тяжелым, но освященным непрестанной молитвой, была наполнена ежедневная жизнь сурских сестер. Ленивых среди них не водилось. Каждая стремилась хоть чем-то послужить Богу. Наглядный пример тому - судьба послушницы Наталии Ивановой. Она поступила в монастырь уже немолодой женщиной, больной, неспособной к физическим работам. Но и ей нашлось послушание по силам - чтение Псалтири, которое она и несла долгие годы.

К труду приучали в монастыре даже самых юных его насельниц. Малолетние сестры Конашovy, например, несли послушание в качестве свещеносиц. Принятая в 1910 г. 14-летняя девочка из Суры Анна Малкина помогала трапезницам. А ее младшая сестра, одиннадцатилетняя Антонина, вместе со своей сверстницей Анной Даниловой, «за послушание» училась в монастырской школе, постигая начатки грамоты. Видимо, игуменья Порфирия понимала, что учеба - это тоже труд, причем достаточно серьезный. Кстати, некоторые сестры, пришедшие в монастырь неграмотными, за годы пребывания там обучались читать и писать.

Помимо трудов телесных, каждая сестра несла и молитвенные труды. Ежедневно в 5 часов утра все монахини и послушницы неукоснительно собирались на полунощницу. Затем в 7,5 утра совершалась Божественная Литургия. Вечером также были Богослужения. Совершалось чтение Неусыпаемой Псалтири.

Помимо этого, по Уставу Сурской обители, перед отходом ко сну сестры собирались в монастырский храм, где совершалась так называемая «пятисотница». Наиболее опытная в молитвенной практике монахиня громко и четко произносила слова молитв, сопровождала каждую из них поясным поклоном. На перенизке (большой бусине, отделяющей десять меньших бусин или узелков на четках) полагался земной поклон.

Порядок чтения молитв был таким:

1-я сотница - «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас».

2-я - «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную».

3-я - «Пресвятая Владычице моя Богородице, спаси нас».

4-я - «Святый Ангеле Божий, хранителю мой, моли Бога о мне».

Затем снова совершалась Иисусова молитва, но уже молча всеми сестрами. Лишь при начале и окончании сотницы она произносилась сестрой, руководившей выполнением этого правила, вслух.

Молитвенному деланию в жизни сестер придавалось очень важное значение. Подтверждением тому могут служить следующие строки из «Устава»: «необходимо внушить новоначальным постоянно творить в сердце Иисусову молитву. И в самом деле- какой помощи и где искать немощному, неискусному, бедному человеку против ежеминутных нападений хитрого и сильного врага спасения- дьявола? Только Один наш Сладчайший Иисус может спасти нас и спасает непрестанно.» Слова эти сходны с известным утверждением Преподобного Серафима Саровского о том что «те монахи, кои не соединяют внешнюю молитву со внутренней, не монахи, а черные головешки».

Игуменни и старшим сестрам внушалось в обязанность обучать молодых Иисусовой молитве: «Необходимо каждой новоначальной внушить обязательность сей молитвы. Для вещественного воспоминания о ней даются четки, или иначе называемые «лестовки», как бы в пояснение их духовного значения- подобно лестнице возводить постепенно ум молящегося к Небу. Это необходимо разъяснять новоначальной при надевании иноческой одежды, при чем и вручаются четки. Ей следует тут же предложить вопрос: «для чего даются четки?» и тотчас же да прочтет молитву Иисусову» Игуменни периодически были обязаны спрашивать каждую из сестер, занимаются ли те внутренней Иисусовой молитвой, чтобы им удалось избежать «многого греха, рождающегося от праздности мыслей». И здесь опять- таки можно провести параллель со словами другого великого русского подвижника- Святителя Игнатия Брянчанинова: «дать душе занятие богоугодное есть непременная обязанность каждого вступившего в монастырь. Уму надо предоставить упражнение в богоугодных мыслях, а сердцу в богоугодных чувствованиях».

Помимо молитвенного делания, духовному росту сестер способствовало и то, что ежедневно во время трапезы им предлагались чтения из Житий Святых или святоотеческих творений, которые таким образом становились доступны даже тем из них, которые читать не умели.

Глубокие замечания, сделанные в Сурском Уставе по поводу молитвенной практики сестер исходили, несомненно, от того, под чьим руководством создавалась обитель - от Праведного Иоанна Кронштадтского. На опыте знавшего необходимость постоянной молитвы, оставившего нам неложные свидетельства того, что Бог и при жизни и по преставлении не оставляет заступлением Своих верных.

Прожив долгие годы в стенах монастыря, сестры, наиболее преуспевающие в послушании и молитве, сподоблялись монашеского пострижения. Постриги совершались чаще всего Владыками Архангельскими и Холмогорскими - епископами Михеем, Нафанаилом, реже викарным Пинежским епископом Варсонофием. Иногда по благословению Архангельского Владыки постригали сестер настоятели Веркольского монастыря. В 1913 г. в Сурской обители было уже 17 монахинь - мать Рафаила, несшая послушание казначеи, благочинная - монахиня Агния, матери: Аркадия, Иувсалия, Еликонида, Августа, Зиновия, Ангелина, Епифания, Саломия, Мария, Сусанна, Арсения, Елизавета, Александра. Две монахини носили имя Серафимы. Одна из них (впоследствии игуменья) возглавляла Архангельское Сурское подворье. Другая - по происхождению крестьянка из Витебской губернии, «хороших способностей, но болезненная» несла послушание алтарницы. В 1913 г. в Сурском монастыре был совершен и постриг в схиму немолодой уже послушницы, вдовы тамбовского мещанина Наталии Ивановой, получившей имя Иоанны. В 1911-14 гг. в обители появилось еще 7 монахинь - Ермогена, Антония, Магдалины (умершая в 1918 г.), Иоасафа, а также три матушки, названные в честь Соловецких Преподобных - Зосима, Савватия и Иринарха. Постриг матери Магдалины в октябре 1914 г. оказался последним в Сурском монастыре.

Среди кратких сведений послужных списков сурских послушниц нет и да найдешь отголоски чьей-то яркой, достойной особого рассказа о ней. судьбы. Две из них, безусловно, заслуживают особого повествования о них.

Одной из первых, в 1899 г. приехала в Суру 22-летняя крестьянская девушка из деревни Федоровской Вельского уезда, Анна Станиславская. Несмотря на ее юность, за плечами у нее уже были годы странствий по России. Премудростям шитья и вышивания она обучалась в Киевской Сулимовской рукодельной школе. Затем поступила послушницей в Новгородский Леушинский монастырь, откуда, вместе с некоторыми другими сестрами, по благословению Праведного Иоанна Кронштадтского, перешла в Сурскую общину. Там прошла многие послушания - от тяжелых физических работ до выполнения обязанностей келарши и учительницы рукоделия при монастырской школе. Но, в отличие, например, от поступившей в обитель одновременно с нею Анастасии Ефимовой, Анна так и осталась послушницей. Почему? Ответ на это дают сведения ее послужного списка.

Многим из нас известно утверждение Апостола Иакова о том, что «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». Как и многочисленные предостережения Святых Отцов о пагубности своеволия. Своёволие и гордость стали причиной того, что подвижничество послушницы Анны оказалось

бесплодным. Возможно, поступая в монастырь, она втайне мечтала о выдающихся подвигах, которые принесут ей славу и высокое положение в монастыре, забыв о том, что, по утверждению Отцов, «жизнь инока есть ни что иное, как деятельное и непрестанное покаяние, и, не будучи основано на Евангельских заповедях, подобно зданию без основания». Анна была в числе тех, кто с самого открытия монастыря оказывал неповиновение настоятельнице, отказываясь выполнять то или иное послушание просто из-за нежелания и лени («не хочу, не могу»). Когда же игуменья призывала нерадивых сестер к подчинению, они отвечали ей, что «не признают над собою начальника, кроме о. Иоанна». Тогда в первые годы существования обители, Батюшке Иоанну удалось пресечь их своеволие. Событиями этими и вызвано появление его заметок на полях Сурского устава о необходимости сестер повиноваться настоятельнице и о том, что не покоряющиеся ей должны исключаться из обители. Однако, по представлении его, в 1911 г. между сестрами снова «явились недовольные уставами и порядками монастырскими», в числе которых опять-таки была Анна Станиславская. По Указу Архангельской консистории шестеро послушниц получили различные взыскания, а Анна, как одна из активнейших участниц смуты в монастыре, была изгнана оттуда и получила возможность вернуться только после раскаяния в своем проступке. В 1917 г. несла послушание свечницы. В послереволюционные годы послушница Анна покинула монастырь, где так и не осуществились ее честолюбивые мечты.

Рассказ о ней нельзя закончить без скорби о том, что два десятилетия, проведенные ею в Сурском монастыре, оказались бесплодными для ее души, что Господь не принял ни ее молитвенных подвигов, ни ее трудов. Потому что исходили они от сердца гордого и своевольного, чуждого смирению и покаянию. В этом - вина, в этом - духовная трагедия Анны Станиславской.

Совершенно иной была судьба другой Сурской послушницы, Павлы Постниковой, поступившей в монастырь в 1902 году. Тринадцатилетняя девочка, незаконнорожденная дочь пинежской крестьянки, возможно, сирота, неизлечимо больная туберкулезом - чего ждать и на что надеяться могла она на этой земле? Единственным утешением в ее короткой, но горестной жизни стали лишь ее последние два года - те, что провела она в Сурском монастыре, выполняя здесь посильные послушания. Эта девочка не имела ни капиталов, ни особенных талантов и дарований - ничего, что у людей почитается предметом гордости. Единственным богатством ее были глубокая вера и смирение. И эти дары, принесенные Богу от чистого сердца маленькой пинежанкой, не остались отвергнутыми. Тихой и незаметной была кончина этой, совсем юной, послушницы. Всего два года провела она в монастырских стенах. Но за этот краткий срок приобрела для своей души гораздо больше, чем те, кто, как Анна Станиславская, шел туда с тайным желанием славы и власти, и вместо этого оказался бесплодным в духовном отношении.

Навсегда молодыми остались на уцелевших фотографиях Сурские сестры. А в нашей памяти пусть останутся они настоящими подвижниками, горящими пламенной верой, желанием посвятить Богу и труды свои, и юность свою, и саму свою жизнь. Пусть станут примером для тех, кто решится последовать им столетие спустя, обретая в их духовном опыте силы для перенесения искушений и скорбей нынешнего времени.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ СУРСКОЕ ПОДВОРЬЕ. ДЕНЬ В СУРСКОЙ ОБИТЕЛИ

Теперь попытаемся по-настоящему представить себе, каким виделся Сурский монастырь прибывавшим туда паломникам. И помогут нам в этом сохранившиеся до наших дней свидетельства - архивные документы, а также воспоминания Н. Большакова, неоднократно бывавшего вместе с Батюшкой Иоанном как в Архангельске, так и в Суре.

Конечно, прежде всего желающие посетить Сурский монастырь, приходили на его подворье в Архангельске (указ Архангельской Духовной консистории, разрешающий его строительство, датируется 7 сентября 1903 г.). Вообще-то подворий Сурского монастыря было два - в Архангельске и в Санкт-Петербурге. Однако Петербургское Иоанновское подворье «на Карповке», в котором позднее был похоронен Праведный Иоанн Кронштадтский и где доселе находятся его мощи, в 1902 г. стало самостоятельным монастырем. Поэтому мы поведем речь только о том подворье, которое имелося в Архангельске.

Первоначально оно выглядело, как двухэтажное деревянное здание на набережной Северной Двины, при котором были кельи для сестер и часовня. Это описание Сурского подворья относится к 1904 г., причем его автор, Н. Большаков, сообщает, что тогда подворье не имело своего храма. Поэтому по приезду в Архангельск о. Иоанн Кронштадтский служил в Свято-Троицком соборе в Благовещенском храме.

В июне 1906 г. Батюшка Иоанн совершил закладку нового каменного здания Сурского подворья, где уже должен был быть свой храм. Строительство его было завершено к середине октября следующего года. К сожалению, тот кто положил основание новому подворью и на чьи средства оно возводилось, в это время был болен и не смог приехать на торжество его освящения. Поэтому по благословению Преосвященного Иоанникия, Епископа Архангельского и Холмогорского, торжественное освящение храма подворья в честь иконы Божией Матери «Скоропослушницы» совершил протонерей Архангельского кафедрального собора, протонерей Михаил Сибирцев в сослужении городского духовенства. При освящении присутствовала игуменья Порфирия, ряд сестер монастыря, а также множество жителей города, для которых освящение нового храма при монастырском подворье было радостным, близким для каждого сердца, событием.

Еще одно достопамятное для Сурского подворья событие произошло в 1913 году. Тогда его посетила великая княгиня Елизавета Федоровна, будущая основательница Марфо-Мариинской обители, подвижница, принявшая в послереволюционные годы мученическую смерть вместе с другими людьми, единственная вина которых была в том, что они принадлежали к роду Романовых. Поэтому в историю Архангельского Сурского подворья навсегда вошло и ее светлое имя.

Первоначально при Сурском подворье несло послушание не более 10 сестер. Впоследствии, к 1917 году, тридцать. До 1917 г., как мы уже говорили, возглавляла подворье монахиня Серафима. Помогала ей послушница Эмилия Сергиевская (вдова архангельского потомственного дворянина) - по экономкой части. Монахиня Елизавета несла послушание алтарницы. За свечницу и церковницу была Мария Попова. Послушницы Анна Антипина, Александра Седелкова, Екатерина Смыгина, Стефанида Стальбовская, Анна Серова, Евгения

Фотография 2. Протоиерей Димитрий (Федосихин). Фотография эта была подарена им в 1927 году сурской послушнице Мариамне (Калимовой) - «в благословение»

Сивко, Анастасия Хромцова, Наталия Лаврентьева, Параскева Плаксина, Дарья Матвева и Анастасия Селезнева пели на клиросе, а в свободное время некоторые из них еще и рукодельничали. Шитьем и вышиванием занималась также послушница Анна Гладышева, Марфа Одинцова, Параскева Кувалдина, Анастасия Кузьмина, Александра Макайдина, Анна Веленцей, Анастасия Шустрина, Александра Юрлова - пекли просфоры под руководством монахини матушки Савватии. Помогала им Евдокия Конашова, которая из 11-летнего ребенка выросла к тому времени в красивую двадцатипятилетнюю девушку. На сестринской кухне трудилась послушница Евдокия Карандина. Трапезницей была Евгения Круглякова. А Ангелина Макарова и Агрипина Палтусова несли послушание в прачечной. Помимо этого, при подворье жили две пожилые, неспособные к послушаниям, женщины - 75-летняя старушка матушка Зосима и вдова потомственного почетного гражданина Архангельска Мария Попова, которой было уже под шестьдесят. При храме подворья с 1904 г. служил пересехавший на Север из Тверской губернии протоиерей Димитрий Андреевич Федосихин, один из удивительнейших подвижников нашего города, тайный монах, духовный сын и ученик Праведного Иоанна Кронштадтского (Фотография 2)

Сурское подворье было как бы одной большой семьей, где каждая насельница выполняла посильную часть большого общего труда - служения Богу и ближним. И маленькая часть Сурского монастыря, в самом центре Архангельска украшала город не только в архитектурном, но и в духовном отношении. У храма Сурского подворья были свои прихожане, желавшие приобщиться впоследствии к желанной ими богоугодной иноческой жизни. Были люди, именно здесь находившие успокоение своим мятущимся душам. «Службы здесь были какие-то особенные, светлые, что ли» - так впоследствии вспоминали они тогда уже невозвратимые молитвенные часы, проведенные ими в стенах Сурского подворья. И донесли воспоминания об этих «светлых службах» до нас, своих потомков...

Добраться из Архангельска до Суры можно было пароходом. Правда, бывало, что в засушливые годы река Пинега мелела, и судоходство по ней становилось затруднительным. Богомольцев доставлял в Сурскую обитель монастырский пароход: «пароходик наш родной, «Николай Святитель» славный», как любовно называла его в своих стихах о Сурском монастыре игумения Таисия. Он был тоже подарком обители от о. Иоанна Кронштадтского. Построен в Санкт-Петербурге в 1890 г., имел мощность в 25 лошадиных сил.

Почти двадцать лет верой и правдой служил монастырю этот пароход - труженик, бороздя речные волны своими колесами, перевозя паломников, сестер, а также необходимые монастырю грузы. При «Святителе Николае» также несли послушание несколько сестер. В 1917 г. как бы в преддверие многих бед и скорбей, ожидающих Сурский монастырь, судно это затонуло во время стоянки у Оперной пристани, во время бури, разразившейся тогда 25 сентября. Печалась об утрате парохода, разве могли тогда предугадать сурские монахини, что совсем скоро и их, словно обломки разбитого корабля, разметает по России уже вот-вот готовая разразиться, революционная буря?..

Но вот, наконец, паломник попадал в Суру. И на левом берегу реки Пинеги, предстал перед ним чудно-городок за каменной стеной. По углам стены высились четыре башенки. Чудо-городок и была Сурская обитель. Множество построек помещалось в его ограде два деревянных сестринских корпуса с кельями на три-четыре человека, двухэтажный дом с кухней и трапезной, верхние помещения которого занимала настоятельница, кладовые, погреб, оранжерея, столярная, малярная мастерские, каретник, конюшня и скотный двор где, вместе с молодняком, насчитывалось 38 голов скота (15 коров, 9 лошадей), ледник и квасоварня... В полуверсте от монастыря, на правом берегу Суры, виднелось здание монастырского лесопильного завода. Был и еще один завод, где изготавливались кирпичи... Обозревая все это, путешественник убеждался - перед ним вовсе не такая обитель, о которой он читал в каком-нибудь романе с надуманным приключенческим сюжетом про праздную жизнь монашек. Нет - он своими глазами видел, каким тяжелым трудом был создан и жил этот монастырь, населенный деятельными и неутомимыми молоденькими работницами-сестрами, совершенно непохожими на вымышленных героинь романов.

Конечно, отличавшиеся радушием и гостеприимством насельницы показывали паломнику и памятное и дорогое для них, а также для жителей Суры место- домик, где родился и провел детские годы основатель монастыря- о. Иоанн Кронштадтский, а тогда еще маленький Ваня- сын дьячка Ивана Сергиева. Домик этот, уже весьма обветшавший, стоял за оградой монастыря и был прикрыт деревянным чехлом. Одна из его комнат была обращена в часовню. В домике хранились ручные жернова, принадлежавшие когда- то семье Сергиевых. Возможно, сестры рассказывали гостям о том, что этот домик- первое место, куда приходит, после посещения храма, ежегодно приезжающий в родные свои края Батюшка Иоанн.

В 18 верстах от обители, среди монастырской рощи, находилось еще одно памятное для обители место- Свято- Троицкий скит. Храм его стоял на высоком холме, с которого батюшка Иоанн благословил место для будущего монастыря. Вскоре после его смерти, 11 февраля 1911 г. «чудный, весьма изящный в архитектурном отношении «деревянный скитский храм был уничтожен пожаром, но в октябре 1911 г. восстановлен в первоизданном виде. Только вместо сгоревших икон для его иконостаса в Вологде, художнику Сафронову были заказаны новые, «греческого письма», образа.

За прогулкой по монастырю время проходило незаметно. И вот уже наступал вечер, когда в 5 часов должно было начаться Богослужение. Вслед за сестрами паломники направлялись в церковь.

Иоанно-Богословский храм был деревянным, выстроенным в форме корабля, высокий и просторный, вмещавший до 600 человек. Путешественники входили туда через нижний этаж, а для певчих был еще особый ход из келий, ведущий прямо на хоры. Стены храма были расписаны на сюжеты из Апокалипсиса. Иконостас был трехъярусный, соснового дерева, некрашенный, только с позолоченными рамками у икон. Образа иконостаса были написаны в Леушинском монастыре, и, таким образом, напоминали об одной из деятельнейших участниц открытия обители- игумении Таисии.

Позднее, в 1909 г. в Сурском монастыре появились и каменная колокольня, закладку которой в 1907 г. осуществил Батюшка Иоанн, 6 августа впервые с нее огласил окрестности колокольный звон. Самый большой колокол появился на ней в мае 1910 г., после чего, по сохранившимся описаниям, «звон стал довольно значительным и подбор колоколов весьма мелодичным». Наконец, уже по преставлении о Иоанна, 13 июня 1914 г. Епископом Архангельским и Холмогорским Нафанаилом была совершена закладка в монастыре каменного храма. Ровно через год, 12 июня 1915 г. он был освящен архиерейским служением в честь Праздника Успения Пресвятой Богородицы с приделами в память Всех Святых и Великомученицы Царицы Александры. Храму этому было присвоено звание «в память 300-летия царствования дома Романовых».

Рассмотрев убранство храма и поставив свечи, паломники настраивались на молитвенный лад. И вот уже начиналась вечернее Богослужение, и ввысь, в церковный купол неслось стройное пение монашеского хора...

...Служба заканчивалась поздно вечером. Приезжие шли в гостиницы за оградой монастыря. А сестры еще оставались в храме. Там совершалась «пятисотница» - молитвенное правило. И, отходя ко сну при мерцающем огоньке лампадки, паломник размышлял об удивительном монастыре, где в связанной нелицемерной любовью о Христе общине сестер освящается молитвой тяжелый, но плодотворный труд. Эти воспоминания он уносил в сердце своем в те края, куда должен был в конце концов вернуться из далекой суровой, но гостеприимной северной стороны.

МОНАСТЫРСКАЯ ШКОЛА

Вполне возможно, что у кого-то возникнет вопрос - не был ли Сурский монастырь замкнутой отшельнической общиной, которая жила своей, обособленной жизнью, чуждой бедам и скорбям окружающего мира? Перелистывая страницы сурских архивов, мы убеждаемся в том, что это не было так. Хотя бы потому, что насельники монастыря были в большинстве своем крестьянками, на опыте изведавшими, как тяжела и беспросветна жизнь простого и бедного человека. А еще - потому, что сестры знали, что «любовь к ближнему служит основанием для любви к Богу», и «невозможно иначе спастись, как через ближнего».

Нужды и печали сурских крестьян были болью и сурских монахинь. И не случайно в монастырской «Летописи» в разделе, посвященном «временам выдающихся бедствий» можно найти такие записи:» в лето 1913 г. был большой недород сена, и в особенности чувствовалась нужда в сене весной 1914 г. В этот год многие крестьяне лишились скота от бескормицы».

Монахини старались по мере сил помогать местным жителям. Например, продавая необходимые для них товары по дешевой цене. Для этого в монастыре была специальная лавка, устроена также на средства Батюшки Иоанна, и переданная им в дар обители.

Помимо этого, Сурский монастырь нередко брал на воспитание крестьянских девочек, возможно, из бедных семей или сирот. Об одной из них, Павле Постниковой, мы уже упоминали. Но это была не единственная обительская воспитанница. Например, в 1903 г. туда была принята 15- летняя Александра Панфилова, уроженка села Суры. Здесь она обучалась грамоте и несла послушание при трапезной, пока, по желанию родственников, не покинула монастырь. В 1917 г. в обители на воспитании были три маленькие девочки из Суры- 12-летняя Анна Данилова, а также три сестры Малкины- Антонина (11 лет), Мария (14 лет) и Анна (14 лет), из которых три первые стали, в качестве послушания, учиться в монастырской школе. Между прочим, в том же 1917 г. в монастыре появилась самая юная за всю его историю послушница -5-летняя дочь архангельского мещанина Александра Бортяну. Эта девочка пробыла в монастыре до его закрытия в 1921 г. О том, что случилось с ней впоследствии, архив молчит.

Конечно, часть монастырских воспитанниц потом покидала стены обители. Но были такие, которые навсегда связывали с нею свои судьбы. Например, Ирина Данилова из пинежской деревни Шуломень. Тринадцатилетней девочкой в 1902 г. пришла она в монастырь. Несла послушание на клиросе, потом - в скиту. Сведения о ней есть в службных списках послушниц за 1917 г., где сообщается, что она несла в это время клиросное послушание, а также - занималась иконописью. Также не покинула монастырь пришедшая туда в 1901 г. 14-летняя Любовь Папунырова, которая пела в монастырском хоре. А Евдокия Конашова, ставшая послушницей в девятилетнем возрасте (в 1901 г.), уже в зрелые годы, не без колебаний совершила свой выбор между миром и монастырем. Осенью 1912 г. она покинула обитель, но через год, удостоверившись в иллюзорности мирских соблазнов и утех, вернулась, чтобы остаться там навсегда.

Но наиболее важным служением сурских монахинь местному населению, безусловно, была созданная при обители школа для крестьянских девочек, которая, помимо обучения грамоте, должна была воспитывать в них навыки благочестивой христианской жизни.

Начало ей, как и всему монастырю, положил отец Иоанн Кронштадтский, в детские годы сполна изведавший беды и скорби своих земляков. Поэтому он считался почетным попечителем школы.

Сохранились воспоминания Н. Большакова о том, как радостно проходили встречи Батюшки Иоанна с ученицами этой школы. К его приезду в Суру они готовились заранее. Например, учили наизусть стихи, чтобы потом прочесть их дорогому батюшке. Для них, как и для сурских сестер, дни приезда о. Иоанна на родину были праздничными днями.

Ежегодно в школе этой проходило обучение до 31-50 девочек (число их в течение года колебалось, т. к. часть поступало вновь, а часть выбывало). Педагогами были священники монастыря (например, Закон Божий преподавал священник Георгий Маккавеев), а также игуменья и некоторые сестры.

С 1900-1905 гг. в штате преподавателей были учительница 2-го класса Сурской мужской гимназии Мария Коршунова, которой помогала послушница Аполлинария Видякина, а затем выпускница Архангельского Епархиального духовного училища Анна Павловская (получавшая годовое жалованье в 276 рублей). С 1905 г. преподавание велось силами сестер и священника обители.

В круг предметов входило то, что могло пригодиться в повседневной жизни будущей православной хозяйке и матери. Тут были Закон Божий, церковно-славянская грамматика, арифметика, русский язык, чинопослание, диктанты. В числе учебников были всевозможные пособия и прописи, учебные Октоих, Псалтирь и Часослов, Обиход церковного пения, сборник воскресных стихир и тропарей, географический атлас, набор картин из Священной истории, торговые счета, а также карта Святой Земли - Палестины. Помимо этого, девочек учили всевозможным женским рукоделиям, навыки в которых передавала им уже известная нам послушница Анна Станиславская. Кстати, было у школы и свое «подсобное хозяйство» - участок площадью около 200 саженей, на котором ученицы сажали картошку.

Учебный день в монастырской школе выглядел так. В 6 утра девочки просыпались. В 7 утра по Часослову совершалось чтение утренних молитв. Затем, с 8 утра до 12 дня шли занятия. С 12 часов был обед. При нем, как и на сестринской трапезе, читались «Жития Святых» Софии Дестунис, или отрывки из удивительной, не одно столетие любимой многими поколениями христиан книги- «Училище Благочестия», где содержались назидательные примеры из жизни Святых. Последующее время посвящалось рукоделиям, а также подготовке уроков на следующий день. В 4 часа был полдник, а в 8-ужин, после которого в течение получаса читались молитвы на сон грядущий. В половине девятого дети укладывались в кровати, засыпая тихим и безмятежным ребячьим сном...

Во всем распорядке дня монастырской школы заметно, что целью учбы было воспитание не просто грамотных, но и благочестивых, что называется, церковных людей. Поэтому уклад ее напоминал уклад монастырский. Дети находились в ней почти целую неделю, приходя домой лишь на воскресенье, носили одинаковую форму- темно -коричневые платьица с белыми воротничками- пелеринками. Это видно и по выбору книг для чтения воспитанниц, и по тому, что среди предметов, помимо Закона Божия, обязательного для каждой дореволюционной школы, преподавались церковное пение с голоса и по нотам, письмо полууставом, и по тому, что обучение сочеталось с молитвой, каждый день был преисполнен трудом по постижению знаний, а праздность и лень были не в почете. И добрые семена, посеянные преподавателями школы, падали на благодатную почву- девочки не только старательно учились, но и молились усердно, причащались Св. Таин 4 раза в год. А, возвращаясь на воскресенье в родные дома, не могли не радовать своими успехами родителей, которые, глядя на своих чад, тоже старались быть лучше, добрее, чище душой.

Кто знает, может быть, спустя десятилетия вроде бы не особенно заметный внешне, но так необходимый в дальней северной стороне труд монахинь по духовно- нравственному просвещению Пинежья, по старинному определению- "поганой" то есть полуязыческой, глухой стороны, увенчался бы успехом. Но именно в это время произошла революция, и вскоре монастырь был закрыт. Дальнейший рассказ наш- о самых горестных страницах истории Сурского монастыря.

РАЗОРЕНИЕ

После Октябрьской революции Сурский монастырь был закрыт не сразу. Однако сразу, как «культурное учреждение» был поставлен вне закона. Обитель не спало и то, что в ней были открыты мастерские: сапожная, столярная, рукодельная, швейная, что часть сестер (по различным сведениям, их было от 16 до 30 человек) по доброй воле пошла работать в учреждения

Советской власти- кто в Сурскую и Карпогорскую лечебницу в качестве сестер милосердия, кто в Карпогорский отдел народного просвещения, кто в Веркольский исполком... Очевидная истина- что Сурская обитель- обитель трудовой- не интересовала никого из тех, кто оказался повинен в ее закрытии.

В хранящейся в фондах областного архива папки, озаглавленной «копия с копии инструкции об учете и сдаче излишков и снабжения сельскохозяйственных коллективов, постановления обязательные Архангельского губернского исполкома по отделу связи» есть потрясающий по своему трагизму документ, проливающий свет на то, как был уничтожен Сурский монастырь. Это написанная аккуратным почерком, черными, выцветшими от времени чернилами бумага -коллективное прошение сестер заведомо обреченной обители, обращенное к представителям власти, в тщетной надежде на их защиту. Мы приводим его практически целиком:

« В Архангельский губернский Совет народного хозяйства
от нижеподписавшихся сестер Сурского женского монастыря.
Ходатайство.

На основании Сурского волостного съезда Советов, бывшего с 7 по 8 декабря сего года в помещении нашего монастыря, при чем 8 декабря обсуждался вопрос о ликвидации Сурского монастыря, было постановлено ликвидировать оный монастырь, т.е. выселить всех нас проживающих в нем сестер, мотивируя тем, что в Сурской волости продовольственных запасов мало. Но мы таковое постановление считаем немилосердным, т.к. проживая в нем многие годы, в течение 21 г., где в сооружении такового принимали самое активное участие. Из нас ни одной нет буржуйки, и мы пришли на голый песок, где не было никакого строения, каковое и пришлось нам начинать своим трудом, а именно: раскапывать канавы, вырывать пни, и дерн носили в кучи и жгли, чтобы расчистить место под постройку, разрабатывали землю и расчистку под сенокос и под огород, разрабатывали землю, носили сырой кирпич, так что мы все силы и труды положили, проживши 21 год в монастыре. В данный момент мы и обращаемся к Вам с покорнейшей просьбой оказать нам любовь и милость свою к бедному беззащитному классу, не оставите нашей просьбы и войдите в наше положение, будьте сочувственны и милостивы к нам беззащитным. Мы надеемся, что Вы не оставите нашей просьбы без внимания, ведь Вы имете власть оставить нас здесь, вся наша жизнь зависит от Вашего распоряжения и разрешения. Мы вполне идем на встречу Советской Власти и стараемся по силе возможности исполнить все предписания и возложенные на нас работы без отказа. Дорогие товарищи! Просим Вас дать нам разрешение и...мы сами постараемся достать хлеб для себя, откуда разрешите. Если нужны Вам наши помещения для своих учреждений, то разрешите нам удалиться в Скит, т.е. в лесную дачу в 18 верстах от монастыря, где и наделить нас землей, которую мы и будем обрабатывать и кормиться своими собственными трудами, чтобы не пользоваться привозным хлебом, и мы между прочим, во всякое время будем приносить Вам пользу, но если Вы, дорогие товарищи, не можете нас здесь оставить на постоянное жительство, то в крайнем случае просим Вас оставить

нас до весны до открытия навигации, т. к. в настоящее время весьма трудная дорога(зимняя) предстоит, да и большая часть из нас дальних, а местных не много. Затем с сердечным пожеланием от всех сестер дорогой нашей Советской рабочей Власти и счастливого успеха в трудах Ваших, блага и процветания на пользу всей России и всем труженикам Советской Власти. Вы являетесь для нас как заступники всех угнетенных и неимущих масс. Не умолчим о том, что из среды нас служит 16 чел. В Сурских учреждениях, кроме Пинеги и Карпогор (эта цифра, возможно, была неточной, т.к. на полях прошения есть запись о том, что на самом деле в различных учреждениях служило 30 сестер, такими же данными располагали и представители местной власти).

О результате просим уведомить нас, декабря дня... 1920 г.» Далее следуют подписи председателя монастырского Совета монахини Рафаилы, игумении Серафимы, множество подписей монахинь и послушниц.

Нельзя без боли в душе читать этот документ, написанный сурскими матушками в последней надежде на то, что Советская власть увидит в них не «буржуек», а представителей того самого бедного и угнетенного крестьянского класса, интересы которого она, по словам ее, защищала. Они взывали к совести и милосердию власти, наивно надеясь на справедливость. Но разве могла безбожная, а потому беспощадная Советская власть поступить честно и милостиво с заведомо обреченным монастырем?. Нет.

Однако на свою слезную мольбу сурские монахини все-таки получили ответ. Красными, словно кровь, чернилами, начертал его на первой странице их прошения ныне безвестный представитель власти. Вот что он гласил: «30 сестер служит Советую и другим поступить так же, зарегистрировавшись в уезде или волости. Рабочие труженицы Советской власти нужны, разрешить же образовывать отшельнические союзы людей, убивающих себя, Советская власть не намерена. Что и предлагаю объявить сестрам».

Нет нужды пояснять- ответ этот означал, что приговор, произнесенный 8 декабря 1920 г. Сурскому монастырю, был «окончательным, не подлежащим обжалованию». Впрочем, судя по сохранившимся в папке бумагам, запискам, квитанциям, написанным зачастую за нехваткой чернил и бумаги на клочках оберточных листов и пакетов из- под чая, насельникам Сурского монастыря дали срок около года до их окончательного выселения. Последний документ в ней датируется декабрем 1921 г.

После этого Сурский монастырь перестал существовать.

Архангельское Сурское подворье разделило участь обители примерно в те же годы. Судя по сохранившимся воспоминаниям, закрытие его напоминало неравную битву и сопровождалось арестами. Как ни пытались прихожане и сестры отстоять последнее, что осталось от монастыря- Сурское подворье -его « взяли» силой, разогнав монахинь. Единственная оставшаяся от монастыря малая его часть также оказалась уничтоженной.

«В ПАМЯТЬ ВЕЧНУЮ»

Не басурманская вражья сила- свои же россияне, забывшие Бога, отрехнувшись от веры в Него, разорили Сурский монастырь. Но никакие силы тьмы не сумели уничтожить память о ней. Эту память хранили до последних дней своих уцелевшие сурские монахини и послушницы. От них эта память перешла к другим людям. Хранят ее для желающих соприкоснуться с нею и фонды архивов. И не чудо ли, что через годы гонений вернулась к нам эта, никем и ничем неистребимая, память

Горестными были судьбы тех, кто в начале двадцатых оказался изгнанным из Сурской обители. Кто-то решил до конца остаться хотя бы рядом с нею. Мученической была их доля. По рассказам местных старожилов, записанных Л. Егоровой, в годы войны оставшиеся на Пинежье монахини были арестованы и утоплены в озере в районе Карпогор. Впрочем, едва ли легче сложилась участь тех, кто пересел в Архангельск. Следы их судеб прослеживаются в воспоминаниях старых прихожан архангельских храмов - Всесвятского, Соломбальского, а особенно Свято- Ильинского собора. И воспоминания эти преисполнены скорби. Изгнанные из родной обители, сурские матушки остались без крова, одинокие и бесприютные. Те, кто решался принять их к себе в дом, зачастую рисковали жизнью. Так, один прихожанин Свято- Ильинского храма, Василий, пожалев бездомных монахинь, дал им пристанище в своем доме. И за это был убит. Память его почитается и поныне.

Подулегально живя на чужих квартирах, в различных концах города, сурские монахини и послушницы все- таки находили возможность собираться вместе. Молились, пели духовные стихи, вспоминали о своей, навсегда утраченной, обители. Но с каждым годом все меньше и меньше участниц становилось на этих встречах...

Последние из послушниц Сурского монастыря умерли совсем недавно- в семидесятые годы в Суре скончалась последняя из них- Матрона Конашова, которая поступила в монастырь в 1901 г 11- летней девочкой. Примерно в те же годы в Архангельске умерла еще одна послушница- Глафира, так и не дожившая до исполнения своего заветного желания- принять монашеский постриг...

Умирали бывшие сурские сестры не менее горестно и одиноко, чем жили. Воспоминаний о смертном часе хотя бы одной из них не сохранилось. И нам известно о кончине только одной монахини- матери Антонии. Она была уже очень- очень стара (ей еще в 1917 г. было 66 лет), практически слепа и передвигалась ощупью. Но до последнего старалась делать все сама, потому что помочь ей было некому. У дома в Соломбале, где она снимала квартиру, было высокое, крутое крыльцо. Однажды, забираясь на это крыльцо, слепая и беспомощная матушка Антония упала с высоты, сильно расшиблась, и вскоре после этого умерла. Могила ее навсегда затерялась среди безвестных захоронений Соломбальского кладбища.

Судя по воспоминаниям старых прихожан Всесвятского храма, при нем трудились две послушницы Сурского монастыря- Анна и Евстолия Одинцовы, а также послушница Феодора и пережившая всех остальных сестер, инокиня Глафира, так и не успевшая осуществить свое заветное желание- принять постриг в мантию...

Но наибольшее число сурских монахинь посещало Свято- Ильинский собор. Поэтому вокруг этого храма сохранилось несколько их могил. Справа от его стены похоронена монахиня Савватия, скончавшаяся 14 февраля 1957 г. в возрасте 96 лет. Рядом с нею, под белым крестом погребена матушка Зосима. Совсем недалеко, вместе с послушницей Наталией Лаврентьевной Ивановой нашла свой последний приют еще одна сурская насельница -инокиня Матрона Ивановна Макарова, уроженка Тверской губернии, несшая в обители послушание звонарки, умершая в возрасте 80 лет 28 марта 1970 г. Кстати, то, что ее могила находится в одной ограде с могилой матушки Наталии позволяет сделать предположение о том, что та могла быть не ссыльной, а также, как и Матрона Макарова, одной из сурских послушниц. Тем более, что в списках послушниц 1921 г. встречается имя Евдокии Лаврентьевны Ивановой. Но были ли Наталия и Евдокия Ивановы сестрами, или просто однофамилицами. сейчас уже не скажет никто.

Еще одно захоронение сурских монахинь находится справа от соборной колокольни. Здесь в одной ограде погребены бывшая казначая обители, мать Рафаила, а также схимонахиня Иоанна и монахиня Серафима. В 1997 г. таблички на их крестах были заменены, и на кресте матушки Серафимы значится теперь: «игумения Серафима». Хотя скорее всего, это могила монахини Серафимы Антоновой, которая в Сурском монастыре была алтарницей. Других известных нам захоронений монахинь и послушниц Сурского подворья не сохранилось. Но даже это небольшое, дошедшее до нас, бесценно. Ведь лежат в этих могилах те, чье дело-дело служения Богу и людям, пытаемся ныне продолжать мы, черпая из духовного опыта предыдущих поколений стойкость и мужество.

Почти столетие отделяет нас от времени основания Сурского монастыря. Но и уничтоженный, разоренный, он, как былинный Китеж, существует и поныне- в памяти северян. И то, что память эта жива, вселяет надежду на то, что он возродится, восстанет в своем былом величии, « славен будет, много пользы принесет», как предсказал о нем когда-то, в 1901 г. архангельский Епископ Иоанникий, как обещал когда- то сурским сестрам основатель монастыря- Иоанн Кронштадтский.

СПИСОК МОНАХИНЬ СУРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Игумении

Варвара (Ивановская)-1900-1902

Порфирия (Глинко) 1902-1917

Серафима (Ефимова) 1917-1921

Схимонахиня Иоанна 1852-? (вдова мещанина г. Борисоглебска Тамбовской губернии Наталия Афанасьевна Иванова, грамотная. В монастыре с 1899 г. Постриг в мантию 9 декабря 1909 г., в схиму 27) апреля 1913 г. По болезни послушания не проходила. Впоследствии (по данным на 1917 г. несла послушание по чтению Псалтири. Похоронена близ колокольни архангельского Свято -Ильинского кафедрального собора).

Монахини:

Рафаила 1873- ?(в миру- крестьянская девица Нижегородской губернии Арзамасского уезда, Елена Целоухова, обучалась грамоте в Астрахани в трехклассной приходской школе. Постриг 13 марта 1913 г. в Сурском монастыре. Указом Архангельской Духовной консистории от 13 ноября 1913 г. назначена на должность казначеи. В послереволюционные годы -председатель монастырского совета. Похоронена близ колокольни Архангельского Свято- Ильинского собора).

Ангелина 1864-? (Анна Семёновна Игнатъева, состояла в замужестве, грамотная, обучалась в Литейной женской гимназии. Постриг 7 ноября 1901 г. в церкви Леушинского подворья в Санкт-Петербурге. Временно несла послушание в Сурском монастыре в начальный период его существования. Вероятно, впоследствии выбыла в Леушинский монастырь).

Аркадия 1870-? (крестьянская девица Валентина Степановна Мурашова , уроженка Санкт-Петербургской губернии, Новоладожского уезда, деревни Олошни, постриг 4 декабря 1907 г. в Сурском монастыре. С 1917 г. была переведена в Староладожский Успенский монастырь).

Агния 1859-? (мещанская девица Александра Васильевна Степановская, уроженка г. Борисоглебска Ярославской губернии, грамотная. В монастыре с 1899 г. Постриг 15 августа 1908 г. в Сурском монастыре. Указом Архангельской Духовной консистории от 10 ноября 1912 г. назначена на должность благочинной монастыря).

Иувеналия 1872-? (крестьянская девица Наталья Шурыкова, из дер. Рудно Гдовского уезда Санкт- Петербургской губернии, грамоте обучалась в церковно- приходской школе. Послушание- при свечном ящике и настоятельских келиях).

Еликонида 1856-? (крестьянская девица Евдокия Александровна Баженина, уроженка Великоустюжского уезда Вологодской губернии, грамотная. В монастыре с 1899 г. Постриг 5 декабря 1907 г. Несла послушание в Свято- Троицком скиту, затем, с 1917 г. - по чтению Псалтири).

Августа 1860-? (крестьянская девица Александра Михайловна Лужнева, из села Ильинского Кадниковского уезда Вологодской губернии, грамотная. В монастыре с 1900 г. Постриг 15 марта 1908 г. Первоначально несла послушание при Архангельском подворье. затем - чтицы, а также- в рукодельной мастерской).

Зиновия 1845-? (вдова безземельного крестьянина дер. Широково Великоустюжского уезда Вологодской губернии. Глафира Николаевна Расторопова, неграмотная. В монастыре с 1900 г. Постриг 15 августа 1908 г. Проходила общие послушания. С 1908 г. по старости от послушаний освобождена).

Ангелина 1870-? (крестьянская девица Анна Константиновна Трухина, уроженка Вятской губернии, грамотная. В монастыре с 1903 г. Постриг 13 декабря 1908 г. Несла послушание при конном дворе (в 1913 г.), впоследствии келарши. С 23 августа 1912 г. по 30 марта 1913 г. указом Архангельской духовной консистории переводилась в Холмогорский Успенский монастырь).

Серафима 1871-? (крестьянская девица из Витебской губернии и уезда, Щербинской волости. Ксения Кирилловна Антонова, грамотная. В монастыре с 1899 г. Постриг 13 декабря 1908 г. в Сурском монастыре. Несла послушание по экономической части, а затем алтарницы) Похоронена у Свято- Ильинского собора в г. Архангельске, рядом со схимонахиней Иоанной и монахиней Рафаилой. Впоследствии надпись на кресте вместо " монахиня Серафима" была ошибочно заменена на "игумения Серафима".

Елифания 1885-? (крестьянская девица из Минской губернии Новгородского уезда Елена Фоминична Безмен, малограмотная. В монастыре с 1901 г. Постриг 13 марта 1913 г. Несла послушание на конском дворе, затем-огородницы).

Саломия 1871-? (крестьянская девица София Сидоровна Володченко, уроженка Мстиславского уезда Могилевской губернии, неграмотная. В монастыре- с 1899 г. Постриг 26 апреля 1913 г. Несла послушание звонарки и церковницы).

Сусанна 1876-? (крестьянская девица Синклитикия Никитина из Макарьевской волости Елабужского уезда Вятской губернии, неграмотная. Постриг 26 апреля 1913 г. Послушание несла при сапожной мастерской).

Мария 1868-? (крестьянская девица из Еламовской волости Рязанской губернии Александра Кузнецова, неграмотная. Постриг 26 апреля 1913 г. Послушание тралезницы, с 1917 года- на странноприимнице).

Елизавета 1872-? (мещанская девица из г. Устюжны Новгородской губернии, Феоктиста Владимировна Владимирова, грамотная- обучалась в Санкт- Петербургском сиротском доме. В монастыре с 1901 г. Постриг 26 апреля 1913 г. Послушание несла в монастырской лавке. Впоследствии- алтарница на Архангельском Сурском подворье).

Арсения 1873- ? (крестьянская девица Мария Кирилловна Антонова, из Щербинской волости Витебской губернии, грамотная. В монастыре с 1899-1900 гг. Постриг 8 мая 1913 г. в храме Архангельского Сурского подворья, при котором несла послушание алтарницы).

Александра 1863- ?(дворянка из г. Ирбита Пермской губернии, девица Алевтина Мещеминцова, грамотная. Постриг в храме Архангельского Сурского подворья 8 мая 1913 г. Несла послушание кастелянши при монастырской школе).

Антония 1851-? (крестьянская девица Анастасия Максимовна Малыгина из дер. Паченгодской Онежского уезда. Мардинской волости. Архангельской губернии. неграмотная. В монастыре с 1902 г. Постриг 12 июня 1914 г. Трудилась в Скиту на общих послушаниях, впоследствии -на скотном дворе. Похоронена, вероятно, на Соломбалевском кладбище. Местонахождение могилы неизвестно).

Савватия 1867-1957(вдова крестьянина Старорусского уезда Новгородской губернии Евдокия Васильева, малограмотная. Постриг 12 июня 1914 г. Проходила послушание просфорницы на Архангельском Сурском подворье. Похоронена справа от Свято- Ильинского кафедрального собора).

Иринарха 1865- ? (крестьянская девица Белецкого уезда Бессарабской губернии, Кернештской волости, села Бушботы Харитина Петровна Котырла, малограмотная. В монастыре с 1901 г. Несла послушание при трапезной, впоследствии- по чтению Псалтири. Постриг- 12 июня 1914 г.).

Ермогена 1860-? (крестьянская девица из Ровенского уезда и волости Вольинской губернии, села Бисова Кута Евфимия Григорьевна Лыбак, неграмотная. В монастыре с 1903 г. Постриг 5 августа 1911 г. Была занята на общих послушаниях).

Зосима 1842-? (вдова мещанина Наталия Нифантьева, Постриг 12 июня 1914 г. Несла послушание при Архангельском Сурском подворье, с 1918 г. освобождена от несения послушаний по болезни. Похоронена справа от могилы монахини Савватии у Свято- Ильинского собора, крест без таблички на нем).

Иоасафа 1875-? (крестьянская девица из деревни Кузнецович Крестецкого уезда Новгородской губернии, Анисья Никитина, грамотная, Постриг 12 июня 1914 г. Несла послушание церковницы в Троицком скиту).

Магдалина 1862- 1918 (Мария Михайловна Васильева. Состояла в браке с мещанином г. Архангельска, грамотная. Постриг 1 октября 1914 г. Несла послушание в рухольной).

СПИСОК ИСПОЛЪЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

Документы по истории Сурского монастыря из фондов Архангельского областного архива (фонд 310):

1. Летопись Сурского Иоанно -Богословского монастыря с 1901 г
 2. Устав Сурского Иоанно- Богословского монастыря.
 3. Послужные списки игуменни и сестер Сурского Иоанно -Богословского монастыря за 1900, 1903, 1917, 1918, 1921 гг.
 4. Сведения о Сурской женской монастырской школе.
 5. Копия с копии инструкции об учете и сдаче излишков и снабжения сельскохозяйственных коллективов, обязательные постановления Архангельского губернского исполкома по отд. связи.
- а также следующие издания :

6. Н. Большаков. Источник живой воды. Жизнеописание Св. Праведного отца Иоанна Кронштадтского. Санкт-Петербург, Царское Дело, 1995.

7. Слово Жизни (в духовных стихах, избранных для любителей духовного пения, собрал и составил митрофорный протоиерей Николай Гурьянов. Изд-во "Родник", Остров Залит, 1994 .

ОЧЕРКИ О ХРИСТИАНСКОМ ПРАВОСЛАВЬИ

КОГДА ОЖИВАЕТ ПАМЯТЬ (АРХАНГЕЛЬСКОЕ ПОДВОРЬЕ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ)

реди храмов Архангельска этот- особенный. Ведь здесь не просто церковь, а еще и подворье самого большого и известного на Севере монастыря- Соловецкого. Стоит оно в самом центре города, на берегу Северной Двины. Справа от него- Банковский переулочек. Слева- здание бывшей Почтовой конторы, где размещается сейчас ресторан. "нарекшийся" историческим именем Соловецкого подворья.

Вот она, церковь подворья, в честь Преподобных Зосимы, Савватия и Германа, Соловецких чудотворцев. С фасадом в каменном узорочье, выкрашенным в серо-белый цвет, она выглядит светлой и нарядной. Наверное, именно такой она казалась и первым богомольцам, входившим под ее своды в день освящения ее, в 1900 году. Храму- более ста лет. А самому Соловецкому подворью- более трех веков.

История Соловецкого подворья неразрывно связана с судьбой Архангельска. Они и появились почти одновременно, в 16 столетии. Подворья Соловецкой обители были как бы представителями ее в торговых городах и портах. Из Соловков сюда поступали для продажи рыба и соль со знаменитых монастырских солеварен. Взамен привозились другие товары, необходимые монастырю. Здесь же принимали паломников, желавших посетить "Северный Афон"- Соловки, и поклониться его святыням. А то и навсегда остаться там, вступив после долгого искуса, в число монастырской братии.

Соловецкое подворье в Архангельске находилось на Юрьевом взвозе, то есть на нынешнем участке Набережной между Почтовой конторой и Банковским переулочком. Вот как оно выглядело в 1667 г., судя по старинным описаниям: "двор монастырской, келья белая новая на анбаре, другая келья белая с братисю, да у больших ворот келья новая..." К 1729 г. построек было уже больше: дом настоятеля, административное здание ("келья от магистрата), амбары, баня, семь лавок, в том числе три- двухэтажные. Все эти постройки, как и большая часть домов старого Архангельска, были деревянными, поэтому несколько раз сгорали дотла, чтобы снова и снова, восставая из пепла, служить Богу и людям.

В конце 18 века, после очередного пожара в 1793 г., Соловецкий монастырь приобрел для своего подворья первое каменное здание, ранее принадлежавшее купцу Беккеру. К дому этому примыкали Почтовая контора и дом одного горожанина, или, как тогда говорили, "обывателя". Ближайшее соседство их привело к тому, что все эти здания выглядели очень похожими.

Внизу, в сводчатой галерее размещались торговые лавки и склады, внизу жили люди. Даже строились все три здания по одному проекту. Поэтому своды галереи ресторана, занимающего бывшую Почтовую контору, так напоминают закругленные вверх большие окна первого этажа Соловецкого подворья.

В 1827 г. в состав Соловецкого подворья входит двухэтажный каменный флигель "на погребках", примыкающий к восточной стене бывшего дома Беккера. Сейчас в нем располагается братский корпус, а также кухня и маленькая домовая церковь в честь Преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких чудотворцев. Наконец, в 1827 г. собственностью монастыря становится и частный дом на углу Банковского переулка. Ко второй четверти 19 века Соловецкое подворье приобрело вид замкнутого четырехугольника. Ближайшими его соседями были Почтовая контора и дом купца Куницына. Было у подворья еще несколько строений по улице Купеческой (ныне Троицкому проспекту), примерно там, где стоит сейчас здание областной детской библиотеки. Позже этот обособленный участок был продан купцу М. Корчажинскому.

Вот так, десятилетиями, окруженное казенными зданиями, а также домами и лавками купцов ширилось, строилось и несло свое хозяйственное послушание в миру Соловецкое подворье. Но у него, как мы уже говорили, было еще одно, не менее важное назначение - прием паломников. Ежегодно, со всех концов России добирались на Соловки богомольцы. Принимало их и монастырское подворье в Архангельске. Отсюда странникам приходилось уже пускаться в небезопасное путешествие по морю. Но для того, чтобы поставить свечку Соловецким Угодникам и Святителю Николаю Чудотворцу, покровителю "в море плавающих", или заказать молебен о благополучном морском странствии, людям приходилось идти в соседние храмы - Рождественский, Михайло-Архангельский, а то и в собор. Потому что церкви на самом подворье долгое время не было. В 1820 г. в помещении одной из лавок, вместо находившейся там в киоте иконы Соловецких чудотворцев, была устроена часовня в память Преподобных Зосимы и Савватия, "по примеру часовни, состоящей на Никольском подворье". Разрешение Синода на строительство при Соловецком подворье храма было получено еще в 1818 году, но по различным причинам откладывалось. Только в 1900 г., наконец, была закончена постройка и состоялось освящение трехглавой, с шатровой колокольней и кокошниками на фасаде, церкви в честь Зосимы, Савватия и Германа Соловецких. Судьба ее сложилась трагически - всего двадцать два года совершались в ней Богослужения. В октябре 1922 г. она была закрыта и разорена. Только стены ее пережили лихолетье...

Каким виделось Соловецкое подворье прибывавшим туда паломникам? Сейчас представить это было бы невозможно, если бы не книга одного из них дореволюционного писателя В. Немировича-Данченко, который в конце 19 века посетил Архангельск, Соловецкое подворье, а затем и сами Соловки, оставив красочное описание своего путешествия на казавшийся ему экзотическим Север в своей книге "Соловки".

Вот как изображает В. Немирович- Данченко Архангельское Соловецкое подворье: "... большое, на набережной Северной Двины, у самого гостиного двора. Оно выстроено в два корпуса, двумя этажами на улицу и тремя на двор. Повсюду тут виден хозяйский расчет. Нижний этаж занят лавками и кладовыми, которых до 100. В них сложены груды железа, керосина и другие предметы. Каждая лавка сдается по найму в год от 50-100 руб. В конце здания, в том же нижнем этаже, помещается и часовня."

В. Немирович- Данченко упоминает, между прочим, о том, что Архангельское подворье было не единственным подворьем Соловецкого монастыря на Севере. Еще одно находилось в Соломбале. Если на Архангельском подворье собиралось слишком много богомольцев, то те, кому не хватало места там, находили приют на подворье Соломбальском. Кроме Архангельска и Соломбалы, были подворья в Кеми (существующее и сейчас) , а также в Вологде. Хотя, ко времени путешествия на Соловки В. Немировича – Данченко, оно было упразднено, а здание его продано.

Присм паломников на Архангельском Соловецком подворье был организован по- северному гостеприимно. Причем для людей не только состоятельных, а и для бедняков, которых оказывалось большинство. Вот как описывает В. Немирович- Данченко гостиницы подворья. " Весь второй этаж четырехугольника занят квартирами, отдающимися внаем. Это- одни из лучших квартир в городе. Высокие, большие комнаты, светлые окна, чистые входы- хоть бы и в столицу". Для тех, кто не мог снять квартиру. Предназначались "большие, выбеленные комнаты с нарами посредине. Воздух свеж, вентиляция устроена хорошо". Добавим при этом. Что паломников на Соловецком подворье кормили бесплатно. А вмещало оно, по словам того же В. Немировича- Данченко, до 900 человек... В год через Архангельское подворье проходило, по подсчетам монахов, до 25-30 тысяч богомольцев. В основном это были простые люди, крестьяне из Вятской, Олонецкой, Новгородской, Пермской губерний, хотя появлялись паломники и с Украины, из Сибири. Об одной такой старушке- сибирячке из дальнего Енисейска, рассказал в своей книге " Соловки" В. Немирович- Данченко. Получив исцеление от тяжелой болезни после явления ей во сне Преподобного Зосимы, она дала обет поклониться его раке на Соловках. И. Думая о том, сколько же верст прошла пешком эта немолодая, полунищая женщина, чтобы исполнить свой обет, поражаешься глубине веры христиан того времени. А еще- тому, насколько гостеприимны и добры были в ту пору простые русские люди, несмотря на свою бедность. Ведь, где ни пришлось побывать этой паломнице, ее охотно пускали на ночлег совсем незнакомые ей жители различных деревень. Делились с ней едой. А узнав, куда она идет, давали ей деньги с просьбой помолиться и о них в святой обители. Какая же бездна образовалась за времена гонений на Церковь между теми поколениями и нашим! И через сколько еще лет возродится в сердцах людей убитая в те годы, убиваемая и поныне, вера?...

От Архангельска до Соловков путь был морем. Перевозили богомольцев туда два судна- "Вера" и "Надежда". Пароходом "Вера" командовал опытный капитан- иеромонах Иоанн, которого В. Немирович-Данченко назвал в своей книге "лучшим моряком на всем Беломорском флоте". Цены на проезд до Соловков были, конечно, разными. Богатый человек мог за 12 рублей занять целую четырехместную каюту, а бедняки за три рубля приобретали место на палубе. Самых немощных пассажиров брали иногда на пароход и вовсе бесплатно. Устраиваясь в каюте, или размещаясь на палубе, паломники одинаково молились о благополучном путешествии, думали о том, как "увидят они монастырь, среди моря стоящий. Увидят чаек, устраивающих свои гнезда на папертях, церквей и по дорогам, где проходят богомольцы. Увидят много чудесного, о чем рассказывали побывавшие в монастыре, и сами будут рассказывать".

Во времени путешествия на Соловки В. Немировича-Данченко церкви на подворье еще не было. Но до нас сохранились и ее описания. Судя по ним, она освещалась "в три света"- тремя рядами окон, украшенных ажурными решетками. Стены ее были расписаны ликами Святых, а также сюжетами из житий Соловецких Преподобных. Это готовило посещавших храм богомольцев к встрече еще более чудесной- с самими Соловками, с местами, где жили и спасались подвижники, изображенные на фресках Соловецкого подворья. А создавали те фрески монахи-иконописцы во главе с иеромонахом Флавианом.

Украшением церкви подворья был и резной, позолоченный, с точеными деревянными колоннами трехъярусный иконостас. В первом ярусе его размещались почти двухметровые иконы Святителей Димитрия Ростовского, Феодосия Черниговского и Тихона Задонского, Митрофана Воронежского, Преподобных Онуфрия Великого и Елсазара Анзерского, Митрополитов Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа. Справа от образа Спасителя в иконостасе была храмовая икона Преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких. Второй ярус украшали изображения Иоанна Предтечи, Апостолов Петра и Павла, Пророка Илии. А наверху, увенчанные золочеными крестами, возвышались иконы Успения Пресвятой Богородицы и Преподобия Господня, между которыми был образ Пресвятой Троицы. Этот чудесный иконостас тоже был творением соловецкого инока-иеромонаха Палладия.

В церкви Архангельского Соловецкого подворья имелось много прекрасных икон, украшенных искусно вычеканенными серебряными ризами. Справа от входа паломники видели большую икону Преподобных Зосимы и Савватия с тропарем им, в резном дубовом позолоченном киоте. Риза для нее была изготовлена архангельским мастером-серебряником Николаем Прохоровым. Справа в таком же киоте помещался образ Тихвинской Божией Матери в расшитой жемчугом ризе. В качестве украшения-привески на нем были сердоликовые четки на 100 бусин, пожертвованные в 1861 г. Архангельским епископом Нафанаилом. Другой Архангельский Владыка, Иоанникий, подарил на освящение церкви подворья антиминс на желтом

атласе. Между иконами Соловецкого подворья были изображения Преподобных Зосимы, Савватия “древнего письма”. Сколько же поколений богомольцев поверяло Угодникам перед ними свои “нужды и печали”. В надежде на молитвенное предстательство их пред Господом!

Мирная жизнь Соловецкого подворья оборвалась на начале 20-х годов. В 1920 г. оно было закрыто. А 6 октября 1922 г. прекратились Богослужения и в его церкви. Соловецкое подворье разделило судьбу Соловецкого монастыря и сотен других разоренных русских обителей. Поруганный храм был превращен в спортзал.

Со школьных лет помнятся строки Руставели: “зло не вечно в этом мире, неизбежна доброта”. К этому можно добавить- неизбежна, неистребима и память. И оскверненный, лишенный внешнего благолепия, храм всегда остается Храмом, местом встречи с Богом людей, “вратами небесными”. Самые стены его- немые свидетели и очевидцы того, что когда- то здесь “служила Богу братия”. И в этой, хранимой ими памяти- залог возрождения Храма.

Спустя семь десятилетий после закрытия церкви Соловецкого подворья, в октябре 1992 г. его здание было возвращено Соловецкому монастырю. С того самого времени и поныне идет его восстановление, в котором поныне принимают деятельное посильное участие многие жители Архангельска.

Конечно, нынешние условия существования Соловецкого подворья отличаются от тех, что были в минувшие времена. И, разумеется, не к лучшему. В здании бывших кладовых разместилась инспекция ГАИ. Там, где некогда сдавались внаем “одни из лучших квартир в городе”, и даже под самой домовою церковью- тоже иные хозяева в лице светских учреждений. Рядом с церковью и иконной лавкой- ресторан. А чуть подальше- драмтеатр, возле которого то дело устраиваются развеселые праздничные гулянья под громоподобные звуки шлягеров... Вокруг монастырского подворья бушует мир “в языческом веселье”. И подворье выглядит маленьким, тихим островком спасения среди этого клокочущего “житейского моря”. Ежедневно- братское правило, молебны, Богослужения монастырским чином, на которых звучат песнопения, исполняемые старинным соловецким распевом.

О тех, кто трудится на Соловецком подворье, можно было бы много рассказывать. Ведь в наше время участие человека в возрождении храма так часто сопровождается возрождением и укреплением веры в его собственной душе. Но внутренний мир каждого- тайна. Поэтому не дерзнем вторгаться в него. У каждого из тех, кто нес и несет послушание на Соловецком подворье- своя судьба, своя дорога, приведшая их сюда. Но этих несхожих людей – от директора фирмы “Ремикс”, оказавшего подворью значительную финансовую помощь, до множества простых людей, вложивших в реставрацию здания труд своих добрых рук -объединяют глубокая вера в Бога и сознание того, что сообща творят они здесь, на земле, Божие дело.

На наших глазах, год за годом, совершается восстановление Соловецкого подворья и его церкви. Летом 1996 г. над тремя ее куполами поднялись в небо кресты. А 19 августа 1997 г. в ней был отслужен первый молебен с акафистом преподобным Зосиме, Саватию и Герману, Соловецким Чудотворцам. 30 июля 1998 г. епископом Архангельским и Холмогорским Тихоном в сослужении наместника Соловецкого монастыря архимандрита Иоасафа, братии Соловецкой обители и духовенства г. Архангельска, было совершено освящение храма подворья в честь Преподобных Зосимы, Саватия и Германа - единственного в России храма памяти трех из собора Соловецких угодников. Совершилось то, чего так долго ждали северяне - ожил, снова наполнившись молящимися, эта многострадальная церковь. Зазвучали в стенах ее, как когда-то, словно вернувшись к нам из седой древности монастырские песнопения. Снова зажглись лампы перед образами восстановленного иконостаса...

Знаменательно, что освящение храма Соловецкого подворья совершалось в день памяти одного из сонма Соловецких Святых - Преподобного Иринарха. Как известно, это имя означает "начальник мира". Спустя десятилетия разорения - снова мир в стенах возрожденной церкви. И даже зарядивший с утра того дня, когда ее освящали, проливной дождь вдруг прекратился как бы сам собою, сменившись ярко засиявшим солнцем. И верится, что это не простое совпадение, что за временами гонений наконец пришло время действительного возрождения Православной России, ее храмов и святынь. Время, когда, возрождая память о ней, духовно возродимся и все мы.

ПЛЫВУЩАЯ ЧЕРЕЗ ВЕКА (СОЛОМБАЛЬСКИЙ ХРАМ СВЯТИТЕЛЯ МАРТИНА)

помнилась с детских лет старая, очень хорошая песня : “ С чего начинается Родина?” Действительно, с чего начинается она? С материнской колыбельной, с картинки в букваре, с березки, одиноко растущей в чистом поле... А еще- с того храма, где ты крестился. С малой духовной родины, что есть у каждого православного человека.

Но если история России известна каждому из нас, то историю своего храма знают немногие. А ведь у церкви, как и у людей- свое прошлое, теряющееся во тьме минувших лет. Поэтому так легко и хорошо в них молиться- чувствуешь единение с теми поколениями, что поверяли здесь когда-то Господу свои “ нужды и печали”.

К числу таких, овеянных веками, храмов, принадлежит Соломбальская церковь в честь Святителя Мартина. Папы Римского- единственная в Соломбале, уцелевшая после десятилетий “ воинствующего атеизма”, когда навсегда исчезло с лица земли большинство Архангельских храмов. Кладбищенская церковь, по виду напоминающая корабль, она пережила все “ революционные бури”, неизменно оставаясь тихим и безопасным пристанищем для жаждущих спасения людей.

Мое повествование о церкви Святителя Мартина- это как бы рассказ прихожанки о своем храме. Поэтому с исторической точки зрения в нем могут быть неточности. Для меня важно передать атмосферу старины, наполняющей ее стены, сохранившейся здесь несмотря ни на что. История Соломбальской церкви началась задолго до ее возведения. Поэтому, говоря о ней, нужно упомянуть и о других храмах Соломбалы, о которых теперь мы знаем только из книг или по старым фотоснимкам.

Церкви в Соломбале появились в первой половине 18 века, после того, как в 1693 году на Соломбальских островах Петром I была основана судоверфь, а позднее- и первое русское адмиралтейство. Строили в Соломбале суда торговые, строили и суда военные. И первая деревянная церковь, возведенная там в 1738 году, была названа в честь покровителя мореплавателей Святителя Николая Чудотворца. Судьба ее складывалась непросто- в 1741 г. она сгорела и была построена заново. А в 1773 г., после сооружения в 1766 году каменного, с двумя приделами и колокольней, морского Преображенского собора, обветшавшую Никольскую церковь разобрали и перенесли ближе к Маймаксе, сделав кладбищенской. Интересно, что при этом поменялось ее название. Теперь Никольская церковь стала

именоваться Лаврентьевской, в память мученика архидиакона Лаврентия. Связано это было с тем, что в это время начальником порта, а стало быть, первым человеком в Соломбале, был Лаврентий Ваксель. Он выделял средства и на храмостроительство. В честь его даже одна из соломбальских улиц прозывалась "Вакселевской".

Позже и Лаврентьевская церковь, за ветхостью, была разобрана. Колокольню ее перевезли на Кегостров. А в малом приделе нашего храма находится ее иконостас. Да еще колокола на звоннице- свидетели тех минувших времен.

Вторым каменным храмом в Соломбале, после Преображенского собора, разрушенного в послереволюционные годы и сохранившегося лишь на фотографиях, стала наша церковь. Она была заложена 4 июня 1803 года при кладбище, близ адмиралтейских смоляных амбаров, в местности, носившей название Кривая Яма. Первоначально предполагалось назвать ее в честь Праведного Лазаря, друга Господня, воскресенного Им на четвертый день после его кончины. Но при освящении, 4 ноября 1806 года, церковь получила другого небесного покровителя- Священноисповедника Мартина, папу Римского.

Согласимся, случай необычный, удивительный. Кажется совершенно непонятным, почему Лазаревский храм вдруг переименовали? Тем более- в честь Римского папы? Но это странно лишь на первый взгляд. Ведь Римский папа Мартин I, живший в 7 веке, еще до разделения Церкви на Восточную и Западную, был мужественным защитником Православия. В 649 г. он созвал в Риме собор, на котором "церковное утвердил еси учение", подвергнув осуждению распространившуюся тогда монофелитскую ересь. Именно за это по приказу императора- еретика Констанса Второго Святителя Мартина арестовали и после многих мучений и издевательств приговорили к смертной казни, замененной ссылкой в дальний Херсонес. Там и завершилась скорбная и славная земная жизнь папы- исповедника, принявшего страдание и смерть ради правды Божией. А переименование Лаврентьевского храма в его честь состоялось, как полагают, потому, что командиром Соломбальского порта в это время был адмирал Мартин Острович фон-Дезин. Почти 13 лет он начальствовал над портом и, подобно Лаврентию Вакселю, много сделал для Соломбалы. Именно он ходатайствовал перед Адмиралтейством Петербурга о построении каменной церкви на соломбальском кладбище и управлял ее строительством. Освящение этого храма в память Святого- покровителя адмирала фон- Дезина было знаком уважения и любви к нему соломбальцев.

Между прочим, Мартин фон- Дезин распорядился перенести с заброшенного Маймаксанского кладбища к новой церкви останки своего предшественника, Лаврентия Вакселя, тем самым проявив уважение к его памяти. Да нашего времени могилы Мартина фон- Дезина и Лаврентия Вакселя не сохранились. Но об этих людях и поныне напоминает нам храм Мартина Исповедника. Кстати, имя Святителя Мартина носят в России только две церкви. Одна из них находится в Москве. Другая- у нас в Соломбале.

До нас сохранились имена ее строителей- портового архитектора Петра Харлова (или Харламова), по проекту которого она воздвигнута, а также начальника бригады каменщиков- крестьянина графа Головина- Прохорова. Благодаря им и поныне стоит эта необычного вида, напоминающая корабль петровских времен, церковь с маленьким куполом и высокой, словно пронзающей своим шпилем небесную высь, колокольней. И в странном ее облике угадываются силуэты и римских готических соборов, и увенчанных шпилями зданий Петропавловской крепости и Адмиралтейства.

А теперь, читатель, войдем вместе в этот старинный храм. Постоим, помолимся. С трепетом в душе соприкоснемся с его вековой стариной. Повсюду здесь увидим мы свидетельства о людях, которые бывали здесь, украшали этот храм. Память об одном из жертвователей хранит полукруглый позолоченный иконостас с мерцающими перед образами Спасителя и Божией Матери лампадами. Справа от иконы Спасителя находится изображение покровителя Соломбальской церкви- Свяtitеля Мартина Исповедника. Слева от образа Богоматери- икона Свяtitеля Димитрия Ростовского. Это- память о ктиторе соломбальского храма, купце второй гильдии, Димитрии Григорьевиче Починкове. В 1840 году он пожертвовал деньги на церковный иконостас, а также и на белокаменный пол, сохранившийся и доныне. Именно поэтому в иконостасе и помещена икона Свяtitеля Димитрия. Хотя история почитания Димитрия Ростовского в Соломбале восходит к более давним временам. Ведь еще до построения Никольской церкви при адмиралтейском госпитале существовала часовня его имени. Может быть, это связано со стремлением последователей Петра I к просвещению Севера? А может, и с чьей-то памятью? Сейчас это уже неизвестно.

В 1886 году к храму был пристроен придел в честь Апостола Иакова Алфеева. Работы проводились на средства купцов Прозоровых и Телятьевых, крестьянина Амосова. Еще и сейчас близ нашего храма можно найти опрокинутые гранитные надгробия членов семей Прозоровых и Телятьевых. Возможно, когда-нибудь исследователи и почитатели старины приведут в порядок их захоронения. Ведь эти люди когда-то оставили свой след в истории храмоздательства в Соломбале. А стало быть, и в истории Соломбалы.

Изнутри стены и потолок соломбальской церкви покрыты росписями. Это сюжеты из Нового Завета- вход Господень в Иерусалим, путь на Голгофу, явление воскресшего Христа Марии Магдалине и копия со знаменитой "Богоматери" В. Васнецова. Хотя первоначально живопись на потолке выглядела иначе. При последнем подновлении ее, в 1996-1998 гг., оказалось, что потолок церкви был расписан в светлых, желто- голубых тонах. Иными были и сюжеты. Например, над амвоном были нарисованы Апостолы Петр и Павел. В малом приделе есть изображения северных Святых- преподобного Антония Сийского, Праведного Артемия Веркольского. Авторы росписей неизвестны, но рассказывают, что делались они на средства знаменитых судовладельцев, купцов Макаровых, которые похоронены близ Соломбальской

церкви. И часто можно видеть, как, идя к службе, старушки кланяются перед белыми деревянными крестами усыпальницы Макаровых, и осеняют себя крестным знамением. Знать и эти, давно ушедшие люди, оставили по себе на земле добрый след.

Об иконах соломбальского храма можно рассказывать очень много. Конечно, сейчас трудно с точностью установить, какие из них находились тут издавна, а какие попали сюда после разорения соломбальских и архангельских церквей. Некоторые из них - очень древние. Например, образ Святителя Николая, приблизительно 17 века. Много лет висел он в углу, темный, молчаливый в своей вековой старине. "Открытие" его состоялось два года назад. Под руками художницы-реставратора Лии Жуковой из-под слоя копоти показались чудесные, писанные на золотом фоне, остроконечные деревья, палаты и корабли. На клеймах древнего образа - сюжеты из жития Святителя - спасение невинно осужденных и терпящих кораблекрушение, возвращение из неволи Агрикова сына. И, конечно, трогательная история о "грех узельцах злата", которыми Святитель Николай спас от нищеты и позора бедную семью. Мирно спят под одним одеяльцем три круглолицые отроковицы, не ведая, что уже приблизился к их дому Святой Николай, в старинной русской монашеской одежде, неся свой тайный дар - мешочек с золотом. Чтобы там, где вечером господствовали печаль и отчаяние, наутро воцарилась радость. Откуда попала в нашу церковь эта икона неизвестно. Возможно, из Никольского храма. А может, именно это изображение Святителя Николая было в 1774 г. подарено императором Павлом I Соломбальскому собору? Или оно находилось на пароходе "Святитель Николай", что ходил из Архангельска в Суру, на родину Праведного Иоанна Кронштадтского? Но перед величественной, древней этой иконой кажутся неуместными любопытные вопросы.

Слева в малом приделе есть образ с не менее загадочной судьбой. Это икона Божией Матери "Избавительница". Она была написана в 1906 году на Афоне и послана "в безмездный дар от имени Русских и других Святогорских пустынножителей" императору Николаю Второму и цесаревичу Алексею "для военного соборного храма в г. Либаве, во благословение... Российскому Балтийскому флоту и всем морским и сухопутным войскам по всему Российскому побережью Балтийского моря". Об этом мы узнали из полустертой надписи на обороте иконы. Как и о том, что написана она в память царя Александра Третьего, а также героев Крымской и Русско-японской войн. Какими судьбами афонский образ вместо Либавы оказался в Соломбале - трудно догадаться. В наш храм она попала, вероятно, из морского Преображенского собора.

Конечно, в Соломбальской церкви Святителя Мартина много изображений и северных святых. Особенно - преподобных Зосимы и Савватия Соловецких и Антония Сийского. Даже на большой иконе Божией Матери "Всех скорбящих Радосте" сбоку среди других угольников Божиих написан Святой Антоний Сийский, основатель знаменитого северного монастыря, и митрополит Филипп - один из сонма чудотворцев Соловецких.

Но наиболее удивительны истории чудотворных икон Соломбальского храма, о существовании которых многие не знают. Прежде всего, это икона Божией Матери "Скоропослушницы" возле правого клироса, в резном киоте. Как чудотворную, ее почитают соломбальские прихожане. Об одном из чудес от этой иконы рассказывала мне 85-летняя старушка. У некоей женщины долго не было детей. Прогнозы врачей оказывались неблагоприятными. Но женщина не теряла веры в помощь Владычицы, и после долгих слезных молитв перед иконой "Скоропослушницы" у нее родилась дочь. История эта не выдумана, потому что рассказывала старушка-соломбалка о самой себе. В другой раз в конце сороковых годов Божия Мать явилась во сне настоятелю храма-протоиерею Василию Гольчикову, и повелела сделать киот для своей иконы, что и было исполнено. Киот это, изготовленный местным резчиком по дереву, украшает образ "Скоропослушницы" и поныне.

Еще одна древняя чудотворная икона, изображающая Спасителя, находится в алтаре. Замечательна она тем, что ее украшает бархатная лента со множеством "привесок", сделанных из серебряной фольги. В старину существовал обычай прикреплять к чудотворной иконе изготовленные из драгоценных металлов изображения исцеленных органов и частей тела, или другие знаки в воспоминание о совершившемся чуде. На этой иконе-пятнадцать таких привесок. Судя по ним, от нее были исцеления от бесплодия, а также при болезнях желудка, рук и ног.

Одна из удивительнейших икон, находящихся сейчас с Соломбальском храме Святителя Мартина-большой образ "Успения Пресвятой Богородицы", в серебряной ризе, украшенный эмалью и жемчужным шитьем. Ему более 300 лет. Ранее он находился в Успенской церкви (разрушенной в советские годы), ктитором которой был купец А.М. Починков, родственник ктитора Соломбальской церкви, Димитрия Починкова. В 1631 году, как повествует предание, в Успенскую церковь ночью забрался вор. Забрав попавшиеся под руку ценности, он попытался выбраться через окно, но был удержан невидимой силой. Наутро святотатец был обнаружен. Но его так и не смогли оторвать от окна, пока перед иконой "Успения" не был отслужен молебен. Так три века тому назад Царица Небесная защитила Свой храм от грабителя.

Рядом с образом "Успения" находятся еще две чудотворные иконы. Это "Исцеление кровоточивой жены" и образ Божией Матери "Всех скорбящих Радость". Давным-давно, в 1848 году, они спасли Соломбалу от эпидемии холеры. Когда болезнь распространилась настолько, что ее, казалось, не остановить, люди обратились ко Господу с мольбой о помощи. Был устроен крестный ход. А настоятель Соломбальского собора, о. Андроник Павлович, открыл сбор средств на приобретение икон. Соломбальцы верили, что Бог поможет там, где медицина тех лет оказывалась бессильной. На их беду откликнулись даже жители других городов. Так, в Санкт-Петербурге лейтенант А.О. Можайский написал икону Божией Матери "Всех скорбящих Радость" и послал его в Соломбалу. Возможно, что этот образ-небольшой, прямоугольной формы, находится сейчас на правой стене малого придела. А

две другие иконы - "Исцеление кровоточивой жены" и образ Божией Матери "Всех скорбящих Радость", были написаны в Архангельске академиком, титулярным советником Очеровым. После молельных перед ними страшная эпидемия вскоре прекратилась.

С чудотворным образом Божией Матери "Всех скорбящих Радость" связана еще одна драматическая история, происшедшая уже в наше время. Три года назад, в ночь на Праздник Рождества Богородицы, Соломбальская церковь была ограблена. Страшное зрелище представляла она тогда, после ночного нападения - осколки стекла на полу, сорванные лампы и брошенные на пол разбитые киоты. А еще - зияющие пустоты стен, с которых святотатцы сняли иконы. Тогда было похищено 15 икон. Их вырывали из рам, сдергивая лампы, круша стекла. Но, как ни старались грабители, образ Богоматери "Всех скорбящих Радость" они так и не смогли выломать из киота. И чудом уцелевшая икона была утешением прихожанам Соломбальской церкви в их горе о пропавших святынях, внушала надежду на то, что, вопреки всем хитростям грабителей, иконы вернуться в родной храм. Что вскоре и произошло, заступлением Владычицы.

Наш рассказ о Соломбальской церкви Святого Мартина подходит к концу. И, расставаясь с нею, обойдем ее еще раз. Сбоку она удивительно напоминает корабль. Шпиль колокольни - словно мачта, а вместо белых парусов - облака. Уже почти два века плывет этот храм-корабль, надежно укрывая тех, кто ищет спасения и утешения в этих стенах. Становясь их духовной родиной. Тем, что "в любых испытаниях у нас никому не отнять".

ЗА ДВИНОЮ , НА КЕГ- ОСТРОВЕ (ХРАМЫ КЕГОСТРОВА)

сть в самом центре Архангельска удивительный уголок, где, несмотря на десятилетия " воинствующего атеизма", сохранилась память о местной церковной старине. И не только сохранилась, но сейчас обретает новую жизнь, из воспоминаний становясь реальностью. Это остров Кегостров, или, как называли его в минувшие времена: Кег- остров.

Остров в центре города? Как ни удивительно, но это именно так. Кегостров (вернее, часть его) действительно входит в состав центрального района Архангельска- Октябрьского. Хотя добраться туда не так просто. Летом перевозит людей через Северную Двину старый теплоход с непривычным для наших краев названием "Балхаш". А в зимнюю пору путь на Кегостров- по льду, минут двадцать пешим ходом. Правда, существует предание, что когда-то, лет двести назад, расстояние между Кег- островом и Архангельском было так невелико, что можно было без труда перебросить через реку ключи от кегостровской церкви. Но за два века течение Северной Двины настолько размыло берега Кег- острова, что предание это кажется теперь небылицей.

Сейчас Кегостров малолюден. Особенно зимой, когда обитатели многочисленных дач перебираются в Архангельск. Но даже в летнюю пору заметно угасание жизни на нем. Взлетная полоса аэродрома заросла травой, давно закрыта библиотека, амбулатория практически пуста. А в местном клубе проповеди заезжих сектантов сменяются дискотеками для подвыпившей молодежи. А ведь когда-то на Кег- острове кипела жизнь. В 18 веке именно на нем находилась первая в Архангельске таможня. В дореволюционные времена тут устраивали праздничные гулянья. Архангельские купцы издавна облюбовали Кег- остров, как место отдыха. А здешние жители слыли людьми трудолюбивыми, хозяйственными и глубоко верующими. Вот как характеризует их одно старинное описание: "они отличаются достаточным умственным развитием и практической сметливостью, набожны, трудолюбивы. За недостатком земли одни добывают себе средства к содержанию в Архангельске на канатно- и веревочно- прядильных и лесопильных заводах, другие рыболовством, и живут довольно обеспеченно." О прошлом Кег- острова и поныне напоминают добротные, строившиеся "на века" дома из лиственничного леса и старые, в несколько обхватов, тополя у ворот. А еще- сохранившиеся кое- у кого из старожилов образа. При взгляде на эти чудные иконы- в серебряных ризах, с цатами, в золоченых киотах,

разукрашенных виноградными ягодами и листьями, остается лишь сожалеть, что безвозвратно ушло то время, когда жизнь многих поколений кегостровцев проходила в труд, освященном и подкрепляемом молитвой, и была настоящим "житием во всяком благочестии и чистоте".

История Кег- острова неотделима от истории местного храма, освященного в честь Пророка Божия Илии. Построен он был в незапамятные времена. Достоверно известно только то, что Свято- Ильинская церковь стояла на Кег- острове еще в 17 веке. До нас дошло имя первого ее священника- отца Стефана Анисимова. В начале 18 века Свято- Ильинский храм дважды горел, но снова и снова восстанавливался. Первоначально стоял он на самом берегу Северной Двины, как бы соперничая в своей величавой красе с церквями Архангельска- Троицкой, Михайло- Архангельской. Позже, в 1807 году, из-за разливов Северной Двины, его перенесли вглубь острова. Место, где он сперва находился, сейчас скрыто под речной водой.

О том, как выглядела Свято- Ильинская Кегостровская церковь, мы сейчас можем представить только по сохранившимся ее фотографиям и старым описаниям. Была она деревянная, одноэтажная, выкрашенная в желтый цвет, и по форме напоминала крест. С северной стороны ее был древний придел в честь Священномученика Власия. С южной- пристроенный позднее Никольский придел. Над центральной частью храма возвышалось пять куполов- луковиц. Чуть поодаль от церкви стояла деревянная колокольня, с которой в праздничные дни раздавался торжественный звон семи колоколов. Помимо красоты звучания, Колокола эти были замечательны своей стариной. Два из них были отлиты в начале 17 века. Между прочим, в дореволюционные времена и на самом Кег-острове отливали колокола. Но сейчас это тоже "преданье старины глубокой"...

Свято- Ильинский храм был гордостью Кег- острова. И не случайно. Ведь в нем находилось множество древних святынь. Например, Евангелие 1627 года, Апостол 1644 г. издания, Служебник конца 17 века, деревянная дарохранительница крестообразной формы. Все это тщательно хранилось в церковной ризнице поколениями священно- и церковнослужителей.

Особенно знаменита кегостровская Свято- Ильинская церковь была тем, что ее неоднократно посещал царь Петр I. Было это в 1693, 1694 и 1702 годах. Интересно, что царь сам участвовал в Богослужениях. Например, 29 августа и 8 сентября 1693 г. он читал Апостол на Литургии. Свои именины, 29 июня 1694 г. Петр I также праздновал на Кег- острове. Об этом сохранилось свидетельство Холмогорского архиепископа Афанасия, совершавшего тогда по случаю дня Ангела царя праздничное Богослужение в Ильинском храме: "государь Литургию слушал за Двиною на Кег- острове в церкви Св. Пророка Илии. Пели Великий Государь басом со всеми Государскими певчими". В память о своем славном предке посещали Кегостровскую церковь и другие особы из династии Романовых. Например, 30 июля 1819 г. побывал в ней Александр I, а в мае 1844 года- великий князь Константин Николаевич.

И поныне на Кегострове живут предания о посещениях его Петром I. Сохранилась даже икона из иконостаса - древнее изображение Иоанна Предтечи, перед которой будто бы стоял царь, читая Апостол. Правда это или нет - кто скажет сейчас? Важнее другое - неистребимость памяти о минувшей славе своей земли.

Но история Кегостровского храма связана не только с именами царственных особ, а и с памятью о многих "трудолюбивых набожных" жителях Кег- острова и Архангельска, которые украшали его, жертвовали на его благоустройство, кто сколько мог. Поэтому стоит назвать хотя бы имена некоторых вкладчиков, дошедшие до нас. Например, имя крестьянина Ивана Телятьева, что подарил в кегостровскую церковь трехпудовое медное паникадило. Другое паникадило - хрустальное, с бронзовыми подсвечниками, было также пожертвовано местным жителем - крестьянином Алексеем Коржавиным. Московские купцы Андрей и Александр Корзинины послали в дар Ильинской церкви серебряные напрестольный крест и кадило, а вдова адмирала Екатерина Одеминцева - дароносицу из серебра. Большие пожертвования делались архангельскими купцами Михаилом Васильевичем и Дмитрием Михайловичем Телятьевыми. На их средства поновлялся иконостас Ильинского храма.

Между прочим, купцы Телятьевы были ктиторами и Соломбальской церкви. Может быть, именно поэтому рядом с нею и уцелело надгробие Михаила Васильевича Телятьева - единственное сохранившееся захоронение благотворителя Кегостровского храма. Конечно, могила эта заброшена - с темного покосившегося и перевернутого гранитного надгробия давно сбит крест, и на безвестный земляной холмик церковные уборщицы выливают ставшуюся после крещений воду. Но все-таки она еще существует, эта могила. Значит, есть надежда, что когда-нибудь люди вспомнят о многих добрых делах, совершенных погребенным в ней человеком, и в память о них приведут в порядок его, чудом уцелевшее, захоронение.

Свято- Ильинскому храму благотворили не только люди богатые. Сообща делали это все прихожане, которых в конце прошлого века насчитывалось около полутора тысяч. На деньги, собранные в складчину, рядом с церковью в 1812 г. была построена колокольня, а также деревянная ограда. И каждый понимал - в этих сооружениях есть доля и его труда, и его лепта.

О глубокой вере кегостровцев яснее слов говорил величественный вид Ильинского храма, о котором они сообща заботились, который берегли и украшали.

"Трудолюбивые и набожные" жители Кег- острова построили и несколько часовен в местных деревнях. Самая большая из них - Никольская, была в деревне Кяроострово. А в честь 900-летия Крещения Руси, 15 июля 1888 г., кегостровские прихожане поставили на берегу Северной Двины большой крест, к которому с тех пор ежегодно устраивался торжественный крестный ход.

Все это было уничтожено революцией и последовавшими за ней гонениями на веру. И Свято-Ильинская кегостровская церковь разделила горестную судьбу большинства архангельских храмов. Пострадал и последний ее священник, о. Алексей Шилов. Сначала батюшку вместе с семьей выгнали из дома, где они жили. Тогда прихожане построили священнику новый дом, в складчину купив где-то избу и перевезя ее на Кегостров, на улицу, носящую сейчас имя Юбилейной. Но отца Алексея вскоре арестовали и выслали в Усть-Илимск. Вернувшись из ссылки, батюшка провел последние годы в своем доме по улице Юбилейной, 4. Там он и умер. Могила его безвозвратно затерялась на местном кладбище. А заброшенный дом стоит и поныне. Окна его смотрят на пустырь, где стояла когда-то Ильинская церковь. А по весне белыми цветами покрываются две яблони возле дома. Старый дом и яблони, единственные на Кегострове - вот и все, что напоминает сейчас о последнем священнике уничтоженной Кегостровской церкви.

В Свято-Ильинском храме, после закрытия его в тридцатые годы, размещались то воинская часть, то библиотека. Наконец, устроили там клуб с показом кинофильмов и танцами. Что могло бы быть кощунственнее танцев в поруганном храме? Но, видно, и Господне долготерпение имеет предел. Примерно десятилетие спустя то, что еще уцелело от изуродованной, оскверненной кегостровской церкви, было уничтожено пожаром. На пепелище пытались построить крупнопанельный дом, да так его и не достроили. И поныне там - пустырь. А среди местных преданий живут и рассказы о несметных сокровищах, будто бы спрятанных от недобрых людей в подземельях кегостровского храма...

Конечно, это легенды. Но все же есть на земле Кегострова сокровища, которых никто не в силах отнять или уничтожить. Это - вера и память. И сохранились они не в сказочных тайниках, а в людских сердцах. Сохранились, чтобы через много лет воскреснуть, возродиться. Чтобы дать жизнь новому храму на Кегострове.

Начало его возрождению было положено в первой половине 90-х годов, когда на Кегострове была создана православная церковная община. В появлении ее немалая заслуга нынешнего священника кегостровской церкви, о. Андрея Хрусталева и его жены Светланы, уроженки Кегострова. А также тех, кто в 1994 г. стоял у истоков создания общины. В нее вошли разные люди - от ветеринарного фельдшера Надежды Дмитриевны Абрамовой до многочисленных бабушек - пенсионерок. Общине было передано здание бывшего колхозного правления. Но до того, как оно стало храмом, прошло несколько лет. Первоначально требы - отпевы, молебны - совершались в бывшем доме священника по улице Юбилейной, 4. Там же по праздничным и воскресным дням читались акафисты Божией Матери, Святым. Наконец, 13 июля 1997 г. состоялось освящение возрожденной кегостровской церкви. Правда, она получила имя не Пророка Илии, а одного из любимейших на Руси святых - Серафима Саровского. И думается, не случайно. Ведь Преподобному Серафиму принадлежит пророчество о том, что "Господь

помилует Россию и приведет ее путем страданий к великой славе. У нас вера Православная, церковь, не имеющая никакого порока. Сих ради добродетелей Россия всегда будет славна, и врагам страшна, и непресоборима, имущая веру и благочестие в щит и во броню правды: сих врата адова не одолеют”.

Церковь в честь Преподобного Серафима Саровского стоит на перекрестке четырех дорог. Она видна издали- большое деревянное здание, выкрашенное в синий цвет, увенчанное деревянным восьмиконечным крестом. Вверху, на чердаке- звонница с семью небольшими колоколами. Конечно, Это не те колокола, Которыми славилась когда- то Свято- Ильинская церковь. Но звон даже этих маленьких колоколов торжественен и радостен- наконец- то снова на Кегострове зовет людей в храм их благовест.

Внутри новой церкви по-особому уютно. Здесь соединилась с современностью вковая кегостровская старина. В иконостасе, рядом со старинным медным Распятием- иконы Спасителя, Пресвятой Богородицы современного письма. Образа эти- работа местной художницы, Наталии Алексеевны Суворовой, которой вера помогла превозмочь тяжелую болезнь, послужить Богу своим искусством. Может быть, выполнены они и не по всем правилам иконописи, но в них сполна нашла отражение глубокая, по-детски чистая вера их автора.

Большинство икон в новом кегостровском храме- подарены местными жителями. Их извлекали с поветей, где они сберегались, отдавали, снимая со Святых углов. Каждый, кому приходилось дарить иконы, знает, как тяжело бывает расставаться с родовыми святынями. Но за десятилетия “ воинствующего атеизма” жители Кегострова не разучились творить богоугодные дела. И это наглядно показала история возрождения на острове храма.

“ За Двиною, на Кег- острове” обретает новую жизнь прошлое, сохраненное людской памятью. И не чудо ли, что после многих лет безверия и безбожия там снова стоит Православная церковь, снова созывают своим звоном прихожан на молитву колокола? И, покидая кегостровский храм, покинем его с радостью в сердце, с надеждой, что возрождение храма послужит началом духовного возрождения этой маленькой части России, уже вкусившей сполна горьких плодов богоотступничества. И тогда ныне полузаброшенный Кегостров станет, как был когда-то, славным краем “ трудолюбивых и набожных” людей. Об этом, как и о духовном возрождении всей страны нашей, молят Бога небесные покровители Кег- острова- Пророк Илия и Серафим Саровский.

**РАСКАЗЫ О НЕКОТОРЫХ
ПОДВИЖНИКАХ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ**

ЕВФИМИЙ ИЗ ГРАДА АРХАНГЕЛЬСКОГО

Небесным покровителем Архангельска издавна почитается Архистратиг Михаил, в честь которого и получил свое имя наш город. Уже вошло в добрую традицию праздновать 21 ноября, в Михайлов день, именины города. Но у Архангельска есть еще один небесный заступник и молитвенник, о котором даже из людей церковных мало кто знает. Это- преподобный Евфимий Архангелогородский. Память его совершается 20 января (или 4 февраля по новому стилю). И в дореволюционные времена о нем не было известно столь хорошо и подробно, как, например, о Соловецких или Сийских подвижниках. Например, в "Архангельском Патерике", изданном в 1901 г., он ошибочно отождествляется с другим преподобным, который носил то же имя, но жил за столетие до него- с преподобным Евфимием Карельским, основателем Никола – Карельского монастыря. Поэтому необходимо рассказать о том, кто был преподобный Евфимий Архангелогородский и что нам известно о нем.

Сведений о жизни преподобного Евфимия почти не сохранилось. Известно только, что он был родом из Вознесения и с 1585 по 1589 гг. (по другим данным, он преставился в 1523 г.) был игуменом Михайлово – Архангельского монастыря. Об его сокровенном подвижническом житии не осталось воспоминаний современников и очевидцев. Но несомненно, что оно было именно таким, как о нем говорится в каноне Преподобному : " жизнь свою сотворил еси в молитвах и пощении, законно препроводил еси, отче, в безстрастие облечеса, плоти мудрования смилив крепостию Божественного Духа". И свидетельством истинности этих слов могут послужить сказания об обретении его мощей и о многочисленных чудесах, совершившихся от них.

В старинном повествовании так говорится об обретении мощей преподобного Евфимия. 7 июля 1647 г. кузнец Евстафий Трофимов рыл на дворе у архангельского восводи, боярина Юрия Петровича Буйносова-Ростовского, яму для установки кузнечного горна. Неожиданно из- под земли показалась деревянная крышка. Кузнец решил, что нашел сундук с кладом. Однако, к его разочарованию, вместо этого он выкопал старинный гроб. " Вот те и барыш!"- только и вымолвил Евстафий. Раздосадованный, он стал насмехаться над неизвестным усопшим: " вставай, помогай копать!" и руку свою под гроб совал, но рука в гроб не вошла и он ничего не ощущал". За этот кощунственный поступок Евстафия внезапно начало трясти, как в сильной лихорадке, а от резкой слабости он не мог даже пошевелиться. Тогда- то он понял, что заболел из- за непочтительного отношения к неведомому подвижнику, что лежал в найденном им гробу, и принялся оплакивать свой

грех. Но исцелился Евстафий только после того, как по повелению боярина Юрия Петровича Буйносова-Ростовского, узнавшего о причине болезни своего слуги, была совершена панихида по новоявленному угоднику Божию. Таково было первое из чудес Преподобного Евфимия Архангелогородского.

Стараниями воеводы Буйносова-Ростовского гроб с телом Преподобного был перенесен в находившуюся недалеко от места его обретения деревянную церковь в честь Праздника Происхождения честных древ Креста Господня. Тогда же его мощи переложили из старого гроба в новую деревянную раку. При этом также совершилось несколько знаменательных чудес. Некий Максим Медведкин, скептически отнесшийся к почитанию новоявленного угодника, потерял рассудок и излечился от навязчивых страшных видений лишь после слезного молитвенного обращения к тому, над кем он прежде недоверчиво посмеивался. А страдавший десять лет неизлечимой болезнью ног вдовый священник Воскресенской церкви Димитрий Козьмин, по вере своей в помощь Преподобного, получил исцеление после того, как отстоял обедню у его гроба.

Несмотря на множество чудес, совершившихся у гробницы Преподобного, имя его около двух лет оставалось неизвестным. Пока сам он в 1649 г. не открыл его в сонном видении послушнику Михайлово-Архангельского монастыря Косме Игнатьеву. Тот, в числе других братьев, был отправлен на рыбный промысел, но внезапно так тяжело заболел, что лежал в беспмятстве, близкий к смерти, без всякой надежды на человеческую помощь. И тогда-то, как вспоминал позже сам Косма: “вниде старец ко мне-брада седа вполловину. И рече ми: “тяжко болиши. Молися Богу и призови на помощь лежашего во гробе у Происхождения Честнаго Креста Господня”. И аз рех: “Господи, не ведаю имени его”. Он же рече: “имя мне Евфимие, а родом из Вознесения”. И невидим бысть”. Помолившись Преподобному Евфимию, Косма поправился. А о происшедшем с ним чуде рассказал, вернувшись в монастырь, игумену Антонию. Благодаря этому и стало известно имя угодника Божия Евфимия. А повесть об исцелении послушника Космы сохранилась до наших дней, как свидетельство действительности молитвенного обращения к Преподобному.

“Евфимием из града Архангельского” называл он себя, явившись некоторым другим людям. Например, жительнице Емецкого погоста, Ксении, что долгое время страдала от лихорадки, и, “призвав Святого с верою об избавлении от недуга, исцеление получи”.

О том, как выглядел Преподобный Евфимий, также известно по рассказам излеченных им людей. Они описывали его, как “человека светлотою одянного, власы чермены, брада в просед велика, возрастом велик же”, или как старца “с постным лицом, брада в просед невелика, в багряной ряске”. В Архангельском краеведческом музее есть его икона, написанная в Выгорешской пустыни. На ней - благообразный старец со строгим лицом, в клобуке старинного покроя. В одной руке его - посох, пальцы другой сложены для благословения.

В 1644 году монахом Михайлово-Архангельского монастыря Иосифом были собраны свидетельства о многочисленных исцелениях, совершившихся от гробницы Преподобного Евфимия. А в 1650 г. по повелению Новгородского митрополита Никона (будущего Патриарха), игумен Антониево-Сийского монастыря Феодосий произвел освидетельствование его мощей. При этом были найдены кости, а расследование чудотворений убедило в святости Преподобного, который признан за игумена Михайлово-Архангельского Евфимия. Тогда же была составлена служба Преподобному и написана его икона. Так в сонме Святых, в земле Российской просиявших, появилось имя Преподобного Евфимия Архангелогородского. Это стало знаменательным событием для истории Архангельска, который "даровании чудес обогатился еси обильно, древних отец чести сподобися" обретением мощей новоявленного угодника Божия.

До начала 18 века мощи Евфимия Архангелогородского находились в храме Происхождения Честных Древ Креста Господня. Впоследствии на его месте была построена другая церковь - в честь Архистратига Михаила, где под спудом положены мощи Преподобного. Так неразрывно переплелось почитание в нашем городе двух его небесных покровителей - Архангела Михаила и Преподобного Евфимия.

Особым почитанием Преподобный Евфимий пользовался у староверов. Судя по надписи на его иконе, которая хранится в Архангельском краеведческом музее, при обретении его мощей оказалось, что пальцы правой руки его сложены в двуперстное крестное знамение. Из этой же надписи к иконе известно, что именно поэтому во времена Петра I его сподвижником Святителем Афанасием Холмогорским, пытавшимся бороться со старообрядчеством, делались попытки упразднить почитание на Севере этого подвижника. Однако, они не привели к желаемому результату. И Преподобный Евфимий почитался простыми верующими людьми не только в Архангельске и его окрестностях. К нему обращались в молитвах люди из разных уголков Севера - Холмогор, Мезени, Емецка. Он исцелял безнадежных больных, спасал терпящих крушение на море, являясь на корме судна посреди бушующих волн. В каноне ему говорится и о том, что даже от земли, взятой от его гроба, по вере тех, кто брал ее, совершались исцеления: "obleгающая персть свягата твоего гроба камене сапфира дражайши, отче, показася, целебна бо и чудотворива, и паче злата верными разделяема". Есть немало свидетельств и об исцелениях детей по молитвам к Преподобному Евфимию. Так, младенец Иван Буйносов, страдавший опухолью лица, был принесен родителями к гробнице Преподобного Евфимия, и, к великой их радости, совершенно поправился. А одиннадцатилетняя слепая девочка София Морозова, племянница серебряных дел мастера Еремея Нестерова, прозрела после того, как однажды, отходя ко сну, по-детски горячо помолилась Святому Евфимию, чтобы он вылечил ее. Удивительно, насколько близок в этом отношении

Преподобный Евфимий Архангелогородский другим Российским Чудотворцам, например, Праведному Иоанну Кронштадтскому или Серафиму Саровскому, которые с особенной любовью относились к детям, скоро откликаясь на их бесхитростные, но искренние молитвы!

Народное почитание Преподобного Евфимия Архангелогородского, продолжавшееся более трех столетий, было прервано революцией. Ныне мощи его утрачены. А на том месте, справа от здания Гостиного двора, где некогда стояла церковь Архангела Михаила, сейчас разбит сквер. Но память о Святых неистребима никакими гонениями, никаким осквернением, уничтожением вещественных святынь. Как неизменно и их молитвенное предстательство за нас. И, в числе имен других северных подвижников, возвращается к нам из тьмы забвения и имя Преподобного Евфимия Архангелогородского. Канон ему с краткой житийной справкой был опубликован в январском томе Богослужбных Миней издания 1983 года. А в экспозиции Архангельского музея изобразительных искусств можно увидеть его старинную икону, написанную в одном из старообрядческих скитов. И верим, что северяне вспомнят о том, как много чудес совершилось в минувшие времена по молитвам к Преподобному Евфимию Архангелогородскому, и, в непостыдной надежде на его помощь, будут обращаться к нему, как некогда обращались деды и прадеды наши: “Хранитель буди отечеству своему всегда, Преподобне отче Евфимие, избавляя сие от глада же и пагубы, да, твоими к Богу молитвами избавльшися вси, яко заступника тя почитасм”.

ОТРОКОВИЦА ПАРАСКОВИЯ (ПРАВЕДНАЯ ПАРАСКЕВА ПИРИНЬСКАЯ)

реди Житий Святых можно встретить удивительные в своей трогательности рассказы о совсем юных подвижниках, посвятивших Богу всю свою недолгую земную жизнь. Младенец-мученик Кирик, мученицы Вера, Надежда и Любовь, царевич Димитрий, блаженная Муза- это лишь немногие из них. "Сколько таких детей знала Церковь, в сердце которых обитал Бог!"- так говорил о них известный духовный писатель прошлого столетия Евгений Поселянин в предисловии к одной из лучших своих книг, посвященной судьбам юных праведников- "Святая юность". В этой книге есть рассказ и о "маленьком крестьянском мальчике из дальнего села русского Севера"- Праведном Артемии Веркольском, с особой любовью почитаемом жителями Архангельского края. Но мало кто знает, что Праведный отрок Артемий был не единственным северным святым, угодившим Богу в детские годы и прославленным от Него чудесами. Вместе с ним в сонме подвижников Архангельского края издавна почиталась и его сестра, праведная Параскева Пириньская, память которой праздновалась в один день с памятью Артемия Веркольского- 23 июня (6 июля по новому стилю). Что же известно нам об ее судьбе?

К сожалению, о ней мы не знаем практически ничего. Так, в книге архимандрита Никодима (Кононова) " Архангельский патерик" о ней можно найти только следующее упоминание: " О Праведной Параскеве и ее жизни, кроме древнего предания, говорящего, что она была родной сестрой Праведного Артемия и скончалась отроковицею, нам ничего не известно". Действительно, Господь не благоволил нам узнать о сокровенной внутренней жизни отроковицы Параскевы. И можно лишь предполагать, что подвижничеством своим она была подобна брату- Праведному Артемию. Также, как и он, проводила время не в детских играх и шалостях, а в молитвах, посещениях храма Божия. Помогала отцу и матери в их повседневных трудах и заботах. Духовную высоту этой юной уроженки Пинежья нам, христианам современности, трудно себе представить. По словам Е. Поселянина, " что может быть выше, как детская незлобивая и чистая душа, которая вместила в себе Бога?" Недолгую, но праведную жизнь прожила на земле отроковица Параскева. Похоронена она была в селе Пиринь (или Пиринсь), в 90 верстах от Пинеги, в старинной часовне в честь Великомученика Георгия Победоносца, построенной в том селе в незапамятные времена.

Обретение ее мощей произошло через много десятилетий после ее блаженной кончины, в 1610 году. О нем известно нам из старинного повествования. Вот как это произошло.

Несколько лет подряд жители Пиринем, приходя помолиться в Георгиевскую часовню, замечали, что в зимнюю стужу, когда ее обветшалые стены и пол покрывались инеем, один угол постоянно оставался незамерзшим. Мало того- из- под половиц исходило тепло. 30 июня 1610 г., после утрени, прихожане Георгиевской часовни собрались, чтобы обсудить вопрос о ремонте ее прохудившейся крыши. Тогда- то и задумали они выяснить, что же скрывается под полом ее. И вот, как повествуется в древней « книжице об обретении сих мошей и о чудесах от оных», приподняв половицы, под ними они увидели “ гроб вверх земли и на гробе камень. и они камень подняли и сняли с гроба, и под каменем глава, а моши землю покрыты”. Однако, когда пиринемцы решили получше разглядеть, кто лежит в найденном ими гробу, их любопытство было остановлено чудесным образом: “свещу от мошей угасило, аки ветром, а как свещу отнесли, и паки сама загорелась”. При этом произошло еще одно чудо. Среди присутствовавших при обретении мошей Праведной Параскевы людей был один больной, уже много лет страдавший неизлечимым для того времени недугом. Помолившись Господу и Матери Божией, и с верою прикоснувшись к гробу, он почувствовал, что исцелился. Так было открыто пиринемцам, что в обретенном ими гробу лежат мощи неведомого им святого. Однако, кто этот неизвестный подвижник и как его имя, они узнали позднее.

Около года спустя священнику из находившегося рядом с Пиринемью села Чаколы, отцу Феофилакту, в сонном видении было явлено, что обнаруженные в Георгиевской часовне моши принадлежат отроковице “ Парасковии, девическа лика, крестьянска рода”. С тех пор в святцах она и стала именоваться- Праведная Параскева Пиринемская (или Пириминская). А чудеса от гроба ее продолжали совершаться.

В 1611 году Праведная Параскева явилась во сне пинежскому крестьянину Евфимию Федорову, повелев ему, чтобы он к ее раке “ собрал скорбных и недужных, и кто чем скорбен, Божия милость будет”. Он готов был исполнить это. Однако его жена, не обладавшая столь глубокой верой, как Евфимий, стала отговаривать его : “ что люди о тебе подумают?”. Действительно, односельчане Евфимия сперва не поверили его рассказу о явлении Праведной Параскевы. Однако после того, как внезапно ослепла жена Евфимия, насмешки прекратились. И тогда он снова увидел во сне Праведную Параскеву, которая повторила свое приказание, прибавив при этом, чтобы больные “ молились Богу, Пресвятой Богородице и новой чудотворице Параскеве”. Вместе со священником Чакольского прихода отцом Феофилактом, Евфимий, собрав больных, в числе которых была и его жена, отправился в Пиринемь. После того, как у раки Праведной Параскевы был отслужен молебен, все недужные, к радости их близких, исцелились. А было их 30 человек.

В 1612 году Красногорским игуменом Макарием и священником Феофилактом было произведено первое освидетельствование мошей праведной Параскевы. Они “ по посте и молебном пении со тщанием обрели мощи, главу новоявленной Параскевы и иные прочис составы все не по плоти.

но единные кости ся". Вслед за тем мощи ее были положены в новую раку, которую поставили на паперти Георгиевской часовни. Причем во время сильных морозов гроб не покрывался инеем, и от него исходило тепло. Продолжались и исцеления людей, с верою молившихся Праведной Параскеве- к началу 18 века их было записано 18.

В 1710 г. приходской священник Алексей Козьмин и приказчик Алексей Яковлев составили описание обретения мощей Праведной Параскевы, а также чудес, совершившихся от ее гроба. Описание это было представлено Архиепископу Архангельскому и Холмогорскому Рафаилу. По его указу в 1711 г. проводилось повторное освидетельствование мощей Параскевы Пиринемской, в котором участвовали иеромонах архиерейского дома Порфирий и строитель Веркольского монастыря иеромонах Антоний, а также местные священники Симсон, Евстратий и Иоани Козьмин. Отслужив молебен перед гробницей, они " гробницу скрыли и тоя Праведныя Параскевы мощи смотрели, и мощи темны, а глава и вси тела ея кости сухи, а в составе все целы, покрыты холстиною тонкою белою и на той изображен Животворящий Крест Господень". Затем, окропив мощи святой водой, они закрыли раку. При этом, к изумлению всех присутствовавших, "благоухание из того гроба изыде".

Службы Праведной Параскеве составлено не было. Однако известно, что в 18 веке существовали иконы с ее изображением. В том же столетии, когда на месте окончателно обветшавшей Георгиевской часовни построили церковь в честь 12 Апостолов, рака с мощами ее была поставлена в правом углу этого храма. У гроба ее всегда молились люди, чаявшие ее помощи в "нуждах и печалях", часто служились панихиды. И конечно, никто не отходил от ее раки " тош и неуслышан".

Жители Пиринемии ежегодно праздновали память Праведной Параскевы. В день обретения ее мощей, 30 июня, перед ее ракой служились панихиды. Молились ей не только на ее родине – Пинежье, а и по всему Архангельскому краю. Пока в послереволюционную годину, по недоброй воле " воинствующих безбожников", силами тьмы не было сделано все возможное, чтобы навсегда изгладить из сознания людей память о " Святой Православной Руси" и ее подвижниках.

Наше время на исходе XX века- время покаяния, время возвращения к вере. И не случайно, что из тьмы забвения среди имен других северных святых вернулось к нам и имя Праведной Параскевы Пиринемской.

ПОВЕСТЬ О МОНАХИНЕ ЕЛЕВФЕРИИ

Светлой памяти северных подвижников-ведомых и неведомых, известных и неизвестных.

бращаясь к повествованиям о северных Святых, живших в давно минувшие времена, можно подумать, что все это- лишь "преданья старины глубокой", и в наше время нет на Севере подобных им людей. Однако это не так. Ведь, по утверждению одного из современных писателей, "святые нас никогда не покидают". И в наше время не перевелись на Севере люди высокой духовности, которых вполне можно назвать подвижниками.

Наш рассказ- об одном из таких удивительных людей, Анастасии Александровне Неверовой, которую прихожане Свято- Ильинского собора знали, как монахиню Елевферию. Для того, чтобы сделать рассказ об ее судьбе более понятным для современного человека, мы решили придать ему форму небольшой повести, которая основана, однако, на реальных событиях из жизни матушки Елевферии, известных по ее собственным рассказам и воспоминаниям знавших ее людей.

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Анастасия Неверова родилась она 31 декабря 1915 г., в селе Ровдино, Архангельской губернии, в семье крестьян-середняков. Родители ее- Александр Осипович и Анна Николаевна Неверовы, были коренными поморами. Среди семерых детей рода Неверовых- Серафимы, Клавдии, Марии, Александры, Василия и Сергия, Настенька, как звали матушку в миру, была средней.

Известно, что детские воспоминания- самые яркие. И остаются они с человеком на всю его земную жизнь. Что же запомнилось матушке Елевферии из поры ее детства? Атмосфера благочестия, глубокой веры, царившая в их доме.

В этом, безусловно, была заслуга ее родителей. Прежде всего- отца, Александра Осиповича, человека серьезного, набожного. Как и многие простые русские люди того времени, он был любитель почитать или послушать "от божественного". Грамоте Александр Осипович выучился сам. Вспоминая об отце, матушка часто рассказывала, как светлыми летними ночами он, надев круглые очки, читал большую книгу в старинном кожаном переплете- поучения Святителя Иоанна Златоуста. Прочитанное пересказывал другим. Но, что гораздо важнее, старался жить по Евангельским заповедям, по заветам святителя Иоанна. Например, помогал бедным.

Придет, бывало, к Александру Осиповичу его сосед, Павел, по прозвищу Ворона, просить семян в долг. А он возьмет, да и отсыплет ему сколько надо, так, "без отдачи". Видимо, запало в сердце Александра Осиповича утверждение Иоанна Златоуста, что тот, кто милует неимущего, в его лице Самого Христа милует. А у Павла Вороны и земля плохая, так что жито на ней не родится, и детишек полон дом... И так делился Александр Осипович не только с ним, а и с другими бедняками. И Господь щедро вознаграждал его – несмотря на то, что семья Неверовых была большая-десять человек- нужды в ней не знали никогда. А позже, в послереволюционное лихолетье, в пору "раскулачивания", никто не посмел позариться на крепкое, нажитое честным трудом хозяйство Неверовых.

Среди добрых качеств, которые Александр Осипович и Анна Николаевна сумели привить своим детям, было почитание старших. Древняя заповедь, по замечанию Апостола Павла, первая заповедь с обетованием: "почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле", исполнялась в семье Неверовых на деле. Родителей уважали, слушались их беспрекословно, обращались к ним на "вы". Позже, став взрослыми, дети заботились о состарившихся отце и матери, не считая это в тягость себе. А тогда, в детские годы, они ухаживали за девяностолетней бабушкой по отцу, Александрой. Вероятно, Именно она научила своего сына, как строить семейную жизнь "во всяком благочестии и чистоте". Бабушка Александра была старообрядкой. Дряхлая, больная, она уже давно не покидала своей комнаты. Единственным занятием и утешением ее оставалась молитва. Старой кожаной лестовки она не выпускала из рук. Бабушку свою дети, в том числе и маленькая Настенька, очень любили. Стоило ей попросить их о чем-нибудь, например, принести с печки теплые валенки, как дети спешили исполнить ее просьбу.

Александр Осипович и Анна Николаевна воспитывали детей и в любви к храму Божию. По Праздникам и воскресным дням, принарядившись, Неверовы всей семьей отправлялись в церковь, построенную в честь Апостолов Петра и Павла. Тем более, что была она в самом Ровдино. Белокаменная, величественная, она возвышалась на холме и была видна издалека. Поблизости от храма жил батюшка, отец Николай, с детьми которого частенько играли маленькие Неверовы. Но удивительно- игры эти, хотя и были по-ребячьи веселыми, никогда не переходили грань, отделяющую игру от озорства. Вообще, по воспоминаниям и самой матушки Елевферии, и ее родственников, в их семье дети не любили играть в шумные игры.

Молитва церковная в доме Неверовых была неотделима от молитвы домашней. В их большой двухэтажной избе в каждой комнате имелся святой угол с образами. Перед праздниками их ризы до блеска начищались мелом, в цветные лампадки наливалось масло. И это увеличивало царившую в доме атмосферу духовной радости. Одну из этих икон, небольшой образ Казанской Божией Матери в серебряном окладе, матушка Елевферия берегла всю жизнь- как родительское благословение. Этот образ сопровождал ее долгие годы. Как и помощь "Заступницы усердной рода христианского".

Четырнадцать лет прожила Настенька Неверова в родном селе. Здесь кончила она 4 класса церковно – приходской школы, выучившись грамоте. Но главным, чему научилась она в детские годы, были вера и благочестие. Это помогло ей прожить всю ее долгую жизнь, не отступив от избранного однажды и навсегда пути.

ВЫБОР ПУТИ

Проблема выбора жизненного пути вставала и встанет перед людьми всех времен и стран. Едва- едва выйдя из детства, должна была сделать свой жизненный выбор и Настенька Неверова.

Было ей тогда немногим больше 14 лет. Обычно считается, что в эту пору человек еще слишком юн, чтобы принимать серьезные решения. Однако Настенька Неверова, едва начав жизнь, сумела избрать в ней дорогу, которая казалась ей правильной. Хотя выбор этот произошел не без колебаний. А совершить его помогла Настеньке воспитанная с детства глубокая вера.

К концу двадцатых годов в большой семье Неверовых произошли перемены. Умерла бабушка Александра. Состарились Настенькины родители. А старшие сестры начали жить самостоятельно. Кто вышел замуж, кто стал работать, чтобы и себя прокормить, и отцу с матерью помочь. Одна из сестер, Клавдия, с которой Настенька была особенно дружна, переехала в Архангельск. Прожив там около года в прислугах, она устроилась учеником повара в только что открывшуюся тогда на окраине города, при одном из лесозаводов, столовую. Получила комнату в общежитии. Клавдия и уговорила родителей отпустить к ней Настеньку. В ту пору подростки рано начинали трудиться. Тем более, что Настеньке предоставлялась возможность получить профессию повара и работу в городе. Вдобавок, в Архангельске она оказывалась не одна, а под присмотром и опекой старшей сестры. Подумали-подумали Александр Осипович и Анна Николаевна- и отпустили дочку. Вот так и оказалась четырнадцатилетняя девочка из Ровдино в самой гуще шумной и суетной городской жизни. И это было первым испытанием ее веры. Испытанием, которое она сумела выдержать.

Сначала, впрочем, все складывалось иначе. Для деревенской девушки-подростка, выросшей в строгой и благочестивой семье, в Архангельске было множество соблазнов. Танцплощадка, кинотеатр “Арс”, веселое общество сверстников и сверстниц... И Настенька, как и ее старшая сестра, в первые годы городского житья-бытья, охотно посещала всевозможные, невиданные в родном ее селе, развлечения. Когда находилось свободное время и средства, ходили они с Клавдией на танцы и в кино. Даже в театре бывали. Смотрели вместе балет “Лебединое озеро”. И Настенька, очарованная сказкой о верной любви заколдованной красавицы и прекрасного королевича, не могла не мечтать тогда о своем царевиче, который любил бы ее так же горячо и нежно, как принц Зигфрид- Одетту. Конечно, вокруг не было ни замков, ни злых волшебников, ни даже принцев. Но действительность сближало со сказкой

хотя бы одно-юная Настенька была очень хороша собой. Такой она осталась навсегда на старой фотографии- полнеенькая, улыбающаяся, с ямочками на щеках и выщипанная кудряшками. Казалось, эта девушка- само воплощение юности и красоты- создана для земного счастья. Кто тогда мог подумать, что вскоре эта милая, жизнерадостная плясунья и хохотушка сменит яркое цветное платье на черный подрясник послушницы? (Фотография 3)

Фотография 3 Настенька Неверова (слева) Ей 25 лет Впереди - целая жизнь

Увлечение Настеньки городскими развлечениями длилось года два-три. Но, встретившись с первым в своей жизни искушением, она все-таки сумела его преодолеть. Когда и при каких обстоятельствах вновь вспыхнул и разгорелся ярким пламенем огонек веры в ее душе- для нас навсегда останется тайной. Как тайной пребывает внутренний мир каждого человека. И даже сама матушка Елеферия не могла точно сказать, почему вдруг вместо жизни мирской она начала вести жизнь подвижническую. Известно только, что побудило ее к этому чтение Евангелия.

Почему она обратилась к Евангелию- сейчас уже не скажет никто. Сестра ее Клавдия вспоминала, что на Настеньку произвел сильное впечатление рассказ об усекновении главы Иоанна Предтечи, когда царь Ирод в награду за понравившуюся ему пляску дочери по ее желанию отдал приказ отрубить голову Иоанну Крестителю. И повествование о том, как "Иоанну Крестителю в награду за Саломинну пляску голову отрубили", заставило

Настеньку серьезно задуматься. Выходит, и она совершает грех, подобный преступлению Иродовой дочери? И она уподобляется “беззаконной плясавице” (танцовщице)? Но ведь танцевать и веселиться- так заманчиво, так приятно...

Колесания девушки разрешились вскоре, когда ей в руки попала книжка- житие Иоанна Предтечи. И там она прочла, как страшно погибли убийцы пророка- Ирод, Иродиада, а особенно- виновница его казни- плясунья Саломия. В воображении ей представлялось, как бьется в ледяной воде в предсмертных судорогах тонущая царевна, задыхаясь от сдавливающего ее горло льда... Ужасная участь грешной красавицы запечатлелась в ее памяти навсегда. И, к удивлению, к недоумению подружек, Настенька перестала ходить на танцы. Над ней смеялись, соблазняли рассказами о том, как весело было на очередной молодежной вечеринке... А у нее перед глазами стояла страшная агония Саломии. Увлеченная своей юности матушка Елевферия оплакивала до самой смерти. При чтении жития Иоанна Предтечи она, утирая платком слезы, называла себя “окаянной плясавицей”. А когда приходила в изнеможение от старческих болезней, повторяла со скорбью: “Это мне за то, что я плясала когда- то. И поделом мне”.

С легкой руки писателей прошлого и настоящего бытует мнение, что причиной, заставляющей людей вести аскетическую жизнь, чаще всего являются житейские неудачи. Особенно- несчастная любовь. И, посещая монастыри, светские писатели стремились найти там иноков, покинувших мир именно по этой причине. Например, дореволюционный писатель В. Немирович -Данченко, автор очерка о Валаамском монастыре “Мужичья обитель”, отыскав в нем одного монаха, который ушел туда из-за семейной драмы, с удовлетворением так резюмировал итог этой встречи: “с его появлением вся эта обитель уже явилась передо мною в ином свете. Точно вдохнули сюда душу живую”. Что же говорить о нынешнем времени- времени романтических сериалов, где герои, а особенно героини, страдая от неразделенного чувства, то уходят в монастыри, то, в очередной раз влюбляясь, снова их покидают? И кому-то подумается, что, возможно, и Настенька Неверова начала вести подвижническую жизнь из-за личных неудач? Но нет. На героиню Дюма она была похожа меньше всего. И если бы ее обращение к Богу было увлечением, блажью, оно прошло бы так же быстро, как любовь к танцам. А ведь это осталось с нею на всю жизнь.

Настенька прекратила не только танцевать и ходить в кино- она изменила весь образ жизни. Вместо кудряшек- завитушек- строгая прическа. Вместо пестрых платиц- более скромные. Вместо светских книжек- книги духовные. Прежде всего- Евангелие. А в свободное время она стала посещать храм- один из немногих, уцелевших к тому времени в Архангельске храмов- Свято- Ильинский. Некогда кладбищенский, но к тому времени ставший городским кафедральным собором. Каких усилий стоило юной

девушка отказаться от всех удовольствий и утех молодости- можно лишь догадываться. Тем более, что ей постоянно приходилось терпеть непонимание и насмешки от сверстников, недоумевавших, что это вдруг приключилось с симпатичной и веселой Настенькой?

В храме у нее был свой любимый уголок, напротив большой темной иконы Богородицы. Она стояла там, внимательно слушая, что читалось и пелось на Богослужении. Иногда и сама подпевала. Ее заметили. Оказалось, что у нее неплохие слух и голос- сопрано. А читать по- церковно- славянски Настенька научилась еще в детстве. Так и началось ее первое церковное послушание- на кииросе. Петь она очень любила. До самой глубокой старости у нее сохранился звонкий, чистый голос. И тем, кто знал матушку Елевферию, запомнилось, как часто напевала она ныне забытым распевом: "Господи, помилуй". Или любимый духовный стих- " Слава Богу за все" ...

К этому времени- к середине тридцатых годов- Настенькино ученье закончилось. Из ученика (или, как она шуточно выражалась, "поварешки"), она стала поваром. И ее, как хорошего специалиста своего дела, оставили работать в той же самой столовой, куда устроила ее в ученье сестра Клавдия. Нахваливая сваренные Настенькой борщи да каши, никто и не догадывался, что готовит она их, как готовили в старину в монастырях, с молитвой, "во славу Божию". Разумеется, молилась она тайно. Ведь годы ее вступления в Церковь были страшными годами " воинствующего безбожия". Временем разрушения обителей и храмов. Временем гонений на тех, кто не отступался от Бога, не предавал веру свою.

Об этой трагической поре сказано и написано много. И церкви и монастыри Архангельска и Архангельской епархии разделили скорбную судьбу множества разоренных российских святых. Зачастую закрытие их производилось силой, вопреки желанию верующих. Например, когда в начале двадцатых годов в одном из городов Архангельской епархии- Шенкурске, власти решили закрыть существовавший там еще с 17 века Свято- Троицкий женский монастырь, жители послали в Совнарком письмо за множеством подписей с просьбой оставить его. Но наивные надежды этих людей оказались обманутыми- заведомо обреченный Свято- Троицкий монастырь упразднили, выгнав оттуда последних сестер... Закрытие примерно в то же время в самом Архангельске подворья другого женского монастыря- Сурского, основанного Святым Праведным Иоанном Кронштадтским, сопровождалось арестами людей, пыгавшихся защитить подворье, и напоминало неравную битву. Это известно из воспоминаний очевидца -в ту пору- молоденькой девушки, Настенькиной сверстницы, которая, кстати, тоже попала на несколько недель в тюрьму. Для нее происходившее было настоящей катастрофой: "казалось, весь мир рушится". Но и здесь сила оказалась на стороне безбожников- Сурское подворье " взяли", набив несколько машин арестованными. Соловецкий, Сийский, Михайло- Архангельский, Холмогорский Успенский, Сурский монастыри пополнили список поруганных северных обителей. Что же говорить о многочисленных храмах, разделивших ту же участь? Навсегда исчезли с лица земли Воскресенская, Успенская церкви, Соломбальский

Преображенский собор. И гордость Архангельска- Свято- Троицкий кафедральный собор. царскими воротами которого любовался посетивший наш город в 1819 г. царь Александр I. Была разрушена и Петропавловская церковь на родине Настеньки Неверовой- в Ровдино. Ее разбирали на кирпичи, из которых построили баню в Архангельске. Только баня та просуществовала недолго, и сгорела как раз на Петров день. Первоверховные апостолы не допустили окончательного поругания своего храма. Сейчас в этом здании по улице Коммунальной находится отдел социального обеспечения. А о страшном пожаре, словно посланном свыше для вразумления разорителей, и поныне напоминает одна из его стен со следами огня.

Закртыс обителей и храмов сопровождалось гонениями на Божиих людей- священнослужителей, монашествующих, мирян. Сколько судеб было безжалостно исковеркано в те годы! Для скольких Архангельск стал местом ссылки. Голгофой! На страницах книги протопресвитера Михаила Польского “Новые мученики Российские” можно найти такое скорбное повествование об участии ссыльного духовенства в Архангельске: “ на церковной паперти стоял длинный ряд людей в старых потрепанных скуфейках, протягивающих руки, прошивших милостыни. Это все священники, монахи и даже архиереи, сосланные сюда со всех концов России, а здесь просто выброшенные на улицу. Они не имеют права поступить на какую- либо должность. государственная власть о них не заботится, и, таким образом, они обречены на нищенство. Немногочисленное уцелевшее духовенство принимало их к себе на ночлег, чтобы защитить их от трескучего мороза”. Описание это, предвещающее рассказ об умершем в тюрьме от дизентерии Архиепископе Архангельском Антонии, относится к 1932 году. И место, где происходили события, описываемые о. М. Польским- Свято- Ильинская церковь. Настенька Неверова начала ходить в этот храм на год или два позже. И, разумеется, она видела то, о чем мы сейчас не можем читать без боли в душе, своими глазами. О виденном она рассказывала редко. Возможно, чтобы не беречь горестные воспоминания. А может, по сформировавшейся в те годы привычке молчать. Ведь, по ее словам, “тогда всех забирали”. Только за три месяца до своей кончины она рассказала немного о судьбе одного из ссыльных батюшек- игумена Германа, похороненного за алтарем собора. Попав не по своей воле на Север, он жил в хлеву- никто не решился его приютить. Там и умер в зимние морозы. Его погребли у стены собора, поставили над могилой крест. Но спустя несколько лет рядом появилось чье- то захоронение, и вскоре крест с батюшкиной могилы исчез... “Вот так”, - резюмировала матушка Елсверия свой рассказ о погибшем в ссылке игумене, - “ни крова, ни даже погребения христианского не дали люди отцу Герману...”

Но именно эти бедствующие, зачастую лишенные крова и пропитания ссыльные священнослужители были необычайно богатыми духовно людьми. И своим подвижничеством опытом они щедро делились с теми, кто хотел к нему приблечься. Среди них был и первый духовный отец Настеньки- иеромонах Игнагий.

Фотография 4. Иеромонах Игнатий. Единственный сохранившийся снимок

О нем не сохранилось почти никаких сведений. Матушка Елевферия рассказывала о нем очень немного. Как, впрочем, и другие, знавшие его, люди. В Архангельске он появился в тридцатые годы, покинул его в конце сороковых. Жил то в частном доме по улице Свободы, то на окраине города, в так называемом "Шанхае", находясь под постоянной слежкой. Скрывая свой священнический сан, носил мирскую одежду. Богослужения совершал тайно, в частном доме у двух сестер, что вели затворническую жизнь, там же, на окраине. В матушкином архиве было две его фотографии. На одной - отец Игнатий сидел вполборота. Большая борода, телогрейка, сапоги. Рядом с ним стояла девушка, одетая по-крестьянски - его духовная дочь, тайная послушница.

Если как священника отца Игнатия мало кто знал, то многим он был известен, как человек прозорливый, но скрывавший это под видом юродства. Память архангельских старожил

сохранила некоторые из его сбывшихся предсказаний, сделанных разным людям. Например, его квартирной хозяйке Анне, которая считала юродство батюшки "дурачеством". Не раз он говорил ей: "Грустно мне это видеть, Анна, только ведь с твоего дома начнется разрушение". Но та не читала должным задуматься над этими его словами. Однажды, на день своего Ангела, Анна пригласила гостей. И вот, когда все уже сели за стол, отец Игнатий вдруг на глазах у всех, ничего не говоря, полез на печку. Анна звала его к столу, но он ответил ей: "сперва поминки надо справить". Снова и снова повторила Анна свое приглашение, но в ответ с печной лежанки слышалось только: "нет, поминки сперва". Объяснив гостям поступок отца Игнатия, как очередную его "блажь", Анна принялась их угощать. Под конец, взяв блюдо с нарезанным пирогом, она стала обходить гостей, и вдруг побледнела, согнувшись с криком боли. Ее успели уложить на кровать, где она через несколько минут скончалась. Внешне безумный поступок отца Игнатия оказался пророчеством об ее внезапной кончине посреди веселого и беззаботного пирова... Отец Игнатий предсказывал и другие события. Например, еще до войны он, придя к одной женщине, попросил буханку хлеба и, к удивлению хозяйки, стал нарезать ее небольшими кусочками. Именно такими пайками немного позднее, когда началась война, выдавали в городе хлеб. Тогда только та женщина поняла, что означал странный поступок отца

Игнатия. К сестре Настеньки, Клавдии, в самом начале войны он пришел со странной просьбой: “собери-ка мне, молодича, одежды в узелок, чтобы неприбранному лежать не пришлось”. Она завернула ему кое-что, и он, выходя на улицу, пристально, со скорбью, посмотрел на нее. А вскоре Неверовым пришла “похоронка” - на фронте погиб брат Клавдии и Настеньки, совсем еще юноша, младший лейтенант Василий Неверов.

Между прочим, отец Игнатий сделал одно предсказание и матери Настеньки, Анне Николаевне. В конце тридцатых годов она вместе с мужем переехала к дочерям в Архангельск. Как-то, выходя из Свято- Ильинского храма, Анна Николаевна повстречала отца Игнатия, Увидев ее, батюшка просиял лицом и радостно воскликнул : “виноград-то, виноград-то какой вырастила! А венцов, венцов –то сколько!” При этом он трижды воздел вверх руки, как бы выражая свое восхищение. Анну Николаевну слова эти изумили, даже испугали. Смысл их тоже стал понятен спустя долгие годы. Действительно, разве не “ виноградом”, заботливо выращенным Александром Осиповичем и Анной Николаевной, были их дети? Ведь все они прожили жизнь честными тружениками, не забывая о Боге. А один из сыновей – Василий- погиб, защищая Родину. Это и провидел отец Игнатий, хваля мать таких детей- настоящего винограда Господня.

Отец Игнатий стал духовным отцом Настеньки. Благодаря ему укрепилась в ней мысль, что земная жизнь и ее радости- ничто по сравнению с жизнью вечной и теми благами, что уготовал Бог любящим Его. И девушка решила посвятить свою жизнь служению Христу. Свое желание она открыла духовнику. После долгого испытания иеромонах Игнатий благословил ее на вступление на иноческий путь

Матушка навсегда запомнила тот день. Произошло это в 1941 году на Праздник Святой Троицы . Солнечным летним утром в Троицын день отец Игнатий облек Настеньку Неверову в первые ее монашеские одежды- подрясник, апостольник (род платка или капюшона, который носят монахини и послушницы) . кожаный пояс. Дал в руки четки. “ Теперь ты- послушница Анастасия, невеста Христова. Будь же достойна этого имени.” Было ей тогда 26 лет.

АРХАНГЕЛЬСКИЕ ПОДВИЖНИКИ 30- 40 ГОДОВ

Один из древних египетских подвижников определил жизнь монаха, как путь, на котором бывают встречи и утраты, успехи и падения. Хотя внешне эта жизнь небогата на происшествия. Потому что она, прежде всего- жизнь внутренняя.

Биографию матушки Елевферии можно пересказать в нескольких строчках- училась, работала, вышла на пенсию. . . Что же до жизни внутренней, то рассказывать о ней для постороннего человека трудно. Поэтому, не зная достоверно, как возрастала духовно послушница Анастасия, не желая и прибегать к вымыслу, мы решили рассказать о тех, с кем она встречалась в

Фотография 5. Отец Дмитрий Федосихин после принятия схимы

годы своей юности. Вероятно, это даст нам возможность понять, чему научилась она у этих людей. В качестве доказательства вспомним рассказ из жития Антония Великого о том, как он, посещая различные монастыри Египта, учился у их обитателей всевозможным монашеским добродетелям. У кого же и чему училась послушница Анастасия?

Одним из таких людей был протоиерей Дмитрий Андреевич Федосихин, последний духовник Сурского подворья. По рассказам о нем матушки Елевферии, и других знавших его людей, он был учеником Праведного Иоанна Кронштадтского. Отец Дмитрий запомнился матушке очень ярко- потому что первым священником, у которого она, по приезде в Архангельск, брала благословение, оказался он. Но, конечно, не это главное. Для послушницы Анастасии он стал примером тайного, сокровенного от людей подвижничества. У нее хранились две его фотографии. На

одной, датированной 1927 годом, батюшка Дмитрий изображен еще не старым человеком, в рясе "в горошек". С виду- обыкновенная фотография священника. По ней практически невозможно догадаться, что это снимок тайного монаха. Только одна деталь может указать на это. Если приглядеться, можно заметить, что пальцы левой руки отца Дмитрия сложены так, словно он только что выпустил из рук четки. Но стоит согласиться- деталь эта практически незаметна.

О том, почему отец Дмитрий принял монашество, мне рассказывали разные люди. И повествования их отличались друг от друга. По воспоминаниям одного из знавших его лиц, после нескольких лет счастливой семейной жизни он начал терять зрение. Все усилия врачей спасти его оказывались напрасными. И тогда священник стал молиться: "Господи, даруй мне зрение, чтобы я мог служить Тебе всем сердцем, всем помышлением моим!" Совершилось чудо- болезнь отступила. Выздоровев, отец Дмитрий исполнил свое обещание. Вместе с ним постриглась и его жена, матушка Варвара.

Но есть и другой рассказ о том, при каких обстоятельствах начал отец Димитрий свое тайное подвижничество. По воспоминаниям одной старушки-певчей Всесвятского храма, произошло это во время одного из приездов в Архангельск Иоанна Кронштадтского, хотя в каком именно году - неизвестно. Среди встречавших его тогда были и о. Димитрий с матушкой. Подойдя к священнику, Иоанн Кронштадтский произнес: "С сего дня ты ей-брат, а она тебе-сестра". После чего и приняли они тайный монашеский постриг.

Впрочем, оба эти повествования, несмотря на свои различия, не противоречат друг другу, а скорее, друг друга дополняют. Видимо, отец Димитрий во время своей болезни действительно дал обет постричься в монахи. Но окончательно решил исполнить его лишь после благословения данного ему Иоанном Кронштадтским.

Внешне он оставался тем же солидным протоиереем, главой большой и дружной семьи, отцом пятерых детей. Кстати, все дети его, в том числе дочь Елена, послужили Богу, кто- в священническом сане, кто- в иноческом чине. Внутреннее его делание для нас навсегда останется тайной. О том, что это был настоящий подвижник, свидетельствуют рассказы об его прозорливости, которую он, как и о. Игнатий, прикрывал юродством. Именно так он предсказывал некоторым из своих духовных чад ожидающие их искушения.

В начале тридцатых годов отца Димитрия арестовали. Случайно в одной камере с ним оказался бывший послушник Соловецкого подворья, которого позднее выпустили. По его словам, все сорок дней, пока они находились вместе, бабюшка делился с ним скудным тюремным пайком. Затем его выслали в Кустанай, откуда он уже не вернулся на родину... В ссылке принял схиму. Монашеское имя его осталось неизвестным. В одеянии схимонаха, почти совсем седой, со скорбью во взоре - таким он остался на последней из своих фотографий. И в памяти знавших его людей (Фотография 5).

Фотография 6. Епископ Никон (Пурлевский)

Матушка Елевферия почитала его, как человека, сумевшего среди мирских соблазнов вести тайную "жизнь во Христе". И свое монашеское делание поверяла его примером. Поэтому, когда ее спрашивали, что за батюшка изображен на старой фотографии из ее архива, она кратко отвечала: "Человек". Действительно, отец Димитрий был настоящим христианином, подвижником, человеком в высшем смысле этого слова.

Не меньшее влияние, чем он, на послушницу Анастасию оказала другая личность с необыкновенно трагической судьбой. Хотя с человеком этим она общалась немного, зная его в основном по воспоминаниям его келейника, отца Серафима Шинкарева. Речь идет об епископе Никоне Пурлевском (Фотография 6).

Фотография его стояла у матушки Елевферии среди икон. Несмотря на плохое качество снимка, в серьезном, из-под круглых очков, взгляде епископа можно было прочесть строгость, мудрость и то особенное спокойствие, характерное для человека, хранящего мир в душе. На обороте снимка имелась надпись, сделанная матушкиной рукой, о том, что Владыка Никон возглавлял Архангельскую епархию с 1935 по 1937 гг. (судя по данным списка архиереев Русской православной Церкви, приводимому в 9 т. "Истории Русской Церкви" протоиерея В. Цыпина, к тому времени, когда Владыка Никон возглавлял Архангельскую епархию, он был архиепископом. Там же приводится точная дата его гибели- 27 декабря 1937 г.) Это не совсем точно-на Архангельской кафедре он был не с 1935, а с 1933 по 1937 годы. К этому времени на его долю уже успела выпасть горестная и славная судьба исповедника Христова. В сборнике протопресвитера М. Польского "Новые мученики Российские" сообщается о том, что в двадцатые годы, когда Владыка Никон был епископом в Белгороде, именно при нем производилось кощунственное "освидетельствование" и изъятие мощей Свяtitеля Иоасафа Белгородского. Со слезами на глазах он, по требованию безбожников, открыл рану... Те обнажили мощи, несколько раз вонзили в них хирургический ланцет... Потом составили "протокол освидетельствования". От Владыки Никона требовали подписать бумагу о том, что мощи Свяtitеля Иоасафа изымаются якобы с согласия верующих. Несмотря на угрозы расправиться с ним, он отказался. Тогда его избили так, что он находился без сознания несколько часов. С 1925 по 1926 гг. Владыка Никон был в заключении в Бутырской тюрьме, а затем- в Соловецком концлагере. Вот что довелось ему пережить к тому времени, когда с ним встретилась Настенька Неверова. Дело было на Пасху, в 1936 году. Вздумалось тогда девушке поздравить Владыку со Светлым Праздником.

Кстати, по воспоминаниям старожилов, Епископ Никон был очень простой и доступный в обращении человек. Много выстрадав сам, он умел сострадать и другим. Его часто просили молиться о болящих, что он охотно исполнял. Причем, как было замечено, те, за кого он молился, выздоравливали. Поэтому жители Архангельска с любовью говорили о своем Владыке: "его молитвы Бог слышит".

Принарядившись, в белом платьице и ярко-красном берестике Настенька отправилась к Владыке Никону, неся ему в подарок кремовый торт Тот, вместе со своим келейником, отцом Серафимом, снимал небольшую комнату в деревянном доме недалеко от собора. Единственным украшением этого помещения были иконы и книги. Видимо, его тронула пылкая искренность Настеньки- он принял подарок, поблагодарил девушку и благословил ее маленькой иконой Святителей Московских- Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, предсказав при этом, что жениха ее будут звать Алексием. О том, как и когда сбылись его слова, мы расскажем позднее. Впрочем, расставаясь с Настенькой, он негромко сказал ей: "Хоть и Пасха сейчас, но шапочку эту ты лучше не носи". Историю о "красной шапочке" матушка Елевферия несколько стеснялась рассказывать, всегда завершая ее словами: "вот ведь какая тогда была глупая". Владыка Никон навсегда остался в памяти ее вот таким- простым, мудрым, добрым человеком.

А еще- мучеником. Именно поэтому и стояла у нее среди икон его фотография. Историю об аресте Владыки Никона она рассказывала часто. Произошло это в 1938 г. и уже не в Архангельске. Где именно? - она точно не помнила. Судя по сообщению в сборнике "Акты Патриарха Тихона", местом последнего служения Епископа Никона, как раз в 1938 году, была Казанская епархия.

В тот день за ним пришло двое. Один- в военной форме, другой- в штатском. Во время ареста Епископ Никон, по словам матушки, "помешался- стал вдруг говорить что- то непонятное". Но его все равно забрали. Единственным очевидцем ареста и последним, кто видел Владыку, был его келейник, отец Серафим. Его самого тогда не арестовали только чудом. Лишь в самый последний момент почему- то вдруг передумали и отпустили. Видимо, Господь сохранил его от смерти, чтобы он еще послужил Богу и людям. А Владыку Никона расстреляли. "Он мученик, он за веру пострадал", - так матушка Елевферия завершала обычно свой рассказ о крестном пути Епископа Никона, которого она почитала, как святого.

Если с протоиереем Димитрием и Владыкой Никоном послушница Анастасия общалась сравнительно немного, хотя они остались для нее примерами мужественного "стояния за веру", подвижнической жизни, то гораздо больше и чаще она встречалась с монахинями из различных монастырей, после разорения их поселившихся в Архангельске. Прежде всего- с инокинями Наталией и Евдокией.

Инокния Наталия (Иванова) (Фотография 7) с тридцатых годов была постоянной прихожанкой собора. К сожалению, ни обстоятельства ее жизни, ни то, из какого монастыря она была- неизвестны. Одно несомненно- ей, как и Владыке Никону, пришлось пережить много скорбей. Скорее всего, что для нее Архангельск был местом ссылки, потому, что все, кто знал и помнил ее, единогласно утверждали, что она- не северянка. На обороте ее фотографии, долгие годы хранившейся у матушки Елевферии, рукой инокини Наталии,

Фотография 7. Инокия
Наталья.

печатными буквами, с орфографическими ошибками был написан стишок: "Не ищи в людях участия- люди любят лишь себя. Им смешны твои несчастья- не поймут они тебя." Видимо, эти бесхитростные строки были плодом горького жизненного опыта матушки Натальи.

Она, как и отец Игнатий, оказала большое влияние на послушницу Анастасию, став для нее примером монашеской жизни. Строгая, совершенно нестяжательная, целиком погруженная в молитву, она в полном смысле этих слов была "не от мира сего", не заботясь ни об еде, ни об одежде. О ней, как о древних подвижниках, можно было сказать, что она знала лишь две дороги- в храм, а оттуда- в келью. В Свято- Ильинском храме она, как и послушница Анастасия, пела на клиросе. Голос у нее был необычный для женщины- бас. Поэтому ее так и прозвали: "Наталья- бас". Именно матушка Наталья научила послушницу Анастасию молиться по четкам Иисусовой молитвой- 10 узелков- "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную", а на перенизке (большая бусина, отделяющая в четках десять меньших) - "Богородице Дево, радуйся". Конечно, прошло немало времени, прежде чем Анастасия научилась молиться так, как инокия Наталья-

не отвлекаясь, погружаясь умом и сердцем в слова молитвы.

Для послушницы Анастасии образ жизни матушки Натальи служил подтверждением того, что жития древних подвижников и подвижниц-реальность, которую, несмотря на разницу эпох, можно воплотить в современной ей действительности. И в памяти ее она осталась "настоящей монахиней".

Еще одному качеству истинного монаха- терпеливому перенесению скорбей, научила послушницу Анастасию инокия Евдокия, одна из последних сестер Холмогорского монастыря, "Дуношкой" ласково называла матушка Елевферия свою землячку (Фотография 8)

Знакомство с нею для послушницы Анастасии было поистине милостью Божией. Потому что именно в эту пору ей приходилось пережить много искушений, с которыми она с трудом могла справиться. На примере матушки Евдокии, с помощью ее советов, она училась переносить эти скорби.

После закрытия Холмогорского монастыря жизнь «Дунюшки» была исполнена страданий. До самой смерти не имела она собственного пристанища. Жила в Соломбале, где снимала крошечный закуток за печкой. Все свое - с собою и на себе. Кормилась подаванием. Стояла в притворе собора, закутавшись от холода в большой платок. В бледном лице - ни кровинки, глаза закрыты. Лишь иногда по движению ее губ можно было догадаться, что она молится. Руки инокиня Евдокия не протягивала никогда, но постоянные прихожане собора, зная ее нужду, сами подавали ей, кто сколько мог.

Да, то была скорбная жизнь, которую можно назвать настоящим мученичеством. Но мученичество это она несла добровольно, Господа ради. Когда Холмогорский монастырь был упразднен, к инокине Евдокии, тогда еще молодой и красивой, пытались посвататься несколько мужчин. Естественно, они обещали ей любовь, кров, достаток... Но она отказала всем: «Лучше умру, чем предам Спасителя моего. Я Его невеста, других мне не надо». Именно такой - юной и прекрасной, с непреклонной строгостью во взоре, она осталась на хранившейся у матушки Елевферии фотографии. И в ее взгляде угадывается взгляд боярыни Федосьи Морозовой, «во иночестве Феодоры» с картины Сурикова, принявшей смерть за веру свою: «сиде аз верую, сиде исповедую, с сим живу и умираю».

Когда послушницу Анастасию одолевали сомнения в том, сумеет ли она выдержать свой, полный искушений, путь, сможет ли спастись вне монастыря, когда даже молиться приходится украдкой, она находила утешение у инокини Евдокии. И та, ласково глядя на молоденькую послушницу, ласково говорила ей: «Терпи, терпи, Анастасия. Надо нам терпеть до конца. Тяжко здесь, да сладок рай. Все святые спасались скорбями». И эти слова нищей, полуголодной подвижницы, мужественно терпевшей земные скорби, укрепляли Анастасию в мысли, что «ради Господа все можно вынести».

Фотография 8. Инокиня Евдокия («Дунюшка»)

Добровольное мученичество инокини Евдокии было вознаграждено Господом еще при ее жизни. Было замечено, что по ее молитвам совершаются чудеса- выздоравливают больные, получают избавление попавшие в беду люди. И что Бог милует и хранит тех, кто делает ей добро. Так, сестра Анастасии, Клавдия, на время отъезда пустила ее пожить в свой домик. Как раз в это время, в 1941 году, Архангельск подвергся бомбардировке фашистской авиации. Одна бомба упала в пяти метрах от этого домика. От взрыва разбилась стекла, попадала с полок посуда... Но, на удивление всем, деревянное строгельное уцелело. Так Господь помиловал Клавдию, давшую приют матушке Евдокии, по ее молитвам сохранив домик от неминуемого разрушения. Правда, не желая славы от людей, сразу же по возвращении хозяйки инокиня Евдокия поспешила покинуть ее гостеприимный дом и стала вести прежнюю скитальческую жизнь.

Необыкновенной была и кончина инокини Евдокии. Умирала она так же, как и жила- в чужом доме по улице Пролетарской (ныне Логинова). Но расставалась с жизнью радостно. Потому что в смертный час за душу ее явились святые. Только кто именно- о том она не успела сказать монахини Марии Магдалине- единственной свидетельнице ее праведной кончины. Место захоронения инокини Евдокии к настоящему времени уничтожено. Как, впрочем, и ряд других, разрушающихся на глазах полузабытых и совсем забытых монашеских и священнических захоронений на городских кладбищах.

Долгие годы матушка Елевферия берегла две вещицы, подаренный ей когда – то “Дуношкой” –маленький медный подсвечник с подставкой в форме вифлемецкой звезды и стеклянные, черные с белыми перенизками, четки. Потом от нее они перешли к другой монахини. Думается, это не случайно. Ведь четки и свеча вручаются монаху при постриге. И они- словно палочка духовной эстафеты, переданной монахинями прошлого их современными, немощным духовно, продолжательницам.

Следует сказать еще об одной встрече послушницы Анастасии с необыкновенным человеком, жившим в Архангельске в конце тридцатых годов- с иеромонахом Порфирием. Тогда ее особенно обуревали помыслы уныния. Ей казалось, что вокруг- кромешная тьма, грозящая поглотить ее. Враждебный безбожный мир был повсюду, и она чувствовала свою полную беспомощность перед ним. Тогда кто- то надумил ее спросить совета у иеромонаха Порфирия, что жил близ Воскресенской церкви. Придя к нему, Анастасия так и замерла на пороге от удивления. Перед ней сидел благообразный старец. А по его одежде и волосам ползали крупные вши. Конечно, в житиях святых она читала о подвижниках, которые, изнуря свою плоть, позволяли беспрепятственно жить на себе различным насекомым. Но наяву видела она такое единственный раз в своей жизни.

Выслушав Анастасию, отец Порфирий дал ей совет, который она выполняла всю жизнь: “ Читай тропарь и кондак Успению Божией Матери. И ничего не бойся. Владычица Сама все управит”.

Всего один-единственный раз виделась послушница Анастасия с отцом Порфирием. Но духовный совет, который он ей дал, оказался для нее необычайно важным. Она поняла, что зло, окружающее ее, бессильно перед Господом. Он и Царица Небесная, Заступница рода христианского, не оставят ее Своею помощью. Конечно, ей не избежать искушений. Но, "Богу содействующу", заступлением Матери Божией, она сумеет выстоять, не предав Христа, не отступив от Него. И когда матушке Елевферии, уже глубокой старушке, люди задавали вопрос: "как спастись?" – она отвечала на него теми же словами, что сказал ей когда-то отец Порфирий.

На этом мы заканчиваем рассказ о встречах послушницы Анастасии с архангельскими подвижниками. Несмотря на то, что зачастую встречи те были недолгими и однократными, от этих людей она многому научилась. Общение с ними укрепило ее веру, научило быть мужественной в перенесении искушений, хранить верность Богу среди окружающего безбожного мира. Быть "свечой, горящей во тьме", сопротивляясь этой тьме внутренне.

Но о том, насколько тяжело было молодой послушнице в те годы, мы можем только догадываться. Ведь, то, чему она училась у различных архангельских подвижников, воплощать в жизнь ей приходилось самой. Ее не защищали от соблазнов и гонений монастырские стены, не имела она и такого духовного отца, у которого бы окормлялась долгие годы. И казалось, окружающий мир, в котором вера и верующие были вне закона, должен был одолеть ее. Она выстояла, сохранив свою веру. Но все же сколько раз, сколько раз, изнемогая от различных искушений, послушница Анастасия молила Господа: "Боже, не оставь меня! Мати Божия, помоги, защити меня! Нет у меня иной помощи, кроме Тебя!" И там, где оказывались бессильны помочь люди, ей помогал Сам Бог и Его Пречистая Матерь.

СУДЬБЫ АРХАНГЕЛЬСКИХ МОНАХИНЬ

Возможно, кому-то покажется, что вступившая на иноческий путь во времена "воинствующего безбожия" послушница Анастасия была одной из крайне немногочисленных архангельских подвижниц тех лет. Но нет. Скорее, она была одной из многих. Только, если об ее жизни мы знаем довольно много, то о судьбах других не знаем практически ничего. Память о них исчезает, и вскоре исчезнет совсем, с уходом из жизни последних давних прихожанок архангельских храмов, которые еще могут кое-что рассказать о них. Поэтому прервем ненадолго повествование о судьбе послушницы Анастасии, чтобы рассказать, по собранным по крупицам воспоминаниям последних свидетелей и очевидцев, об иных, ныне уже почти всеми забытых, монахинь нашего города. Сохранить память о них- наша обязанность не в меньшей степени, чем сберечь память о матушке Елевферии.

Фотография 9. Монахиня
Ирина Опарина

Из судеб архангельских монахинь, пожалуй, самая удивительная судьба была у монахини Ирины, похороненной рядом с храмом в честь Священноисповедника Мартина в Соломбале. На могильном кресте, под фотографией молодой монахини, надпись: "Опарина Ирина Борисовна. 1866-1964 гг. Вечная память тебе, дорогая сестричка". Она была современницей послушницы Анастасии, хотя друг друга они не знали, потому что несли послушание при разных храмах. Что же известно о матушке Ирине, по рассказам старшей прихожанок этого храма, а также ее родственников (Фотография 9)?

Как и послушница Анастасия, матушка Ирина была коренной северянкой. Родилась она в Соломбале, в большой и дружной семье. Отец ее, Борис Опарин, держал швейные мастерские, поэтому считался человеком зажиточным. В доме Опариных строго соблюдались

православные обряды, имелось много икон и церковных книг, читать которые Ирина приохотилась с детства. Среди семи детей в семье Ирина была старшей. Поэтому ей, в отличие от других девушек из зажиточных родов, было не до безделья - приходилось нянчиться с малолетними братишками и сестрами. К труду, к заботе о других она привыкла с детства.

Когда Ирина подросла, то казалось, что веселая свадьба и счастливая семейная жизнь ее не за горами. Девушка она была красивая, умная, видная собою и с добрым нравом. И сундук с богатым приданым родители для нее давно приготовили. Но все людские расчеты и планы властно изменила Божия воля о ней. Не зря ведь говорится: "Человек предполагает, а Господь располагает".

Однажды юной Ирине Опариной приснился сон, в одночасье изменивший всю ее судьбу. Сейчас уже никто не скажет, что именно виделось ей тогда. Только девушка стала упрашивать отца: "Не выдавайте меня замуж, а отвезите в монастырь. Меня там ждут".

Конечно, для родителей Ирины это оказалось неожиданностью. Но они, как люди глубокой веры, не стали принуждать дочь к замужеству: "видно, на то Божия воля". Отец отвез Ирину в Шенкурский монастырь. А приданое красавицы-невесты послужило вкладом для ее приема в обитель. Шенкурский же монастырь был избран потому, что там уже жила монахиней родственница Ирины.

Древняя Шенкурская обитель имела интереснейшую историю, которую стоит напомнить, хотя бы вкратце. Основание ее относится к 1664 году, к царствование Алексея Михайловича, который знал основательницу ее, старицу Марфу, и очень уважительно к ней относился, сделав на монастырь щедрые вклады. Вслед за государем жертвовали Шенкурскому монастырю многие знатные боярские фамилии- Голицыны, Милославские, Нарышкины, Морозовы... За века своего существования монастырь немало пережил. Несколько раз сгорал дотла, но снова и снова отстраивался. В 1765 г. по малолетству и бедности был упразднен, и спустя 13 лет открыт уже как мужской. Женским Шенкурский монастырь снова стал лишь столетие спустя- в 1865 г.

Из его игумений, помимо старицы Марфы, самой известной была местная уроженка, мать Евфимия (1727- 1749 гг.), прекрасная золотошвейка. Существует предание, что она была знакома императрице Анне Иоанновне и подарила ей прекрасные воздухи и покров своей работы. А царица пожаловала игумении- искуснице образ Богородицы в серебряной ризе, хлеб и гарусные четки. При возобновлении Шенкурский монастырь возглавила игумения Феофания. Последней была мать Рафаила (Вальнева).

У монастыря имелось 3 каменных храма- Свято- Троицкий собор, церковь в честь Преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, а также храм Преподобного Макария Желтоводского в приписанной к обители Макарьевской пустыни. Главной святыней монастыря была чудотворная икона Божией Матери " Треручицы". Имел Шенкурский монастырь и крепкое хозяйство. Впрочем, при всем своем богатстве, в нем не забывали дел благотворительности- в трапезной бесплатно кормилось до 400 паломников и бедняков. Вот в эту - то обитель и поступила Ирина Опарина, надев вместо белого платья и венца черный подрясник и остроконечную послушницескую шапочку- " связочку". Впоследствии приняла она и постриг с именем Ирины.

Монастырская жизнь пришлась ей по душе. И длительные службы, и послушания, и молитвенное правило не казались в тягость. Видимо, она с рождения была предназначена к иноческой доле. Чужим для нее виделся не монастырь, а мир, который она покинула, как ей тогда казалось, навсегда.

Послушанием ее в Шенкурской обители были всевозможные рукоделия. Веками, со времен игумении Евфимии, сестры совершенствовали искусство шитья и вышивки- золотом, пером, бисером –от чудесных плащаниц и покровов до пасхальных яиц в украшенных бисером чехольчиках. За годы жизни в монастыре Ирина Опарина стала настоящей мастерицей. Долгие годы в Соломбальском храме хранилась одна из ее работ- вышитый серебром плат под икону, где в причудливом узоре сплелись дивные цветы и травы. По краям плата была вышита надпись: "На молитвенную память от Ирины Опарининой". Вышивка эта на тридцать лет пережила своего автора, пока окончательно не обветшала.

Помимо послушания в монастырской рукодельной, матушка Ирина пела на клиросе. Научилась звонить в колокола. И была счастлива, что в тиши обительских стен служит Богу. Кто знал тогда, что счастьем этому слишком скоро наступит конец...

В апреле 1918 г. Шенкурский монастырь впервые испытал гонение со стороны безбожников - у него были отняты земельные угодья. Затем в продолжение пяти лет обитель все более и более утесняли. Напрасно жители пытались спасти ее, послав в Совнарком письмо за множеством подписей с просьбой не закрывать монастырь. В 1923 году Шенкурский монастырь упразднили. Последние сестры его, ютившиеся в здании Свято-Троицкого храма, были изгнаны и оттуда. По бескрайним просторам России затерялись их следы. Из тех, кто жил и умер в Архангельске, достоверно известны имена лишь двоих - матушки Ирины и монахини Серафимы, погребенной близ Свято-Ильинского храма, судьба которой нам неизвестна и рассказать о которой уже некому...

После закрытия родной обители матушка Ирина, подобно птице, чье гнездо разорили злые люди, несколько лет скиталась по России. Достоверно известно, что в эту пору она побывала даже в Москве. В тридцатые годы вернулась в Архангельск.

Родителей ее к этому времени не было в живых, а братья и сестры жили самостоятельной жизнью. На небольшие сбережения матушка Ирина купила домик в Соломбале. Она, как и инокиня Евдокия, до конца пребыла верна иноческим обетам - замуж не вышла, не пошла работать и на государственную службу. Единственным делом, единственным послушанием ее в те годы стала служба при Соломбальском храме. Там она была, что называется, "на все руки" - и кадило подавала, и на клиросе пела, и в колокола звонила. Поэтому ее знали и любили все прихожане храма. Но не только за хороший голос или умение хорошо управляться с колоколами. Она запомнилась прежде всего, как монахиня, настоящая монахиня не только по одежде, но прежде всего по делам своим. Денег у нее никогда не водилось. Несмотря на нужду, матушка Ирина находила возможность помогать другим. Сохранились воспоминания одной старушки, к матери которой монахиня Ирина частенько приходила. "Всех она любила и жалела", - рассказывала эта женщина: "бывало, даст ей кто хлебушка, так она и им с нищими поделится норовит. Или придет к нам, да хлеб, что ей подали, маме и отдаст. «У тебя, Евфимьюшка, детки, так тебе он нужнее...»" Единственным ее богатством оставались иконы и книги, которые она очень любила читать сама, а также, вслух, другим. Особенно тем, кто нуждался в утешении Словом Божиим. А таких в ту пору было немало.

С именем матушки Ирины связано имя еще одной монахини - матушки Надежды, которой она дала приют в своем доме. Ни фамилия ее, ни то, из какого она была монастыря - неизвестно. И могила ее безвозвратно затерялась на Соломбальском кладбище... Известно только ее прозвание - "зырянка". Судя по крайне отрывочным сохранившимся о ней воспоминаниям, она была "откуда-то из Казахстана". Архангельск был для нее местом ссылки.

Возможно, что с матушкой Ириной она познакомилась в Москве, где монахиня Надежда жила после закрытия своего монастыря, работая банщицей. Больше о ней неизвестно ничего. Но даже за столь немногими сведениями об ее судьбе угадывается жизненная драма этой, ныне забытой всеми, монахини.

Матушка Ирина прожила долгую жизнь, до последнего оставаясь верной иноческим обетам и своему храму. Даже состарившись, изнемогая от неизлечимой болезни (она умерла от рака желудка), до последнего она посещала Соломбальскую церковь. И, по ее просьбе, похоронили ее рядом с любимым ее храмом, где еще доньше не угасла память о ней. Пока еще есть "на земле живых" старушки, с которыми когда-то она делилась хлебом, которых утешала в скорбях Словом Божиим, до сих пор не забывающие матушку-Ирину и молящиеся о ней.

Монахини Ирина и Надежда - не единственные архангельские подвижницы послереволюционной поры. Можно с уверенностью сказать, что при каждом из уцелевших тогда архангельских храмов служили монахини из разоренных монастырей. Только вспомнить и рассказать о них теперь уже практически некому...

Только один очевидец смог повествовать мне о матушках, подвизавшихся при еще одном храме нашего города - Всесвятском. Например, о послушницах Нине и Пелагии, несших послушание на клиросе и в алтаре. Они и обитали тут же, при церкви, в помещении просфорной, прожив вместе лет тридцать, не разу не поссорившись, всегда в мирном устроении духа. О них практически ничего не известно, кроме разве что истории о том, как пришла в церковь матушка Пелагия. До этого она работала нянечкой в детском саду. Кто мог тогда подумать, что эта простая, работающая женщина станет инокиней? Но как-то раз Пелагия тяжело заболела. Во время недуга своего она дала обет: если выживет, остаток дней посвятит Богу. И, когда Пелагия, вопреки прогнозам врачей, поправилась, она исполнила свое обещание - уйдя с "гражданской" работы, пришла трудиться в храм, чтобы остаться при нем до самой смерти. Даже скудные воспоминания, сохранившиеся о ней, заставляют преклониться перед ее памятью. Ведь выбор свой она, как и послушница Анастасия, совершала в годы "борьбы с религией". Можно только догадываться, какой внутренней борьбы стоило ей исполнить свое обещание Господу. Вытерпеть и людское непонимание, и насмешки. А может быть, и угрозы... Но она выдержала и это, оставшись до конца верной Христу.

Еще одной удивительной подвижницей, посетившей Всесвятский храм еще в предреволюционные годы, была послушница Феодора. По рассказам тех, кто помнил ее, ей тоже пришлось много вытерпеть. Прежде всего - от собственного отца, который был неверующим. Поэтому Иван (так звали его) постоянно насмехался над набожной дочерью, над ее желанием уйти в монастырь. А также - над Праведным Иоанном Кронштадтским, духовным чадом которого являлась Феодора. "Что этот твой Иван!" с издевкой говорил он дочери. Ей оставалось только молча сносить обиды и молиться, чтобы Сам Господь вразумил отца. И молитвы ее были услышаны. В один из приездов Праведного Иоанна в Архангельск среди встречавшей его толпы

оказался и отец Феодоры, пришедший поглазеть на "Ивана". Неожиданно батюшка Иоанн направился к нему со словами: "Поди-ка, Иван, сюда..." Тот так и обомлел- ведь отец Иоанн не мог знать, что его звали именно Иваном. Праведный Иоанн еще что-то сказал отцу Феодоры. Что именно- для нас навсегда останется тайной. Известно только одно- после встречи этой отец Феодоры переменился- и над дочерью насмехаться перестал, и сделался постоянным прихожанином Всесвятой церкви, глубоко верующим человеком.

Он все- таки благословил Феодору и уйти в монастырь. Желание ее стать послушницей Сурской обители, монастыря на Пинеге, основанного Иоанном Кронштадским, казалось, было близко к осуществлению. Но, к сожалению, это произошло много позднее- в двадцатые годы Сурский монастырь закрыли. Но Феодора осталась верна своей мечте. И, желая быть рядом с хотя бы уже разоренной святыней, она уехала в Суру. Ее след навсегда затерялся на дальнем Пинежье. И нам неизвестно, где нашла свое последнее пристанище эта мужественная девушка, до конца сохранившая верность избранному ею пути. Может быть, ее могила- на монастырском кладбище? А может, конец ее был мученическим? Ведь известно, что в сороковые годы последние монахини Сурской обители, поселившиеся по соседству с нею в Суре, были арестованы и утоплены в проруби где- то по дороге на Карпогоры (по сообщению Л. Егоровой) Но как бы то ни было, пусть в памяти нашей останется и имя послушницы Феодоры- одной из сонма архангельских подвижниц.

Рядом со Всесвятым храмом, среди безымянных монашеских захоронений, есть две могилы ссыльных матушек- монахини Парфении и послушницы Зинаиды (Слабженниновых). Матушки Парфения и Зинаида были родными сестрами. Родились они в Пензенской губернии, в селе Коповке Керенского уезда. Старшая сестра, Парфения, в юности приняла постриг в монастыре в честь Тихвинской иконы Божией Матери, находившемся недалеко от Коповки. Позже, по примеру старшей сестры, ушла в ту же обитель и Зинаида. А средняя из сестер, Параскева, вышла замуж за зажиточного крестьянина из родного села.

Тем, кто сохранил память о матушках Парфении и Зинаиде, они напоминали Евангельских сестер- Марию и Марфу. Монахиня Парфения была великой молитвенницей. Послушница Зинаида- великой труженицей. Послушанием монахини Парфении была работа в рукодельной. Она прекрасно шила и вышивала. Любила читать духовные книги, причем многое из прочитанного помнила наизусть. Ее знание Священного Писания и святоотеческих книг помогло ей выдержать лишения в ссылке. Мало того- зачастую к ней обращались за советом незнакомые люди. И она не отказывала никому, подкрепляя свои слова- Словом Божиим. Любимым чтением ее была Псалтирь, которую она называла : " единственное мое сокровище". Других ценностей, кроме икон и книг, для нее не существовало.

Матушка Парфения обладала и даром убеждать людей, возвращать к вере тех, кто от нее отступился. Однажды ее, вместе с еще несколькими сестрами, игуменья отправилась со сбором в Петроград. Было это уже в послереволюционные годы. Там монахинь арестовали. Но, когда проводивший арест комиссар стал допрашивать матушку Парфению, допрос кончился неожиданностью - он приказал отпустить всех. Не веря случившемуся, покинули инокини страшное место, название которого в те времена боялись даже произносить вслух. И вдруг заметили погоню. Это гнался за ними верхом их недавний гонитель. Остановился, соскочил на землю и поклонился матушке Парфении. "Первый раз хорошего человека вижу. Молитесь за меня, матушка". И дал монахиням пачку денег. Когда те пришли в себя, звон копыт уже затих в конце улицы... Вернувшись в монастырь, инокини поведали о случившемся, как о чуде, своей игуменье. Она же благословила сестер связать теплые перчатки и носки и послать их комиссару. Кто знает, как сложилась потом судьба этого человека, в сердце которого, несмотря на служение его безбожной власти, не погас огонек веры? Вероятнее всего, что в те смутные годы в конце концов "свершилось и его страданье". Но не забывала его в своих молитвах монахиня Парфения.

Между прочим, матушка Парфения умела растолковывать пророчества иеромонаха Игнатия, казавшиеся некоторым безумными поступками. Ее племянница вспоминала, как однажды в соборе, еще в довоенные годы, отец Игнатий во время Богослужения, когда священник совершал каждение, шел за ним с пучком засохших веток в руках, копируя его жесты. После отпуста она спросила его: "Батюшка, что это Вы нам голод предсказываете"? Но тот, улыбнувшись, ответил ей: "Молчи, Парфеньюшка, ты уж молчи. Я и так за тебя в лагере настрадался много".

Послушница Зинаида, не имевшая талантов своей старшей сестры, была и в монастыре, и позже, в миру, неутомимой работницей, занятой на самых грязных и тяжелых послушаниях, которые так и спорились в ее привычных и умелых руках. Она навсегда осталась простой послушницей. Перед самым ее постригом Тихвинскую обитель закрыли. А насельниц, в числе которых оказались матушки Парфения и Зинаида, выслали на Север. Так и оказались они в Архангельске.

Бедствия земные не сломили их. И "непокоренными гражданами Вечности" они пребыли до смерти. Монахиня Парфения, для которой северный климат оказался губительным, как могла, утешала и поддерживала морально свою сестру. А деятельная, неутомимая Зинаида, берясь за любую черную работу, сумела спасти от голодной смерти не только матушку Парфению и себя, но и перебравшихся впоследствии по ее совету на Север детей Параскевы, семья которой была "раскулачена" и чуть было не погибла. И, став взрослыми, они на долгие годы остались благодарными матушке Зинаиде (Фотография 10).

Фотография 10. Послушница Зинаида.

Монахиня Парфения умерла еще далеко не старой- пятидесяти пяти лет. Зинаида пережила ее надолго, и скончалась в конце восьмидесятых годов. Могилы их у Всесвятского храма, как и могила матушки Ирины у Соломбальской церкви, не остались заброшенными. Потому что добрая память, которую оставили на земле эти подвижницы, не умерла вместе с ними. Знать и помнить о них- и наш долг. Как и учиться их стойкости и терпению в перенесении скорбей и невзгод.

СКОРБИ И УТРАТЫ

Скорби и утраты пришлось перенести и матушке Елсвферии. Они сопутствовали ей в течение всей ее жизни. В числе этих скорбей прежде всего было непонимание со стороны окружающих людей, даже родственников. Зачастую- и насмешки. Разве могли уразуметь знакомые Настеньки Неверовой, а впоследствии- послушницы Анастасии, отчего эта красивая, умная девушка ходит в храм? Почему избегает развлечений? И уж совсем непонятно – по какой причине она не спешит завести семью, детей? Почему она не такая, как все остальные? Безусловно, это было предметом и издевок, и тайных пересудов.

К сожалению, это касалось даже людей церковных. Впоследствии, когда послушница Анастасия приняла постриг в рясофор (так называемый “ малый постриг”, когда послушник получает право носить рясу) и ходила в монашеской одежде, находились те, кто осуждал ее. Ведь она была полной противоположностью тому, каким обычно представляют инок. Ни угрюмого вида, ни молчаливой замкнутости она на себя не напускала. Очень живая, общительная, нередко улыбающаяся- именно такой она запомнилась многим. И когда ей говорили, что некоторые соблазняются этим, она отвечала: “Что же делать –такая уж я грешница”. Для нее представлялось более греховным казаться тем, чем она не являлась в действительности, нежели терпеть осуждение окружающих.

Но насмешки и непонимание были не самыми горестными из перенесенных ею скорбей. В годы войны матушка, а тогда еще послушница Анастасия, работала поваром в воинской части, размещавшейся в Архангельской области. Даже одно это можно считать искушением. Ведь из Святоотеческих Писаний мы знаем, что с древних времен монахам строго-

настрою запрещалось близкое общение с лицами противоположного пола. А тут молоденькую повариху, тайную послушницу постоянно окружало множество таких же молодых мужчин. И у нее не было практически никакой возможности уединиться, чтобы побыть наедине с Богом и собой, почитать молитвы. Постоянно на виду, постоянно среди соблазнов. Не обошлось, конечно, и без посягательств добиться ее любви силой. Об одном таком случае матушка рассказывала только однажды, и то в двух-трех словах, как о слишком горестном для нее воспоминании. Только чудом, заступлением Божиим, она оказалась тогда спасена. Но удивительно, что в такой среде, меньше всего подходившей для монашеского делания, она сумела остаться в мирном устроении, храня зрение и слух. Мало того- нашла способ даже совершать данное ею отцом Игнатием молитвенное правило.

Фотография 11. Послушница Анастасия - повар

Каким было это правило, матушка никогда не рассказывала, а спрашивать об этом я считала несудобным. Знаю только одно- в него входило триста земных поклонов. Конечно, выполнять его послушнице Анастасии приходилось украдкой. Бывало, пошлют ее в кладовую за продуктами, и там, никем не замеченная, она и положит поклоны, и помолится, сколько окажется возможным. И так продолжалось многие месяцы, годы... (Фотография 11).

Работа послушницы Анастасии в воинской части была также связана со скорбями. Из рассказов матушки Елевферии известно, что в сороковые годы нее сделали анонимный донос, обвиняя в хищении продуктов. Подобное не предвещало ничего хорошего, особенно в те времена. Однако Анастасия слыла настолько ответственной и честной работницей, что по доносу решили провести расследование. По рассказам матушки, она должна была на глазах комиссии на глаз разложить порции блюд по тарелкам. Если бы они оказались больше или меньше стандарта, Анастасию ожидал арест на основании написанного на нее доноса.

Спасти ее могло только чудо. Ведь, по человеческому рассуждению, невозможно было бы без весов, просто так, "на глаз" разложить порции абсолютно точно соответствующие необходимому весу. И послушница Анастасия понимала это. Но она знала и еще одно- Господь и Матерь Божия могут помочь ей. Помимо тропаря и кондака Успению Пресвятой Богородицы, она прочитала все молитвы Царице Небесной, которые помнила наизусть. Молилась со слезами, в надежде на Ее помощь. И вдруг, во время молитвы той, в сердце ее родилась уверенность, что просьбы ее услышаны. Страх как ни бывало, на душе стало тихо и спокойно.

На другое утро, к изумлению проверявших, Анастасия на глаз разложила порции точь- в-точь такого веса и объема, как требовалось. Доносу не дали ход. "Ай да мастерица!"- удивлялись проверявшие. Но им было невдомек, что спасла эту мастерицу, тайную послушницу, от верной гибели, Матерь Божия.

В военные годы послушницу Анастасию постигло и большое горе- на фронте погиб ее брат Василий, горячо любимый ею с детства. Над столом матушки висела старая фотография, на которой она была снята вместе с ним. Навсегда юным остался на ней младший лейтенант Василий Неверов. Скорбь о нем не утихла в ее сердце никогда. О брате она охотно вспоминала, любила, пересматривая старые фотографии своего архива, рассказывать о нем. "Вся мученик, она на войне погиб"- такими словами обычно завершались эти рассказы- воспоминания. И в помянике ее среди многих дорогих ей имен усопших и живых было и его имя- имя воина Василия.

Имелось там и еще одно имя- Алексей. С именем этим связана история о том, как повстречалась послушница Анастасия с человеком, который "не стал ее судьбой". Произошло это в сороковые годы. Матушка никогда не рассказывала о встрече с тем, кто, по предсказанию Владыки Никона, должен был стать ее женихом. И знаем мы о ней только из воспоминаний других, близко знавших ее лиц. Алексей был сверстником Анастасии, человеком серьезным, вдобавок, верующим. И возможно, чувство его к Анастасии было достаточно глубоким и серьезным. И, когда он сделал Анастасии предложение, именно поэтому она не решилась отказать ему сразу. Долго раздумывала она, как поступить. Ведь ей, конечно же, хотелось иногда тихого семейного счастья с любимым человеком... Но среди раздумий и молитв припомнилось ей, как отец Игнатий, одевая ее в подрясник солнечным утром на Троицын День, сказал ей: "Теперь ты невеста Христова". И Анастасия поняла- она не может предать своего Небесного Жениха, не может променять нетленное на тленное, пусть даже совершит она свой отказ от земной радости с болью в сердце. И она отказала Алексею. Позднее он женился на другой девушке, имел детей... Вот за этого-то человека до самой смерти и молилась матушка Елевферия, уже приняв постриг в мантию. Это был не единственный случай, когда послушнице Анастасии приходилось преодолевать подобные искушения.

Однажды она обмолвилась, что ей делали предложение одиннадцать раз. Что при этом довелось ей пережить - можно лишь догадываться. И преклониться перед стойкостью этой молодой девушки, предпочетшей подвижническую жизнь - семейному счастью.

По окончании войны, проработав поваром еще несколько лет, послушница Анастасия перешла на другую должность. Она устроилась продавщицей в маленький магазинчик системы "Воснотрга". Магазинчик этот чем-то напоминал старинные лавочки - небольшой, уютный, на первом этаже двухэтажного дома в центре Архангельска. Работа эта представлялась ей настоящей милостью Божией - она была единственной продавщицей в нем, и в свободное от обслуживания покупателей время могла немного помолиться, украдкой и почитать, даже вполголоса попеть что-то из известных ей духовных песнопений. Но именно это давно желанное ею одиночество, по проискам врага нашего спасения, чуть не привело ее к мученической кончине. Однажды в магазинчик забрел незнакомец. Выждав время, когда кроме него и Анастасии там никого не осталось, он бросился на нее и стал наносить ей удары по голове чем-то тяжелым. Решив, что продавщица мертва, он забрал вырубку и скрылся. И опять-таки от неминуемой гибели спасла тогда Анастасию Царица Небесная. Несмотря на тяжелую травму головы, она выжила, хотя мучительные последствия ее у матушки сохранились на всю ее оставшуюся жизнь.

Еще об одном искушении, которое пришлось преодолеть ей, она рассказывала только однажды. В шестидесятые годы, когда Анастасия Неврова вышла на пенсию и несколько лет работала казначеем при храме Всех Святых, ее вызвали в КГБ. Со слов матушки, ей настойчиво предлагали стать осведомителем. Она отказалась "Смотри, чтобы пожалеть не пришлось" - был ответ. От возможных гонений ее спасла опять-таки милость Божия, как предсказывал ей когда-то иеромонах Порфирий: "...не бойся ничего. Владычица Сама все управит".

Но несомненно, самой большой скорбью для послушницы Анастасии было то, что, как ни желала она уйти в монастырь, желание это так и не сбылось никогда. В тридцатые годы, когда Анастасия только-только вступала в Церковь, ей пришлось видеть последствия разорения северных монастырей, пришлось общаться с последними их обитательницами. Судя по ее рассказам, они часто собирались вместе, молились, пели духовные стихи. "А я их бывало, слушаю, и плачу", - рассказывала матушка об этих встречах. Иногда припоминала и отрывки из тех "псалм", что пели тайно, в чужом доме, обездоленные, бездомные матушки. Например, такую молитву, обращенную к иконе Божией Матери "Всех скорбящих Радосте":

“ О, Мати Пресвятая!
Утри слезу с ланит.
От бед изнемогаю,
Душа моя скорбит.
Прибежища не имам.

И нет приюта мне.
 Не по моим уж силам
 Все перенести вполне.
 Повсюду тесно стало.
 В душе лишь боль и стон.
 Отрады нет нисколько.
 И зло со всех сторон...

Монахини эти тоже никогда не вернулись в родные обители. И могилы их затерялись на городских кладбищах. Как не смогла уйти в монастырь и послушница Анастасия. Помешала война, необходимость работать, потом заботиться о состарившейся матери. В пятидесятые-шестидесятые годы во время отпусков Анастасия много ездила по святым местам России, была и в различных женских монастырях - Пюхтицком, Киевском Флоровском и Покровском. Но, по не зависевшим от нее обстоятельствам, остаться там навсегда не смогла. Видимо, подвиг ее был иным - живя в миру, служить для других примером того, что спастись можно не только в стенах обители, а и среди мира. Однако, матушка прекрасно понимала, насколько это сложно - быть монахиней в миру. Поэтому тем, кто желал последовать ее примеру, она пересказывала историю из жития египетского подвижника Арсения Великого, где говорилось о том, что он любил повторять: "Если ты монах, то иди в монастырь". "А мне хоть бы умереть в монастыре". - со вздохом завершала матушка это повествование.

Конечно, еще одно обстоятельство тяготило послушницу Анастасию - в послевоенные годы в Архангельске у нее не стало духовного отца. Иеромонах Игнатий покинул Архангельск в начале сороковых. Как и игумен Серафим, который руководил послушницей Анастасией после его отъезда. И, изредка встречаясь с ним, она не могла, по его благословению, исполнить давнее свое желание - принять постриг. Но все эти скорби, все искушения, она переносила терпеливо, надеясь на то, что Бог не оставит ее. И она не обманулась в этой своей надежде.

ХАРАКТЕР МАТУШКИ ЕЛЕВФЕРИИ

В шестидесятые годы, когда послушница Анастасия вышла на пенсию и работала казначеем в храме Всех Святых, отпуска свои она проводила в паломнических поездках по святым местам. И непременно на пути своем она на несколько дней задерживалась в Загорске (ныне Сергиев Посад), чтобы поклониться святыням Троице-Сергиевой Лавры и встретиться с игуменом (а позднее архимандритом) отцом Серафимом (Фотография 12).

Судьба этого человека заслуживает особого рассказа о нем. Батюшка Серафим (Шинкарев) был знаком Анастасии Неверовой еще с той поры, когда она, молоденькой девушкой, ходила к Владыке Никону, чтобы поздравить его с Праздником Пасхи. Отец Серафим был келейником Епископа Никона,

Вероятно, именно по его рассказу-рассказу единственного очевидца этого трагического события, и знала она об обстоятельствах его ареста. Тогда чудом избежавший смерти батюшка Серафим вернулся в Архангельск, и служил, сперва в соборе, затем - в храме Всех Святых.

В памяти архангелогородцев он навсегда остался и останется настоящим подвижником. Жил он недалеко от собора, и та дорожка, по которой он ежедневно ходил в храм, для старых прихожан и поныне "дорожка отца Серафима". Богослужения утром и вечером, молебны, требы - все это он совершал неукоснительно, со тщанием, несмотря на усталость или болезни. Его усилиями был произведен ремонт собора, а позже - и Всесвятского храма, который в послевоенные годы был возвращен верующим после того, как несколько десятилетий в нем размещался сперва пересыльный пункт, а после - склад.

Сохранились воспоминания очевидцев об игумене Серафиме. И они рисуют его человеком праведной жизни, словно явившимся в двадцатое столетие из первых веков христианства. Сухонский, среднего роста, быстрый в движениях, в ореоле пышных волос, он, подобно монахам древности, отличался крайним нестяжанием. Ежедневной его пищей был небольшой горшочек каши, которую он сам себе готовил в русской печке. Денег у него не водилось никогда - отец Серафим раздавал их тем, кто в них нуждался. Один из очевидцев вспоминал, как он отдал нищей девочке 150 рублей - столько тогда на рынке давали за буханку хлеба. Строгий к себе, он требовал ответственного отношения к христианским обязанностям и от других. Например, очень не любил пустых разговоров, и останавливал тех, кто проводил время в ненужной болтовне.

После отъезда из Архангельска иеромонаха Игнатия, отец Серафим стал духовным отцом послушницы Анастасии. Поэтому, когда в 1947 году его перевели в Троице - Сергиеву Лавру, она виделась там с ним, исповедовалась у него. У нее был снимок, к сожалению, очень плохого качества, где она была изображена сидящей вместе с ним за маленьким

Фотография 12. Иеромонах (позднее архимандрит) Серафим. Снимок 1937 г.

столиком – еще не старая женщина в строгом темном платочке и словно сошедший со старинной иконы, согбенный, седой старец с пышными волосами и бородой. Матушка очень дорожила этим снимком, потому что запечатленный на нем человек так много значил в ее жизни.

Между прочим, перевод игумена Серафима в Загорск был за несколько лет до этого предсказан иеромонахом Игнатием, который, как мы уже упоминали, под внешним юродством скрывал свою прозорливость. Однажды отец Игнатий, явившись в Свято-Ильинский собор, притащил с собой целый узел всевозможных вещей и посудин. Выложив свою странную ношу на пол перед батюшкой Серафимом, он стал раскладывать перед ним принесенные предметы. И между прочим, первым послушанием в Свято-Троицкой Лавре у игумена Серафима стало послушание ризничего. Тогда-то и получил объяснение странный поступок отца Игнатия.

Я никогда не спрашивала матушку, о чем говорила она с отцом Серафимом во время своих встреч с ним, считая неудобным вторгаться в ее внутренний мир. Сама она рассказывала лишь о том, что он неоднократно советовал ей принимать монашество. Видимо, он знал, что она готова к этому. "Постригайся, Анастасия", – говорил он ей, – "чтобы через год ты ко мне уже инокиней приехала".

Но она не спешила исполнить то, на что он ее благословлял. Ведь для нее постриг был шагом необычайно важным, требующим от нее готовности его сделать. А она искренне считала себя последней грешницей, недостойной носить даже послушнический подрясник. И, что самое главное, она не была уверена, сумеет ли вести монашеский образ жизни, находясь в миру. В матушке было необычайно сильно чувство ответственности за тот или иной совершенный ею поступок. И она опасалась, не послужит ли ей в вечное осуждение преждевременно принятый постриг. Обычно в таких случаях она ссылалась на пример из жития преподобного Пимена в "Киево-Печерском Патерике", когда по его предсказанию, послушник, не успевший принять схиму, был обнаружен лежащим в гробу в схимническом облачении, тогда как недостойно носившему ее схимнику она послужила во осуждение. Поэтому постриг ее совершился через четыре года после кончины отца Серафима, в 1983 году. Причем за много километров от Архангельска – на Кубани.

В конце семидесятых годов Анастасия Неверова впервые посетила этот удивительный край, где одна из ее племянниц имела дом и хозяйство в станице Ясенской. Однако тогда в этой местности не было своего храма, и Анастасия Александровна, для которой посещение Богослужений с детских лет было неотъемлемой частью жизни, ездила в расположенную неподалеку станицу Копанскую, где была церковь. Там и встретила она с человеком, который после кончины отца Серафима несколько лет был ее духовником, с тем, кто совершил первый ее постриг – с игуменом Димитрием (Глушко).

Игумен Димитрий и Анастасия Неверова были разными людьми: и по возрасту, и по происхождению, и по характеру, и по образованию. Но многое их и объединяло. И горячая вера, и готовность вытерпеть все за Христа, и сознание своей ответственности перед Ним. Путь игумена Димитрия к вере как и путь Анастасии Неверовой, был непростым. И может быть, именно поэтому они очень уважали друг друга.

Храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы в станице Копанской можно было справедливо назвать детищем отца Димитрия – ведь строился он по чертежам батюшки и при деятельнейшем его участии. Долгие службы монастырским чином, чтение житий Святых, проповеди священника – все это отзывалось в сердце, возбуждая желание обогатиться в этом удивительном месте, напоминающем маленький, оторванный от шумной суеты мира, скит. В Копанской Анастасия Неверова прожила три года, неся при батюшке Димитрии послушание поварихи. Здесь же, в Покровском храме, игумен Димитрий совершил над нею постриг в рясофор, дав имя в честь мученицы Евдокии, пострадавшей в Персии в 4 веке. Было это весной 1983 года.

Матушка мало рассказывала о своем первом постриге. Известно только что к нему она тщательно готовилась. Особенно внутренне – молитвой, исповедью, причащением. И событие это воспринимала, как свое новое рождение.

Периодически на время отпуска, она приезжала в Архангельск, навещая Свято-Ильинский храм. Многим тогда запомнилась странная худощавая старушка – в подряснике, черном платке, с истрепанными четками на левой руке, несобыкновенно подвижная и живая. Почти на всех богослужениях она, стоя на левом клиросе, подпевала хору. Ее голос и в старости остался таким же чистым и звонким.

В отличие от станицы Копанской, где матушка Евдокия почти не покидала церковной ограды, в Архангельске ей приходилось пребывать в самой гуще большого города. Однако, несмотря на свою природную общительность, она ограничивала круг своего общения до минимума, выбираясь, в основном, только в храм. При первой же возможности снова уезжала в Копанскую, где, как казалось ей, она обрела монастырь, покидая который, по выражению Отцов, она уподобляется рыбе, выброшенной на сушу – “что рыба вне моря, то монах – вне монастыря”. Однако в 1992 году, когда ее начали одолевать болезни, матушка вынуждена была навсегда вернуться в Архангельск. Маленький скит возле Покровского храма на дальней Кубани стал одной из самых горестных ее утрат, одним из самых печальных и светлых ее воспоминаний. Также как и его настоятель, игумен Димитрий, который в ее представлении был духовным продолжателем тех, у кого когда-то, в юности своей, постигала она азы иноческой жизни.

Об уровне внутренней жизни матушки мне трудно судить. Поэтому лучше рассказать о том, какой запомнилась матушка Евдокия (а тогда еще – рясофорная монахиня Евдокия) тем, кто с нею общался, кто знал ее.

Мы уже говорили, что внешне она совсем не напоминала монахиню как мы привыкли ее представлять. Общительная, подвижная, она часто улыбалась. Однако то была особенная улыбка - добрая и чистая, без тени чего-то грубого и страстного. Иногда, заметив, что собеседника смущает ее "несерьезность", она припоминала историю о монахе, который, хотя и согрешил, но после принес Богу достойное покаяние, которое сопровождалось радостным чувством: "Господь не оставил, Господь простил". Ну что ж поделывать, такая уж я грешница" - смиренно добавляла она при этом. Возможно, что в поведении матушки имелся и элемент юродства, заимствованный у отца Игнатия. Ей не хотелось "казаться святой". Однажды, когда кто-то из молодых христианок спросил ее, как вести себя среди мира, она ответила: "быть Исидорой". И пояснила, что древняя египетская инокиня Исидора несла монашеский подвиг тайно, прикрывая его внешне недельными поступками, за которые ее осуждали и гнали окружавшие ее люди. Матушка знала, что ее не все считают настоящей монахиней, и ее радовало то, что она, как Исидора, терпит это Бога ради (Фотография 13).

О том, что несерьезность ее была мнимой, может свидетельствовать

Фотография 13. Послушница Анастасия (справа). Рядом - монах Онуфрий и иеромонах Серафим. Снимок 1967 г.

хотя бы то, что круг ее знакомств был достаточно серьезным. Архиепископы Исидор и Никон, два брата-монаха из Почаевской Лавры, некоторые священники с Кубани, инокиня Мария из станицы Копанской... Общения с пустыми, кощунственно относившимися к вере людьми она старательно избегала. Кстати, не поощряла и излишнюю говорливость некоторых своих знакомых, могла и по лбу щелкнуть: "не мели языком зря - Бог за всякое пустое слово с нас взыщет". И вспоминала слова египетских старцев о том, что в духовном отношении болтливый человек подобен бане, двери которой распахнуты настежь - сколько ни топи ее - не нагреется.

Внутренняя ее жизнь оставалась для всех тайной. Известно, что она строго и неукоснительно выполняла молитвенное правило, вычитывая его ежедневно по старинной книге, доставшейся ей от монахини Магдалины, той самой, что присутствовала при кончине инокини Евдокии. Поклоны также совершала

до того времени, когда по старческой немощи вынуждена была оставить их. Постоянно занималась Иисусовой молитвой, которая была у нее постоянно на устах, иногда читая ее и по затертым до ветхости (по выражению епископа Варнавы Беляева – “трудовым”) четкам. Очень любила акафисты, особенно Божией Матерью Игуменни Святой горы Афонской, который несколько раз собственноручно переписывала. Ведь только на эту Небесную Игуменню могла полагаться монахиня, несшая свой подвиг вне монастыря.

Образование матушки Елевферии ограничивалось церковно-приходской школой. Но, когда с нею встречались люди с высшим образованием, их изумлял уровень интеллекта этой старушки. Она была мудрее их. И житейским опытом, и знаниями, заимствованными из множества прочитанных ею духовных книг, и некоей особенной мудростью, данной свыше. И когда просили ее совета, она никогда не давала его “от себя”, от своего разума, ссылаясь на пример из Священного Писания или из жития того или иного подвижника.

Читала и знала она необычайно много. У нее имелась и богатая рукописная библиотека. В аккуратных тетрадочках можно было прочесть и “Письма инокини Натальи из Иерусалима”, и “Повесть о незлобиво” – трогательное монастырское предание о мальчике-престеце, который тайно кормил своим обедом наказанного брата, не ведая, что это – Сам Христос, и “Письмо жены Понтия Пилата о смерти Праведника”. Все это было переписано ее крупным красивым почерком в разные годы, и неоднократно перечитывалось. Любимейшей же книгой матушки был “Древний Патерик”, переписанный ею во время жизни на Кубани. Занимал он восемь тетрадок. После Священного Писания, которое матушка постоянно читала, и хранила из особенного почтения к Слову Божию, рядом с иконами, это была ее настольная книга. Здесь находила она ответы на все свои вопросы. Ссылаясь на нее тогда, когда просили ее совета в чем-то. Одним из наиболее часто вспоминаемых ею рассказов из этой книги, была история о подвижнике, который, впав в уныние, увидел Ангела, который то молился, то работал, то снова молился. И затем услышал голос: “и ты делай так же, и спасешься”. А, например, тем, кто преждевременно мечтал о монашеских подвигах, она приводила на память повествование о горестной посмертной участи двух инокинь, оказавшихся недостойными своего звания. Матушка никогда не читала Преподобного Нила Сорского, но его совет инокам, при отсутствии “истинных учителей” руководствоваться в деле спасения Священным Писанием и сочинениями Святых Отцов, выполняла на деле.

В последние годы, когда духовная литература стала доступнее, она прочитала ряд книг С. Нилуса, Е. Поселянина, а также жития Святых, канонизированных на Поместном Соборе 1988 года. Из них особенно запало ей в душу житие Преподобного Максима Грека. Можно полагать, что именно терпеливое перенесение этим подвижником незаслуженных страданий сделало его судьбу необычайно понятной и близкой для матушки. И когда в

конец жизни ей тоже пришлось много вынести, она черпала силы для перенесения недугов и скорбей и из его жития. В последний год ее земного жития в ее святом углу образ Преподобного Максима был одним из центральных.

Одним из наиболее почитаемых матушкой Святых был Иоанн Кронштадтский. И в этом, безусловно, выдающуюся роль сыграло ее знакомство с последними сестрами Сурского монастыря. Вероятно, от них и достались ей удивительные святыни, которые она хранила долгие годы-подушечка, принадлежавшая Батюшке Иоанну (впоследствии она подарила ее одному иеромонаху, приехавшему на Север из Молдавии), редкий снимок Св. Иоанна, на котором он был изображен сидящим в кресле, опершись на руку головой, его изображение на хромолитографии- во весь рост, с Евангелием в руке, а также кипарисовый крест, принадлежавший сурской инокине Глафире. Был у матушки и акафист Праведному Иоанну – “ дивному пастырю Кронштадтскому”, вероятно, написанный кем-то из его духовных чад, где приводился, между прочим, ряд фактов из его пастырского служения. Матушка сохранила и фотографии последней сурской игумении Серафимы, о Димитрия Федосихина, которые впоследствии подарила разным людям. А в ее синодике были имена сурских матушек- Серафимы, Наталии, Варвары, инокинь Глафиры, Анны и Евстолии... Долгие годы она молилась о них, хранила память об этих, ныне почти всеми забытых, подвижниках. Незадолго до смерти передала свой синодик в Свято- Ильинский собор, надеясь, что записанные там монахинь не перестанут помнить после ее кончины.

Матушка очень любила иконы и духовные книги и относилась к ним с особыми почтением и бережливостью. Например, приступала к чтению церковных книг не иначе, как предварительно вымыв руки, аккуратно обращаясь с ними. У нее было множество икон, с числе которых выделялся образ Казанской Божией Матери в серебряной ризе- родительское благословение. К Праздникам она убирала их кружевными накидками, до блеска начищала их ризы... Кстати, обилие икон объяснялось еще и тем, что матушка старалась из каждого святого места, где ей довелось побывать, привезти хотя бы небольшой образок. Любимой ее иконой был образ Божией Матери Игумении горы Афонской, бумажный, очень старый, почти истершийся. Некоторые иконы попали к ней не совсем обычным способом. Например, в пору работы поваром, в дровах, предназначенных для растопки печи, она обнаружила литографию с изображением Архангела Михаила, которую ей удалось, спрятав, спасти от сожжения. Другой образок –Спаса Благое Молчание –ей кто-то подложил под дверь, видимо, зная, что у нее икона эта переживет лихие времена. И действительно, все эти иконы она сберегла и сохранила. Но, по - монашески нестяжательная, матушка незадолго до кончины раздарила почти все свои иконы по различным храмам города – в Никольскую церковь, на Соловецкое подворье, таким образом щедро поделившись с людьми своим духовным богатством.

В восьмидесятые годы матушку ожидало еще одно искушение – искушение славой. Выдержать его далеко не всем оказывается под силу. Ей, с помощью Божией, удалось. Людской славы она тщательно избегала. Несколько раз о ней собирались снять сюжет на телевидении, пытались уговорить ее позировать для портрета. Это было как раз в те годы, когда, после гонений, у светских людей начал пробуждаться интерес к Церкви и церковным людям. А ведь матушка тогда была едва ли не единственной монахиней в Архангельске. На все эти уговоры она ответила отказом. Человеку, который написал о ней статью, строго-настрого запретила впредь ее “пропечатывать”. И лишь незадолго до кончины она дала свое единственное в жизни интервью, которое было опубликовано в христианской газете Республики Коми “Вера”. Но в этом интервью стоявшая уже на пороге вечности матушка рассказывала не о себе, а о тех подвижниках и подвижницах Архангельска, с которыми довелось ей общаться – о Владыке Никоне, протоиерее Димитрии, инокинях Евдокии и Наталии и некоторых других. Ради того, чтобы хранимая ею память о них не ушла вместе с нею, единственный раз в жизни она нарушила молчание. Именно из этих воспоминаний и почерпнуты сведения и встречах ее в юности с этими людьми.

Мы уже говорили, что не знаем всех подробностей жизни матушки Елевферии. Но то немногое, что мы все же известно о ней, свидетельствует об одном – это была одна из таких нравственно цельных людей, которыми всегда был богат наш северный край.

ПОСЛЕДНИЙ ВЕНЕЦ

Есть мудрая поговорка: “концу-делу венец”. И мы знаем, что нередко последним земным испытанием людей становилось время их кончины, их предсмертных болезней. И это – одно из труднейших испытаний. Такое испытание пришлось выдержать и матушке Елевферии. И продолжалось оно долгие два года.

Окружающим ее она неоднократно говорила, что перед кончиной ее ожидают скорби и болезни. И, предчувствуя это, она приготовилась к смерти заранее. Прежде всего, конечно, частыми исповедью и причащением. Как многие верующие русские люди, заранее собрала в узелок и “смертную одежду” – свое монашеское облачение. Положила в клубок, рядом со свернутым в кольцо кожаным поясом, любимые, истертые до восточности, четки. Написала завещание с просьбой отпеть ее в Свято-Ильинском соборе, любимом ею с юных лет, и ни в коем случае не употреблять на поминках вина. О своей недалкой смерти она говорила не раз, хотя ее собеседникам зачастую не верилось, что это произойдет настолько скоро.

Осенью 1995 г. она перенесла инсульт. Почти три месяца находилась она в состоянии, близком к смерти. Последствием этой болезни стало то, что из-за паралича правых конечностей она не смогла покидать стен своей квартиры. Таким образом, у нее было отнято единственное ее утешение –

возможность посещать храм. С другой стороны, ухаживавшая за матушкой ее родственница была человеком светским, поэтому покой ее частенько нарушали звуки телевизора, а также возня в коридоре многочисленных кошек и собак. Однако матушка не только не отчаялась, наоборот, свое скорбное, с точки зрения людей, положение, почитала милостью Божией. "Мне Господь еще оставил время покаяться", - так говорила она тем, кто пытался утешить ее. Хотя было видно, что ей очень тяжело, что ей стоит немало труда сохранять мир в душе. Именно в эту пору она навсегда перестала улыбаться чаще всего на ее глазах были видны слезы.

Но в эти горестные месяцы ее оживало последнее утешение, озарившее ее жизнь словно светом заходящего солнца. Летом 1996 г. по благословению Архангельского Епископа Пантелеимона, игумен Антониево-Сийского монастыря отец Трифон постриг матушку в мантию. Теперь она стала монахиней Елевферией. Имя это в переводе с греческого означает "свобода". Действительно, теперь медленно угасавшая матушка была свободна от всех жизненных преграл на пути к Небу. Окружающим ее казалось, что после пострига она недолго проживет, но она прожила еще около года. Единственной оставшейся у нее радостью были молитва и чтение духовных книг. Но вскоре ее ожидало еще одно тяжелое испытание - матушка ослепла. Лишенная зрения, замкнутая в четырех стенах своей комнаты, в одиночестве...

Трудно представить себе более горестную, с точки зрения человека светского, участь. И это она выдержала. Не разу не порочила на Бога, не разу не усомнилась в том, что, если Он судил ей такие испытания, то она должна их вынести благодушно. В этом проявилась великая сила веры старенькой, тяжело больной подвижницы. Она не только терпела эти скорби, но даже находила силы утешать других людей, укреплять их, не столь крепкую, колеблющуюся веру (Фотография 14).

Во второй половине августа 1997 г. матушка Елевферия при падении сломала ногу. Перелом шейки правого бедра для 82-летней старушки, перенесшей за два года до того инсульт, не сулил ничего хорошего. В течение почти месяца после этой травмы она тихо

Фотография 14. Монахиня Елевферия. Снимок 1996 г.

угасала, лежа в своей комнате. За это время несколько раз ее причащали Св. Таин. После причастия ей становилось лучше, но ненадолго. Земная жизнь ее близилась к концу. И сама матушка это понимала. Знакомой, пришедшей навестить ее за сутки или двое до того, как она сломала ногу, сказала: "Последним моим испытанием будет болезнь". И добавила: "это - для венца".

Но насколько тяжело досталась ей этот последний ее венец! Трудно писать, трудно представить ее страдания. Полная обездвиженность, боли пролежни. Те, кто видел тогда умирающую матушку, поражались ее мужеству. Несмотря на страдания, она не жаловалась, не плакала. Лишь, когда ее поворачивали, и боли становились невыносимыми, она стонала и кричала. Временами впадала в полудурное состояние, но и тогда продолжала повторять Иисусову молитву. Когда становилось легче, тихонько напевала своим любимым распевом: "Господи, помилуй".

В ночь на 15 сентября 1997 года матушка скончалась. Смерть ее была тихой и безболезненной. Перед кончиной она примирилась со всеми, кто обидел ее, простив всех. Незаметно для внешнего мира завершилась ее земная жизнь, как предсказывала когда-то, много лет назад, еще совсем юной Настеньке Неверовой, прозорливая инокиня Наталия: "по тебе никто не станет плакать. А душу твою Ангелы понесут".

Отпевали ее, по завещанию, в Свято-Ильинском соборе. Впервые за многие десятилетия отпевали в этом храме монахиню. На погребении ее присутствовало много людей, знавших ее. Там же, у собора, среди могил последних сурских и холмогорских инокинь, и похоронена матушка Елевферия.

Наш рассказ об ее судьбе закончен. Но история возрождения духовности на Севере продолжается. Кто знает, сколько других, удивительных судеб в истории Архангельского края еще ждут рассказа о них. История скольких обителей и храмов еще вернется к нам. Ведь испокон веков - с древности до наших дней богата и славна своими святынями и подвижниками была Архангельская земля.

Заказ 353. Тираж 100 экз. 23.03.99.

Отпечатано в ГП «Солти» с готовых оригиналов-макетов
163012, г. Архангельск, ул. Добролюбова, 1
Лицензия № 060823